

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф.,
Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М.,
Митрофанова А. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай),
Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Москва), Гэй У.
(США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Даф-
ферн Т. (Великобритания), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В.
(Иран), Коротаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия),
Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Степин В. С. (Россия), Ур-
сул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия), Юдин Б. Г. (Россия).

Адрес редакции:

119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.
Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

- Чумаков А. Н.** Триосфера, эпометаморфоз и новые задачи глобалистики 3
- Князева Е. Н., Алюшин А. Л.** Big History: эволюционное мышление в глобальной перспективе 16
- Чешков М. А.** О способности научного знания понять структуру и трансформации XXI в. 32

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Лось В. А.** Социоприродное измерение глобализации 48
- Махновский Д. М.** Глобализация и развитие сети мировых городов 57
- Ховавко И. Ю.** Концепция устойчивого развития в контексте глобализации 71

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Рябченко Н. П.** Войны: нерешенная проблема человечества 85
- Андреев И. Л., Назарова Л. Н.** Грозит ли человечеству психический апокалипсис? 97

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

- Торсян В. Г.** Культурная капитуляция как симптом/причина/следствие заката Европы 110
- Олейников Ю. В., Борзова Т. В.** Философское осмысление глобальной проблемы взаимодействия общества с природой 121
- Напсо М. Д.** Националистическая идеология в пространстве глобализации 133

РЕЦЕНЗИИ

- Ильин М. В.** Арабская весна в мир-системном контексте 140
- Contents* 143

ТЕОРИЯ

ТРИОСФЕРА, ЭПОМЕТАМОРФОЗ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ ГЛОБАЛИСТИКИ

Чумаков А. Н.*

В статье рассматриваются новые явления глобального мира, которые еще не стали предметом специального изучения в современной глобалистике. В первую очередь это касается трех тесно взаимосвязанных планетарных сфер: геологической, биологической и социальной, а также их эволюции и конкретных этапов развития. Анализируя данные сферы и связанные с ними явления, автор не только предлагает оригинальные подходы к их осмыслению, но и вводит специальные понятия, раскрывающие сущность новых объектов глобалистики, которые встают перед ней как актуальные задачи, требующие решения.

Ключевые слова: триосфера, эпометаморфоз, глобалистика, геосфера, биосфера, социосфера, процесс, эпоха.

The article discusses the new phenomena of the global world that have not yet become the subject of special consideration in the modern global studies. This primarily concerns three closely interrelated planetary spheres: geological, biological, and social, as well as their evolution and specific stages of development. By analyzing these spheres, the author offers original approaches their understanding and invents special concepts, revealing the essence of new objects of global studies. All this poses new objectives for global studies.

Keywords: triosphere, epometamorphosis, global studies, geosphere, biosphere, sociosphere, process, era.

Несмотря на существенные успехи, достигнутые к настоящему времени в осмыслении природы и динамики развития современной глобализации, многие вопросы ее генезиса, эволюции и влияния на общественную жизнь остаются дискуссионными даже в среде специалистов, занимающихся этой тематикой. Основная проблема, как представляется, заключается в том, что новую реальность пытаются исследовать, понять и описать при помощи сложившихся в иных условиях и уже вполне установившихся понятий. В итоге сущность явления по большей части остается за кадром, тогда как значительная доля внимания уделяется вещам несущественным, второстепенным. С учетом данного обстоятельства, а также того, что глобалистика как новая сфера междисциплинарного знания все еще

* Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ; ведущий научный сотрудник Института философии РАН; профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: chumakov@iph.ras.ru.

находится в стадии активного формирования, важно уделить особое внимание понятийному аппарату и словотворчеству в этой области.

Чтобы обнаружить уже самые первые признаки и фундаментальные причины появления глобализации, а также проследить наиболее важные этапы ее вызревания, следует изначально взглянуть крупным планом на исторические события [Гринин 2015: 3–16]. В этой связи отметим, что исторический процесс в крупном масштабе представляют обычно как последовательную смену следующих друг за другом состояний общества. В частности, в период европейских буржуазно-демократических революций появилось и стало популярным представление об истории человечества, состоящей из трех ступеней развития: *дикость – варварство – цивилизация*. Хорошо известны также формационная теория исторического процесса К. Маркса, теория стадий экономического роста У. Ростоу и др. [Глобалистика... 2012: 136–138]. Однако для целей нашего исследования такие подходы были бы малопродуктивными, так как все они фиксируют внимание прежде всего на качественных параметрах общественного развития, то есть на статике социального организма, и практически не учитывают динамику его эволюции. А для понимания сути процессов глобализации это имеет принципиальное значение.

Этимологически термин «глобализация» связан с масштабом планеты как целостной системы, а потому проследить эволюцию развития человечества до этого – глобального – уровня можно посредством анализа процесса географического расширения социальной жизни с момента ее зарождения. Таким образом, если в качестве основания деления всей истории человечества взять масштаб происшедших событий, то можно выделить **четыре** качественно отличных друг от друга эпохи, которые сопутствуют историческому развитию с момента возникновения общества до обозримого будущего и характеризуются присущими только им социальными связями и отношениями.

1. **Эпоха фрагментарных событий и локальных социальных связей.** Ее отсчет можно вести со времени появления человека (около 2 млн лет тому назад) и до полного завершения неолитической революции, то есть до возникновения и формирования первых государств около 7–3 тыс. лет до н. э.

2. **Эпоха региональных событий и территориально ограниченных международных отношений.** Она простирается от завершившейся неолитической революции, когда уже появились первые государства (7–3 тыс. лет до н. э.), до начала Великих географических открытий, то есть до эпохи Возрождения.

3. **Эпоха глобальных событий и всеобщей экономической и социально-политической зависимости.** Порожденная Великими географическими открытиями, она длится до середины XX в., когда мир обретает свою целостность в географическом, экономическом, политическом и экологическом отношениях.

4. **Эпоха космической экспансии и противоборства с использованием космического пространства и космических технологий.** Начавшаяся с запуска в 1957 г. первого искусственного спутника Земли, эта эпоха стала отличительной чертой нашего времени, а ее продолжение уходит как минимум в обозримое будущее. В это время мир окончательно замкнулся географически, то есть вся территория планеты стала доступной для человеческой деятельности и мониторинга. То же фактически происходит и с информационной сферой мирового сообщества.

Как видно уже из названий указанных эпох, переход от одной из них к другой каждый раз сопровождался расширением территориальных пределов, в рамках которых происходившие события сохраняли свою целостность, обнаруживая при этом общую тенденцию и определенную логику развития. Иначе говоря, мы имеем дело по существу с *генезисом эпох*. Для обозначения этого процесса можно было бы употребить более короткий и емкий термин «*эпогенез*», в результате которого предыдущая эпоха качественно трансформировалась в последующую. При этом каждая следующая эпоха охватывала все более короткий период времени, что вполне объясняется общей тенденцией ускорения общественного развития.

Вышеприведенную градацию мирового процесса можно соотнести с конкретными историческими событиями и проиллюстрировать ее на примерах военных конфликтов, масштабы и характер которых всегда были непосредственно связаны с территориальной экспансией и зависели от технической оснащенности противоборствующих сторон. Так, на ранних этапах истории, когда общественное развитие носило *фрагментарный* характер, то есть общественные структуры и соответствующие им связи развивались *локально*, военные столкновения были также частными и локальными. Это вполне соответствовало и ограниченным возможностям в средствах передвижения, и примитивности технического вооружения того времени.

Первым же событием действительно *регионального* масштаба в истории человечества следует признать завоевательные походы Александра Македонского, которые прямо и косвенно затронули сразу три континента: Ближнюю и Среднюю Азию вплоть до Индии, а также часть Европы и Африки. Монгольские завоевания XIII в. – также яркий пример военных действий и социальных потрясений регионального масштаба. Последней региональной войной стали наполеоновские походы и баталии, развернувшиеся тогда практически по всей Европе и частично в Африке, где помимо обычного вооружения уже широко применялись артиллерия и огнестрельное оружие.

Эпоха *глобальных* войн началась с Первой мировой войны, в которой были задействованы уже практически все современные виды оружия, за исключением ракетного и ядерного. Затем этот ряд противоборств мирового масштаба пополнился Второй мировой и холодной войнами, в которых прямо или косвенно участвовала основная часть человечества.

Следующий, еще более масштабный уровень конфликтов, на пороге которого мировое сообщество уже стоит, является *космическим*. Заметим при этом, что космические войны не обязательно должны сопровождаться боевыми действиями. Они могут сопровождаться победами или поражениями в сфере технологий, информационного обеспечения и т. п. Но как бы то ни было, одно несомненно – противоречия и конфликты такого масштаба будут нарастать, а их протекание и разрешение будут, скорее всего, аналогичны тому, как ведутся сегодня, например, торговые, дипломатические, политические или информационные войны – без непосредственного применения военной силы. Важно при этом подчеркнуть, что каждый новый уровень проблем (от локальных до космических) вовсе не отменяет автоматически те, которые были раньше, то есть проблемы более низкого уровня, а лишь наслаивается на них, зачастую резонируя с ними, а порой и обостряя, усиливая их своим влиянием.

Рассмотренный подход к градации исторического процесса позволяет увидеть очень важный, но тем не менее лишь один аспект глобализации – географический, то есть территориальное расширение человеческой активности. Вместе с тем уже на ранних этапах истории зарождались и другие процессы, обусловившие в дальнейшем становление универсальных связей и формирование единого человечества, которые проявлялись в экономике, культуре, теоретическом знании, религии. Все вместе, в совокупности, они стали важнейшей характеристикой общественного состояния, претерпевшего в истории несколько фундаментальных трансформаций. Эти социальные трансформации сродни тому, что в современной исторической литературе теперь принято называть «осевым временем» [Хрестоматия... 2015: 597–598].

Понятие «осевого времени», введенное К. Ясперсом для обозначения «решительных поворотов в потоке событий», относится к вполне определенному периоду времени мировой истории (800–200 гг. до н. э.). Тогда практически одновременно в трех разных, не связанных друг с другом регионах планеты – в Европе, Индии и Китае – надели и произошли кардинальные перемены «в области духовных основ человечества». Обращая на это внимание, Ясперс говорит о «взрыве человеческого духа», когда зарождается понимание всеобщности. А время, когда это произошло, он предложил именовать «осевым», поскольку оно стало поворотным от одного качественного состояния общества к другому. В последнее время в связи с ростом интереса к глобальной истории данный термин получил дополнительное обоснование и обновленное содержание, что позволило использовать его в более широком диапазоне, в том числе для обозначения и других поворотных пунктов в мировой истории. Таким образом, можно говорить уже не об одном, а о нескольких «осевых временах», в частности применительно к процессам глобализации [Axial... 2014: 29].

В глобалистике используются и другие термины, посредством которых пытаются объяснить фундаментальные изменения в историческом процессе. При этом обращается внимание не столько на количественные параметры глобализации, сколько на ее социально-экономические, культурные и т. п. аспекты. Так, предметом активного обсуждения в 1980-е гг. стала идея трех волн А. Тоффлера, который полагал, что человечество в своем развитии уже прошло две волны и в настоящее время переживает третью. Первая из них была связана с неолитической революцией, когда человек перешел от присваивающей экономики к производящей и стал вести оседлый образ жизни. Вторая волна знаменовала переход к индустриальному обществу. Наконец, третья волна привнесла принципиальные изменения в обществе, вызванные массовым внедрением электроники и информатизацией всех сфер общественной жизни [Глобалистика... 2012: 191].

В связи с поиском новых подходов к пониманию процессов глобализации в последнее время усилилось внимание к выдвинутой еще в 1920-е гг. Н. Д. Кондратьевым теории больших циклов конъюнктуры, которая получила известность под названием «волны Кондратьева». Также представляют интерес идеи и Э. Ласло, предложившего новый термин «макросдвиг», в соответствии с которым «происходящее ныне – это всеобщая эволюционная трансформация, которая может и, в конечном счете, должна выйти за рамки экономической глобализации, чтобы проложить путь к новой цивилизации. Эта трансформация – эра макросдвига: сдвига всеохватывающего, быстрого и необратимого, простирающегося до самых

далеких уголков земного шара и затрагивающего все аспекты жизни» [Ласло 2004: 12]. Понимая макросдвиг как трансформацию цивилизации, где движущей силой является технология, он подчеркивает, что этот сдвиг запускается наличием критической массы людей, которые осознали необходимость обновления системы ценностей.

Здесь следует подчеркнуть, что, в отличие от Ясперса, который говорит об одном осевом времени как о вполне конкретном фрагменте истории, Ласло ставит в центр своего внимания целую эпоху, пролонгируя ее в будущее и особо подчеркивая динамику изменений [Laszlo 2013: 108–111]. Однако в осмыслении истоков процессов глобализации он не заглядывает в историю дальше XIX в. и концентрируется в основном на современности и будущем. В итоге в его исследовании глобализация не просматривается как многоаспектный объективно-исторический процесс, имеющий глубокие исторические корни, а выступает скорее в качестве определенной характеристики общества, когда оно претерпевает существенные трансформации в своем развитии в условиях новейшего времени [Куда движется... 2014: 9–12]. Несомненно, это интересный подход, ориентирующий на восприятие глобализации в качестве поступательно развивающегося процесса с определенной пролонгацией его на перспективу. Но он не позволяет с достаточной ясностью увидеть фундаментальные истоки глобализации, а также ее разноплановый характер и порождаемые ею последствия планетарного масштаба. По этой причине понятие «макросдвиг», как и иные уже упоминавшиеся термины («стадии», «волны» и т. п.), вряд ли могут быть эффективно использованы при анализе более масштабных и многоаспектных процессов в их исторической динамике.

Итак, для описания динамики и смены основных этапов исторического процесса, развивающегося от его истоков в направлении становления глобальной целостности мирового сообщества, наиболее оправданным было бы применение понятия «осевого времени». Причем не только к тому периоду, когда появилась философия (о чем говорит К. Ясперс), но и к тем поворотным пунктам в истории человечества, когда происходило выделение и других форм мировоззрения (религиозного, мифологического, научного, глобального). Вместе с тем следует принять во внимание, что термин «осевое время» уже давно получил вполне конкретное содержание, с которым он прочно вошел в научный обиход и ассоциируется, как правило, именно с тем временем, для описания которого он и был в свое время предложен. Отсюда применение его в других контекстах (во избежание разночтений) следовало бы признать нецелесообразным, тогда как использовать иной, в какой-то мере сходный и даже близкий по значению к «осевому времени» новый термин – «эполетаморфоз» – представляется вполне актуальным и своевременным.

Прежде всего это объясняется тем, что для описания различных стадий (эпох) формирования глобальных процессов в социосфере: от первых признаков их появления до полномасштабных процессов глобализации – подходящего для этого термина нет. Вместе с тем речь идет о внутренних и внешних процессах, о структурной перестройке всего общественного организма, включенного в биологический и географический контекст планеты, когда кардинально меняются и базисные основания общественной жизни, и соответствующие им мировоззренческие установки людей, и, как следствие, вся система отношений человека с окру-

жающей его биосферой и географической средой, то есть с *биогеосферой*, неотъемлемой составной частью которой он является [Труды... 2012: 247–258]. Однако человек – существо не только биологическое, но и духовное, мыслящее, социальное, то есть выходящее за рамки буквально понимаемой геобиосферы, и потому следует говорить об эволюции еще более сложной системы, состоящей как бы из трех неразрывно взаимосвязанных элементов: географической *среды*, *биосферы* и *социума*. Для обозначения такой системы также пока нет соответствующего термина. Развивая язык глобалистики и расширяя ее терминологический ряд, следовало бы называть этот предельно большой конгломерат, охватывающий всю планету как единое целое и являющий собою совокупность трех тесно взаимосвязанных сфер: социума, живой и неживой природы, которые активно вовлечены в процесс глобализации, – *геобиосоциосистемой*.

В этой связи вполне уместно говорить и о *геобиосоциогенезе*, то есть о процессе формирования, развития и направленности эволюции данной системы, а также о *геобиосоциосфере*, которая объемлет весь этот конгломерат, состоящий из географической, биологической и социальной субстанций. Поскольку данная сфера включает в себя три теснейшим образом связанные составные части, то ее лучше именовать более коротким и наиболее адекватно передающим основной смысл всей системы термином «*триосфера*».

Заметим при этом, что если истоки формирования *геосферы* относятся к появлению Земли как физического тела где-то около 4,5 млрд лет тому назад, *биосферы* – к началу появления жизни на нашей планете (около 3,5 млрд лет), то *триосфера* начала формироваться с образованием *социосферы*, которая хотя и уходит корнями в историю появления человека, тем не менее завершённой реальностью стала только в результате Великих географических открытий и последовавших за этим шагов на пути становления глобального человечества.

Целесообразность введения понятия «*триосфера*» продиктована настоятельной потребностью в формировании нового – планетарного – мировоззрения, а также необходимостью расширения и углубления представлений о сущности и динамике развития глобальных процессов, одним из которых является глобализация. С другой стороны, новое слово открывает и новые возможности для формирования более емкого, объемного представления о новом многоплановом объекте, поскольку в научном обороте сегодня нет понятия, позволяющего описывать современный мир как целостность, равно как и сопутствующую ему глобализацию на таком предельно высоком уровне обобщения, без которого они распадаются на отдельные фрагменты. Иными словами, новое понятие призвано увеличить и расширить угол зрения на те проблемы, которые, казалось бы, уже неплохо исследованы, хотя на самом деле их восприятие и понимание пока еще не вышли за пределы одной плоскости, в то время как по сути своей они, образно выражаясь, не лежат в плоскости, а пребывают в объеме. Именно поэтому без расширения диапазона видения ситуации в целом единство человечества и его связь с живой и неживой природой не просматриваются, равно как и глобализация не видна во всех ее аспектах, поскольку при сложившихся к настоящему времени подходах она проявляется лишь фрагментарно [Барлыбаев 2008: 12–20].

Такое положение дел хорошо объясняет известная притча о трех слепых, натолкнувшихся на слона. Тот из них, кто ухватился за хвост, подумал, что это змея, другой, обхвативший ногу, принял ее за дерево, а третий, уткнувшийся

в бок, принял его за стену. И никто из них не понял, что имеет дело со слонем. Так и в современной глобалистике – глобализация рассматривается по большей части вне сложного контекста связанных с нею явлений и событий, поскольку *триосфера* как целостное явление, в лоне которой только и протекает глобализация, не стала еще предметом специального осмысления и даже не артикулирована должным образом.

И дело не в том, что речь идет о предельно большой, равной всему масштабу нашей планеты сфере, которая еще недостаточно сформировалась или слабо проявилась, а потому и не осознана. Просто потребности в таком видении всей ситуации в целом до этого еще не было. Однако теперь, когда основные предпосылки для формирования комплексной концепции мировых процессов и построения общей теории глобализации созрели, потребность в целостном восприятии всех земных сфер обретает особую актуальность. Возвращаясь к упомянутому выше образному выражению, можно сказать, что наступило время «обратной сборки слона», то есть его реконструкции, а именно: теперь от понимания отдельных аспектов и фрагментов глобализации нужно перейти к целостному видению ее в качестве и явления, и процесса, и феномена. Разумеется, это предельно трудная задача, но современная глобалистика, в силу своей междисциплинарности, в состоянии с нею справиться. Причем браться за ее решение можно и нужно, и даже необходимо уже сегодня.

В этой связи особый интерес представляют результаты анализа малоизвестных открытий в современной науке, в которых подчеркивается, что «число измерений нашего мира больше, чем мы думали раньше» [Иванов 2004: 112]. И хотя эти выводы были сделаны в области математики и лингвистики, их с полным основанием можно отнести и к глобальным процессам, в частности к глобализации, где дело касается не только географической или экономической, но также политической, экологической, информационной, культурной, цивилизационной и даже мировоззренческой стороны дела. И это действительно так, поскольку глобализация разворачивается сразу по многим направлениям, захватывая все новые и новые сферы.

Таким образом, понятия «триосфера» и «геобиосоциосистема» в какой-то мере продолжают и, возможно, закрывают в качестве недостающего и заключительного звена тот ряд основных понятий, которые уже сложились в современной науке для описания сложных планетарных систем, то есть предельно общих сфер. Иными словами, речь идет о взятых в целом различных оболочках Земли, первые представления о которых сформировались лишь после того как, с одной стороны, было установлено, что наша планета имеет форму шара, а с другой – накопился необходимый материал для соответствующих обобщений и понимания этих сфер в качестве целостных систем. Произошло же это лишь в XIX в., то есть спустя более трехсот лет после того, как началась эпоха Великих географических открытий. Важным шагом на пути таких обобщений стало появление в 1802 г. термина «биология», введенного в научный оборот Ж. Б. Ламарком, который заложил тем самым основу для последующих широких обобщений в области изучения жизни как планетарного явления. Еще более важные шаги в данном направлении были сделаны австрийским геологом Э. Зюссом, который в 1875 г. ввел понятие «*биосфера*» для обозначения области распространения жизни на Земле. Он также предложил новые термины для описания твердой и водной оболочек Земли,

назвав их соответственно «литосферой» и «гидросферой». А еще раньше газовая оболочка Земли была названа «атмосферой», наблюдения и целенаправленные исследования которой стали регулярными со второй половины XIX в. Это были первые термины, предназначенные для описания самых больших в масштабах планеты систем (сфер), число которых неизменно возрастало по мере того, как наука в своих обобщениях открывала все новые грани целостного мира.

Так, в 1876–1894 гг. Ж. Ж. Реклю представил многотомный труд «Земля и люди. Всеобщая география», где он предпринял попытку дать общую картину развития человечества и описание стран. После этой работы, и в особенности после того, как в 1926 г. вышла в свет книга В. И. Вернадского «Биосфера», понимание «многослойности» Земли прочно закрепилось в сознании научного сообщества и стало дополняться все новыми терминами из этого ряда. В частности, совокупность географических оболочек планеты – атмосфера (с ее делением на тропосферу, стратосферу и мезосферу), гидросфера и литосфера – стала именоваться *геосферой*. Она являет собой область распространения неживого (косного) вещества, составляющего основу жизни на Земле, то есть биосферы, в которой В. Б. Сочава в 1944 г. выделил *фитосферу*, а Е. М. Лавренко в 1949 г. – *фитогеосферу*. В качестве синонима «пленки жизни», слоя «сгущения» жизни (по В. И. Вернадскому) было образовано составное понятие «*биогеосфера*». А в 1940 г. В. Н. Сукачев предложил еще один термин – «*биогеоценоз*», которым стали обозначать однородные участки земной поверхности с определенным составом живых и косных компонентов, между которыми осуществляется динамическое взаимодействие.

Но вернемся в 1920-е гг. Тогда впервые появился термин «ноосфера», где планетарное измерение получил уже человек. В. И. Вернадский суть нового понятия изложил следующим образом: это «есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше» [Вернадский 1965: 328]. Планетарное мышление в то время четко просматривается и у известного русского философа П. А. Флоренского, который для обозначения сферы духовной деятельности, ставшей планетарным явлением, предложил еще один термин – «*пневматосфера*». «Хочу высказать мысль, нуждающуюся в конкретном обосновании и представляющую скорее эвристическое начало, – писал он в своем письме В. И. Вернадскому от 21 сентября 1929 г. – Это именно мысль о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневматосферой, то есть о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа» [Флоренский 1999: 451].

Дальнейшее развитие идеи духовных оболочек планетарного масштаба предпринял Ю. М. Лотман. В дополнение к понятиям ноосферы и пневматосферы в качестве их составной, но тем не менее вполне самостоятельной части он предложил термин «*семиосфера*». Содержание его было призвано отразить особое семиотическое пространство, охватывающее не только сумму отдельных языков, но и социокультурное поле их функционирования. Семиосфера, таким образом, включает в себя прежде всего естественный язык как наиболее емкую систему знаков и текстов. И эта сфера знаков, соединяющаяся с пневмосферой, сферой

выражения духа, является, как считал Лотман, составной частью ноосферы, сферы разума [Лотман 1996: 165–166]. Таким образом, вполне очевидно, что к середине XX в. сложилась уже целая область научного знания, в которой человек и порожденные им различные формы духовной и общественной жизни рассматривались как планетарное явление. В этой связи в научном языке стали активно использоваться и такие понятия, как «антросфера», «техносфера», «социосфера», что дает основание говорить об окончательном закреплении «сферного» мышления как в индивидуальном, так и в общественном сознании.

Обращая внимание на это обстоятельство и подчеркивая единство и глубокую взаимосвязь человека и природы, Н. Н. Моисеев писал: «Пришло время, когда человек становится основным “геологообразующим фактором” на нашей планете. И теперь уже нельзя “вычленивать” проблемы человека и общества; связь “человек-природа-человек” становится определяющей в судьбе нашего рода-племени. Значит, возникает потребность в формировании некоей общей стратегии во взаимоотношениях человечества и биосферы» [Моисеев 2004: 322]. В контексте сказанного и подводя итог голографического, «многослойного» видения современного состояния нашей планеты, все многообразие различных планетарных сфер, оболочек, «пленок» и т. п. можно свести в конечном счете к трем основным сферам: *геосфере* (области косной природы), *биосфере* (области жизни) и *социосфере* (области духа и социальных отношений), взятыми в их единстве. Иными словами, теперь, чтобы правильно судить о реальном положении человека в современном мире, адекватно оценивать его возможности и угрозы, с которыми он сталкивается, в частности со стороны многоаспектной глобализации, необходимо все упомянутые три основные сферы планеты рассматривать в их взаимосвязи и динамике, то есть как единую, целостно воспринимаемую геобиосоциосистему, что уже было названо *триосферой*.

Эволюция триосферы наиболее полно и всесторонне характеризует зарождение и последующее развитие процессов глобализации. Если посмотреть на эту эволюцию единым взором, начиная с момента возникновения человека, то есть с момента появления данной системы до настоящего времени, а также экстраполируя указанный процесс в будущее, можно обнаружить, что она сопровождается рядом фундаментальных трансформаций, которые задают этой системе новые внутренние и внешние параметры. Такие трансформации по своей сути весьма напоминают превращение, например, головастика в лягушку или гусеницы в бабочку. Для описания подобных процессов в биологии существует понятие «метаморфоза» (от греч. *μεταμόρφωσις* – превращение, преобразование), которое характеризует глубокое преобразование, переход одной стадии или формы послезародышевого развития некоторых животных в другую. У растений в результате метаморфозы происходит видоизменение основных органов (корня, стебля, листа, цветка) в связи с изменением их функций. Явление метаморфизма характерно и для геосферы, когда дело касается изменения структуры, минералогического или химического состава горных пород под влиянием давления, температуры и химической активности глубинных растворов.

Обсуждая место и роль человека в современном мире, мы можем сказать, что аналогичные фундаментальные изменения (трансформации, сходные с явлением метаморфизма), обусловленные глобализацией, происходят и в социосфере, причем на уровне как общественного бытия, так и общественного сознания. Не вы-

зывает сомнения и то, что мировоззрение людей также трансформируется от эпохи к эпохе, а потому и по отношению к социуму в целом было бы правомерно употребление термина «метаморфоз».

Более того, современная наука дает достаточно оснований утверждать, что кардинальные трансформации в процессе своей эволюции претерпевает и сама триосфера как макросистема, если иметь в виду ее историческую динамику. Так, с точки зрения зарождения и развития процессов глобализации можно выделить четыре эпохи, о которых в более узком смысле (применительно к общественному развитию) уже говорилось выше. А поскольку преобразования триосферы с точки зрения появления и развития глобальных процессов затрагивают целые эпохи, то для обозначения таких трансформаций по смыслу хорошо подходит словооборот «эпохальный метаморфоз» (или «метаморфоз эпох»), который со всех сторон охватывает и суть происходящих изменений, и временные рамки этих перемен. В какой-то мере он сродни уже упоминавшемуся термину «осевое время», но описывает более сложное, многоаспектное явление и касается не одной, а нескольких временных эпох, фиксируя основное внимание не столько на состоянии, сколько на их процессах и динамике.

С позиции оптимизации языка в плане придания ему лаконичности и выразительности словооборот «эпохальный метаморфоз» было бы лучше заменить одним составным термином «эпометаморфоз». Можно было бы предложить и еще более лаконичный термин – «эпоморфоз», но в таком случае возникает опасение, что внимание станет акцентироваться на форме в ущерб содержанию, поскольку «морф», «морфный» (от греч. *μορφή* – форма) – вторая составная часть сложных слов, обозначает то, что относится к форме. Таким образом, поскольку речь идет о сложнейших преобразованиях, затрагивающих изменение и формы, и содержания, иначе говоря, сущности всей триосферы, то более оптимальным следует считать термин *эпометаморфоз*. Понимать же будем под этим эпохальное видоизменение, переход на другую стадию развития всей геобиосоциосистемы, сопровождающийся фундаментальными переменами в этой системе на уровне формы и содержания, сущности и явления. Введение в оборот новой категории призвано способствовать лучшему осознанию макроисторических и макросоциальных трансформаций, предопределяющих смену исторических эпох, то есть тех изменений, которые являются причиной перехода от одной эпохи становления глобальных связей и отношений к другой. При этом важно подчеркнуть, что хотя уровень развития общественного прогресса непосредственно зависит от степени вовлеченности геосферы и биосферы в хозяйственную деятельность человека (что справедливо также и в обратном отношении), первостепенную роль здесь играет все-таки духовная составляющая, которая наиболее полно отражается в культуре, а еще более концентрированно представлена в мировоззрении людей.

Итак, если в качестве основания деления различных исторических эпох взять наиболее важные этапы становления мировоззрения человека, когда оно совершало серьезный поворот и претерпевало кардинальные изменения, то в истории человечества, а следовательно, и триосферы, можно выделить как минимум четыре довольно отчетливо просматривающихся поворотных пункта, к которым вполне применимо понятие «эпометаморфоз». Такие изменения были связаны с появлением: 1) *мифа* и *религии* (они зародились примерно одновременно); 2) *философии*; 3) *науки* и, наконец, 4) *глобализации*.

О *пятом* (гипотетическом) поворотном пункте истории, логически вытекающем из предыдущих, можно говорить лишь с определенной долей условности. И по всей вероятности, он будет связан с повышением интереса к человеку и осуществлением *гуманистической революции*, после которой, если ей предстоит свершиться, наступит новая эпоха. Исторической формой мировоззрения тогда станет такое его состояние, которое в различных социальных утопиях (от Платона до Маркса) характеризуется как высший тип мировоззрения, воплощающий в себе лучшие гуманистические качества. В марксизме, например, такое мировоззрение именуется коммунистическим. Однако поскольку дальнейшие рассуждения подобного рода увели бы нас за горизонт обозримого будущего, то внимание к этому поворотному пункту сохраняет свою актуальность лишь с философской точки зрения, но теряет смысл с позиции науки, где должны превалировать достоверные или хотя бы вероятностные знания, которыми мы, во всяком случае, сейчас не обладаем. Потому относительно *пятого* поворотного пункта в историческом развитии ограничимся лишь гипотетическими суждениями, в то время как о первых четырех имеются достаточные основания говорить с определенной степенью достоверности.

Итак, **первый эпoметаморфоз** связан с появлением человека разумного (*Homo sapiens*), то есть с началом формирования религиозного и мифологического мировоззрения. Это время охватывает период в пределах от 40–60 тыс. лет тому назад до начала I тысячелетия до н. э. Кульминацией первого эпoметаморфоза стала неолитическая революция, свершившаяся 7–10 тыс. лет тому назад. В результате этого эпoметаморфоза человек окончательно выделился из животного состояния, а его отличительной особенностью стало наличие у него зачатков материальной и духовной культуры (изготовление орудий труда, создание наскальных рисунков, вербальное общение, танцы, песни и т. п.). В это время окончательно сложилась эпоха *фрагментарных событий* и локально ограниченных социальных связей. Этот же эпoметаморфоз положил и начало истории человечества.

Второй эпoметаморфоз характеризуется формированием и выделением с середины I тысячелетия до н. э. философии как особой исторической формы мировоззрения. Именно применительно к тому времени и произошедшим тогда событиям К. Ясперс употребил свой неологизм «осевое время», а свершившиеся в результате такого поворота перемены стали отличительной характеристикой эпохи *региональных событий* и территориально ограниченных международных отношений. Тогда же появился термин «культура», позволивший в противоположность естественной (дикой) природе описать и оттенить природу искусственную, ставшую результатом человеческой деятельности. На завершающей стадии этого эпoметаморфоза обозначились первые симптомы глобализации.

Третий эпoметаморфоз непосредственно связан с выделением науки из философии в качестве самостоятельной формы общественного сознания и началом научно-технического прогресса. Данные преобразования, начавшиеся в Новое время, происходили в контексте нарастающих глобальных процессов и становления всеобщей экономической и социально-политической зависимости в планетарном масштабе. Иными словами, третий эпoметаморфоз был сопряжен с реальной глобализацией, а в своей завершающей стадии – с фундаментальным этапом ее развития. В этот же период в научный оборот вошел термин «цивилизация»,

который расширил возможности языка описывать усложнившуюся социальную действительность с точки зрения ее структуры, организационных форм и научно-технических достижений.

Наконец, **четвертый эпометаморфоз**, который мы переживаем сейчас, связан с процессом формирования глобального сознания. Его начало, хотя и уходит своими корнями в XIX в., наиболее отчетливо обнаружило себя только во второй половине XX в., когда наступила эпоха космической экспансии. К этому времени относится появление термина «глобализация», первого, но явно не последнего в ряду тех, которые еще во множестве будут предлагаться для описания процессов и состояний человеческого сообщества как единого целого. Четвертый метаморфоз непосредственно связан с началом космической эры и многоаспектной глобализацией.

С наступлением **пятого**, гипотетического **эпометаморфоза**, а возможно, в еще более отдаленной перспективе должен будет произойти кардинальный поворот к осознанию сущности человека, и основным понятием тогда, по всей видимости, станет термин «гуманизация» общественного и индивидуального сознания.

Подводя итоги, необходимо отметить, что появление определенных тенденций и реальных перемен в мировой истории, с одной стороны, и их распознавание и осмысление – с другой, разнятся во времени, что вполне естественно и объяснимо. Такие изменения должны вызреть, сформироваться и стать объективным фактором влияния на жизнь людей, чтобы на них не только обратили внимание, но и придали им серьезное значение. Примером подобного рода могут быть капиталистические отношения, которые долго и основательно вызревали, прежде чем стали предметом широкого обсуждения и отразились в соответствующих теориях. О сути такого «запаздывающего» осмысления потребовался бы отдельный разговор [см.: Чумаков 2014: 25–27]. Теперь же с учетом сказанного выше отметим, что первый эпометаморфоз хотя и заложил основы формирования культуры как целостного социального явления (а элементарные зачатки ее можно обнаружить еще раньше, уже у человека умелого), тем не менее еще не сформировал необходимых условий для того, чтобы данное явление было понято. Осмысление же феномена культуры, как и появление самого термина «культура», относится ко времени уже второго эпометаморфоза. Именно тогда наряду с поворотом сознания к тому, что стали обозначать понятием «культура», получили дополнительный импульс процессы, лежащие в основе цивилизационных связей и отношений, начало которым задавала неолитическая революция и которые позже, во время третьего эпометаморфоза, обусловили появление нового термина – «цивилизация». Также и третий эпометаморфоз, хотя он и ознаменовался началом реальной глобализации общественных отношений, тем не менее саму глобализацию еще не сделал очевидной, и по этой причине она не привлекла к себе тогда внимания. В итоге должно было пройти несколько различных этапов осмысления глобализации, прежде чем стало ясно, что окончательное «открытие» и глобальных проблем, и породивших их глобальных процессов приходится на четвертый эпометаморфоз, то есть на последнюю четверть XX в., когда названные процессы окончательно сформировались, вызрели и проявились с достаточной очевидностью. Продолжая эту логику рассуждений, можно с большой долей уверенности предположить, что и в настоящее время происходит формирование каких-то фундаментальных про-

цессов, пока еще не очевидных, но которые с необходимостью проявятся по прошествии определенного времени и будут играть ключевую роль в жизни человека, неразрывно связанного не только с социумом, геосферой и биосферой, но и с космосом. По всей вероятности, в перспективе это станет основным предметом исследования глобалистики, а пока в меру сил и возможностей следует способствовать движению теоретической мысли в этом направлении.

Литература

Барлыбаев Х. А. Глобализация: вопросы теории и практики // Век глобализации. 2008. № 2. С. 12–20.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / под ред. И. В. Ильина, И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Альфа-М, 2012.

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации // Век глобализации. 2015. № 2. С. 3–17.

Иванов В. В. Наука о человеке: Введение в современную антропологию. М. : РГГУ, 2004.

Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014.

Ласло Э. Макросдвиг (к устойчивости мира курсом перемен). М. : Тайдекс Ко, 2004.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996.

Моисеев Н. Н. Человек во Вселенной и на Земле // Наука, общество, человек: к 75-летию со дня рождения И. Т. Фролова: сб. ст. / под ред. В. С. Степина. М., 2004.

Труды членов Российского философского общества. Вып. 18. М., 2012.

Флоренский П. А. Соч.: в 4 т. Т. 3(1). М., 1999.

Хрестоматия по философии: уч. пособ. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс. М. : Юрайт, 2015.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2014.

Axial time // Global Studies Encyclopedic Dictionary. Editions Rodopi B.V., Amsterdam; New York, NY, 2014.

Laszlo E. Global Bifurcation: The Decision Window // Age of Globalization. 2013. No. 3. Pp. 108–111.

BIG HISTORY: ЭВОЛЮЦИОННОЕ МЫШЛЕНИЕ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

Князева Е. Н., Алюшин А. Л.**

В статье раскрываются интегративные, синтетические возможности активно разрабатываемой в течение последних десятилетий концепции Универсальной (Большой) истории (Big History). Эта концепция близка к концепции универсального эволюционизма, но имеет свои особенности, важные для построения конструктивных принципов управления, глобального стратегического видения, прогнозирования (исследований будущего), принятия эффективных решений в глобальном контексте. Согласно концепции Big History, социальная (в том числе духовная), биологическая, геологическая и астрофизическая истории являются стадиями единого эволюционного процесса, определяемого сквозными векторами развития или мегатенденциями. В статье рассматриваются изучаемые в рамках этой концепции некоторые общие закономерности развития от Большого взрыва (Big Bang) до сетей сверхразума, а также стратегии управленческой, прогностической и предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: Big History, глобализация, инновация, коэволюция, междисциплинарный синтез знания, прогнозирование, универсальный эволюционизм, холизм.

The integral and synthetic opportunities of the Big History concept, which has been rapidly developing in the late decades, are considered in the article. The conception is close to the approach of universal evolutionism but has its peculiar features which are significant for establishing constructive principles of management, global strategic vision, futures studies, and effective decision-making in the global context. Within Big History framework, social (including spiritual), biological, geological, and astrophysical history are considered as stages of the universal evolutionary process determined by all-pervading vectors of development and by mega-trends. Some general laws from Big Bang to networks of super-reason studied in the frames of this conception. Strategies of managerial, prognostic and entrepreneurial activities are discussed as well.

Keywords: Big History, globalization, innovation, co-evolution, interdisciplinary synthesis of knowledge, universal evolutionism, holism.

* Исследование выполнено при поддержке НИУ ВШЭ (проект № 15-09-0282 «Эволюционное мышление как основание междисциплинарного синтеза знания»).

** Князева Елена Николаевна – д. ф. н., профессор Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: helena_knyazeva@mail.ru.

Алюшин Алексей Львович – к. ф. н., доцент Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: aturo@mail.ru.

1. Концепция Big History и принцип Златовласки

Наряду с концепцией глобального (или универсального) эволюционизма все большее внимание исследователей, особенно занимающихся изучением сложных систем, привлекает сегодня концепция Большой (или Глобальной) истории (Big History). Эти две концепции являются достаточно близкими по своим теоретическим ориентациям. В обеих осуществляется попытка развить некое универсальное видение эволюции мира и предложить единые понятийные рамки для понимания эволюции и природы, и человечества. Тогда как в одной концепции акцент падает на эволюционность, эмерджентность эволюционных процессов, самоорганизацию и коэволюцию сложных структур мира, а в другой – на демонстрацию того, что история человека и человечества является частью единого процесса исторического развития природы, от Большого взрыва до сетей коллективного разума.

Идею универсального эволюционизма активно отстаивал Н. Н. Моисеев (1917–2000). В качестве основных характеристик эволюционных процессов он выделял непрерывный рост разнообразия и увеличение сложности организации структур, как природных, так и социальных [Моисеев 1991: 14]. Универсальный эволюционизм был в его понимании неразрывно связан с установкой на обеспечение не управляемого, а направляемого развития, которое способно выводить на желаемые тенденции и обеспечивать коэволюцию природы и общества. Он глубоко осознавал, что «только тонкая настройка “стратегии природы” и “стратегии разума” способна обеспечить будущее человечеству» [Там же: 20].

Концепцию Универсальной (Большой) истории (Big History) в течение последнего десятилетия активно развивает А. П. Назаретян. Суть этой концепции он формулирует так: «Социальная (в том числе духовная), биологическая, геологическая и космофизическая истории представляют собой стадии единого эволюционного процесса, пронизанного “сквозными” векторами или мегатенденциями» [Назаретян 2004: 73–74].

С одной стороны, благодаря теориям космической эволюции А. Фридмана и Г. Гамова с 1920-х гг. описание эволюции космических объектов становится историческим, в него встраивается нарративный аспект, который раньше мыслился как присущий исключительно человеческой истории и индивидуальной жизни человека. Ход эволюции космоса, неживой и живой природы – это тоже цепь событий и метаморфоз, о которой можно рассказывать. А с другой стороны, изучение паттернов самоорганизации в неживой природе показывает, что в некоторых аспектах неживые структуры ведут себя как живые (ураганы и смерчи постепенно теряют силу, «стареют», структуры в плазме способны к самодостраиванию и росту, как будто они живые, и т. п.). И эта попытка серьезным и обоснованным образом сопоставить сложные и сверхсложные человеческие сущности с, казалось бы, простыми неживыми структурами являет собой междисциплинарный вызов современной науке.

В современной западной литературе эта проблематика также начала привлекать внимание исследователей. Здесь стоит назвать прежде всего имя Ф. Спайера, который написал две книги о концепции Большой истории и преподает ее как учебный курс в Университете Амстердама. По его словам, Большая история – это «подход к истории, в рамках которого человеческое прошлое помещается в рамки

космической истории, от начала вселенной до сегодняшней жизни на Земле» [Spierer 2010: XI]. Ход Большой истории, с его точки зрения, определяется *принципом Златовласки*. Название этого принципа проистекает от названия известной английской сказки “Goldilocks and the Three Bears” (ее русский вариант – «Маша и три медведя»), в которой девочка с золотыми кудрями, попав в медвежью избушку, выбирает для себя не большие и не маленькие предметы мебели и обихода, не слишком горячую и не слишком холодную кашу, чтобы поесть, а ровно то, что ей наиболее подходит. Спайер подчеркивает, что на каждую последующую стадию Большой истории накладываются все более жесткие условия (Goldilocks boundaries), которые делают возможным возникновение формообразований и структур всевозрастающей сложности [Christian 2011: 536].

Принцип Златовласки, по сути, состоит в том, что все в природе (то, что вынуждено сосуществовать и соразвиваться вместе) подогнано друг к другу и устроено оптимальным образом. Вещь подогнана к вещи, слово – к вещи или событию, человек – к миру, да и сам окружающий его мир – к человеку, это последнее свойство получило в современной когнитивной науке название *энактивизм*. И именно потому, что человек подогнан к миру, адаптирован к нему, являясь его собственным эволюционным продуктом, он может познавать этот мир. Кроме того, в свете концепции Большой истории можно добавить, что степень этой подогнанности, оптимальности и селективности с каждым шагом эволюции, с каждым витком Большой истории возрастает. В синтетической теории эволюции это называется взаимной адаптацией живых существ как активных сложных систем. В астрофизике формулируется схожий *антропный принцип*, который связан с происхождением Вселенной. Сложность наблюдаемой Вселенной определяется очень узким диапазоном сечений первичных элементарных процессов и значениями фундаментальных физических констант. Если бы сечения элементарных процессов в эпоху Большого взрыва были, скажем, немного выше, то вся Вселенная «выгорела» бы за короткий промежуток времени. В моих работах с С. П. Курдюмовым обосновывается возможность *расширения антропного принципа* на условия существования сложных структур в мире [Князева, Курдюмов 2011: 168–170]. Чтобы на макроуровне сегодня было возможно существование сложных систем, элементарные процессы на микроуровне изначально должны были протекать очень избирательно.

Стоит разъяснить некоторые важные идеи концепции универсального эволюционизма, поскольку она наиболее близка концепции Большой истории. Эволюция здесь понимается в двояком смысле: а) как глобальная, или универсальная, эволюция, в которой становление и развитие человека и человеческой истории является этапом универсального эволюционного процесса; б) как коэволюция (коэволюции природы и человечества, а также – в более широком смысле – коэволюции сложных самоорганизующихся систем). Представление об эволюции включает в себя все те смыслы, которые ранее вносились в понятие развития, и добавляет к ним новое содержание и новые смыслы, описываемые теорией сложных самоорганизующихся систем. Процесс эволюции включает в себя и периоды быстрого восходящего развития, когда происходит рост сложности (прогресс), и периоды медленного нисходящего развития, когда сложность уменьша-

ется (регресс), и развертывание процесса, собственно эволюцию и его свертывание (инволюцию), и умножение альтернатив и возможностей выбора, и их уменьшение, и устойчивое динамическое развитие и прохождение через нестабильности, неустойчивости и кризисы, и объединение сложных структур и их частичный или полный распад, уничтожение.

Идея глобальной эволюции составляет концептуальный стержень современного глобального (или универсального) эволюционизма. Концепция глобального эволюционизма строится, опираясь на идеи и представления: 1) теории космической эволюции; 2) синтетической теории биологической эволюции, представляющей собой синтез эволюционного учения Дарвина и генетики; 3) теории эволюции сложных адаптивных систем (синергетику). Эволюция при этом мыслится как имеющая сквозной характер. Она проходит по всем иерархическим уровням организации мира: космическая эволюция, предбиологическая, эволюция живой природы, антропогенез, человеческая история, сети Интернета, виртуальные социальные сети в их различных функциях, Web 2.0 и т. д. Многие ученые подчеркивают, что сегодня «необходимо создание некоего *общего поля* эволюционистики (в том числе и за счет междисциплинарных исследований), в рамках которого будут проявляться и уточняться общее и особенное в эволюционных подходах, терминологии, принципах; проводиться кросс-эволюционные исследования» [Гринин и др. 2009: 9–10]. Современная теория сложности и теория сложных адаптивных систем как раз и ставят своей целью охватить весь ход эволюции с точки зрения лежащих в ее основе универсальных паттернов самоорганизации, перехода от хаоса к порядку, а на некоторых исторических этапах и обратно – от порядка к хаосу, «ритмов жизни», то есть циклов эволюции, феноменов эмерджентности, неожиданного рождения принципиально новых свойств.

Идея коэволюции является ключевой не только в экологии как части биологического знания, но и в теории эволюции сложных систем. Можно говорить не только о коэволюции биологических организмов внутри биоценоза, определенного биологического сообщества, но и о коэволюции человека и природы в плане поддержания экологического равновесия. В более нетривиальном смысле, открываемом теорией сложности, можно говорить о коэволюции развивающихся в разном темпе и находящихся на разных стадиях развития сложных систем. В этом плане коэволюция предстает как совместное и взаимосогласованное устойчивое развитие сложных систем и попадание их – в случае резонансного, правильного объединения – в один и тот же единый темпомир. Идея коэволюции применительно к сложным самоорганизующимся системам была выдвинута С. П. Курдюмовым и развивалась в ряде наших совместных работ [Князева, Курдюмов 2011]. Вклад Курдюмова в развитие концепции универсального эволюционизма и глубокий междисциплинарный смысл идеи коэволюции проанализированы в наших совместных с Е. С. Куркиной работах [Князева, Куркина 2009б; Куркина, Князева 2013].

Концепция Большой истории сопрягается также с современной глобалистикой, предметом которой, как поясняет А. Н. Чумаков, является «планета как совокупное единство неживой, живой и социальной природы, а также глобальные процессы этой целостности и порождаемые ими последствия» [Чумаков 2013: 24].

Отличие их в том, что глобалистика ориентирована на поиск решений глобальных проблем общественной жизни, а концепция Большой истории, по-видимому, способна дать для их решения методологический фундамент, поскольку в ее рамках развиваются единое видение и поиск общих паттернов исторических процессов и в физическом космосе, и в мире человека. Тем самым под глобалистику подводится некоторое основание, во-первых, являющееся междисциплинарным, во-вторых, связанное с позицией философского натурализма.

В качестве важнейших особенностей концепции Большой истории стоит отметить, во-первых, *холистический подход* к истории и, во-вторых, ее *междисциплинарность*. Концептуальный аппарат, разрабатываемый в рамках концепции Большой истории, может оказаться действенным одновременно во многих различных дисциплинах как естественно-научного, так и социального плана, поскольку человеческая история начинает рассматриваться в более широком контексте – в контексте космической истории универсума. Современной теории сложных систем (theory of complexity) присущи аналогичные ориентации: холизм, который соединяется с идеей эволюции и становится эволюционным, и междисциплинарность, которая укоренена настолько глубоко в содержании положений этой теории, что заменяется, как в этом убеждены некоторые ученые (Э. Морен, Ж.-Л. Ле Муань и др.), трансдисциплинарностью – еще более синкретичным, креативным и продуктивным взаимодействием базисных научных дисциплин.

Концепция Большой истории и теория сложных систем попадают тем самым в мейнстрим современной науки. Как отмечает Х. Ледфорд, междисциплинарный тренд просматривается в статистических данных о научных публикациях, в которых сегодня более чем одна треть ссылок – это ссылки на исследования в других, причем не всегда смежных, научных дисциплинах [Ledford 2015: 309]. Междисциплинарные исследования распространяются невиданными темпами, и сегодня существует мощный стимул назвать свое исследование междисциплинарным, стремясь выиграть конкурс на получение исследовательских грантов или получить преимущество при получении престижных позиций в научных или образовательных учреждениях. Некоторые считают, что провозглашение своего исследования междисциплинарным есть не что иное, как слепая дань моде. Далеко не все и далеко не во всех случаях ученые готовы проводить исследование, которое является подлинно междисциплинарным, и внешний налет нужно отделять от внутреннего содержания. Что касается концепции Большой истории, то междисциплинарность встроена в ткань ее научных построений, выступая в качестве исходной стратегической установки исследований.

2. Закономерности Big History: от Большого взрыва до сетей сверхума

С точки зрения концепции Big History можно выявить некие общие паттерны (закономерности) эволюции от Большого взрыва (Big Bang) до сетей сверхума (социальных, коммуникационных сетей, электронного управления через Web 2.0, киберфизических систем). К таким паттернам (закономерностям) относятся: цикличность эволюции, прохождение через критические точки (точки сингулярности), пространственная и временная неравномерность эволюции, ее нелиней-

ность, инновационные сдвиги, креативная случайность и каналлизации эволюционного процесса.

Слово «эволюция» имеет целый ряд значений. Раньше под эволюцией понимали обычно плавное развитие без кризисов и революций. В теории сложных систем понятие «эволюция» приобретает новые глубокие смыслы, здесь оно означает *развернутую в пространстве и времени последовательность усложнения топологической и функциональной организации системы и улучшения качеств ее внутренних и внешних связей*. То есть пространственно-временная сложность – это главная характеристика эволюционного процесса.

Звездную, химическую, биологическую, социальную, экономическую эволюцию и эволюцию других сложных систем с разных сторон исследовали многие ученые. К первым эволюционистам можно отнести А. Смита, который четко сформулировал законы рыночной капиталистической эволюции и ответил на вопрос, куда она ведет – к общественному прогрессу; Ч. Дарвина, который открыл механизмы биологической эволюции и также показал, что естественный отбор ведет к более высокой организации живых существ; К. Маркса, разработавшего теорию смены общественно-экономических формаций и рассматривавшего развитие производительных сил и производственных отношений как базис для развития общества; А. П. Руденко, который предложил теорию эволюционного катализа, называемую им также теорией прогрессивной химической эволюции. Многие ученые отмечали *неравномерность процесса эволюции, циклический характер, случайность и непредсказуемость* и в то же время выделяли *общие закономерности*. Во многих работах проводилось сравнение механизмов и черт биологической и социально-экономической эволюции, отмечались глубинные сходства и различия. К примеру, в работах А. В. Коротаева, А. В. Маркова, Л. Е. Гринина [Гринин и др. 2009] проводится сравнение биологической и социальной макроэволюции, и по аналогии с биологическим термином вводится понятие ароморфоза по отношению к важным социальным изменениям, ведущим к историческому прогрессу общества. Некоторыми учеными осуществлялось сопоставление рыночной капиталистической экономики и естественного отбора в мире живой природы. Отмечалось, что Дарвин, возможно, заимствовал идеи из работ экономистов Т. Мальтуса и А. Смита и, по сути дела, вывел теорию происхождения биологических видов из конкуренции и борьбы за существование в обществе.

К настоящему времени накоплен огромный материал по исследованию динамики сложных систем, изучению общих закономерностей и отдельных характеристик, выявлению сходств и различий. Обобщая его, отбирая самые важные факты, опираясь на свой опыт исследования сложных систем, мы с Е. С. Куркиной выделили следующие основные законы эволюции, которые, как отмечалось выше, в отличие от законов физики надо понимать как *принципы*, или наиболее характерные *тенденции* [Князева, Куркина 2016].

1) В процессе эволюции происходит *усложнение* структуры и организации системы, усложнение взаимодействий внутри нее и с окружающим миром. *Вся структурная и функциональная сложность возникает в результате процессов конкуренции*.

2) Эволюция происходит *на границе порядка и хаоса*, преемственности и изменчивости, закономерности и случайности. Эволюционирующие сложные структуры балансируют *на краю хаоса* (at the edge of chaos), что изучается в современной теории самоорганизованной критичности.

3) Процесс эволюции протекает в *режиме с обострением* и характеризуется *сжатием пространственных и временных масштабов*. Режим с обострением описывает основной тренд. Этот вывод, который следует из математических моделей эволюционных процессов в сложных системах, отвечает общей озабоченности специалистов по глобалистике. Так, А. Н. Чумаков отмечает: «Мы вступаем в эпоху кардинального и всеускоряющегося изменения структуры мировых связей и отношений, в то время как мировое сообщество адекватно на это не реагирует» [Чумаков 2013: 33].

4) *Время жизни сложной системы конечно*. С одной стороны, *чем сложнее система, тем она менее чувствительна к варибельности внешних условий*, лучше адаптируется к их изменению и в этом смысле более устойчива. Именно поэтому эволюция шла и идет по возрастанию сложности. С другой стороны, *чем сложнее структура системы, тем больше функциональных и архитектурных элементов она содержит, тем труднее поддерживать внутренний баланс, или гармонию между всеми ее элементами, тем она менее устойчива по отношению к внутренним флуктуациям*. Это говорит о *хрупкости сложной системы*. Сложные системы, как правило, разваливаются изнутри. В последние десятилетия мы были свидетелями того, как претерпевали распад государства (СССР, Югославия, Чехословакия, Грузия и др.) и революционным путем сменялись политические режимы (Киргизия, Египет, Тунис, Ливия и т. д.), все эти события происходили из-за накопившихся внутренних противоречий и проблем, практически без вмешательства извне. Внешние угрозы и агрессивные действия извне, наоборот, как правило, объединяют и сплачивают нацию. И сейчас, в период большой нестабильности мира в глобальном масштабе, ничто так не объединяет народы, как общие угрозы терроризма, эпидемий, планетарного потепления или нового ледникового периода, падения большого космического тела и т. д.

5) Эволюция сложной системы имеет *циклический характер*. Периоды бурного развития чередуются с периодами спада, кризиса. В очередном цикле эволюции появляются ее новые лидеры, новые более сложноорганизованные в архитектурном и функциональном плане структуры, при этом сложность возрастает дискретно, скачками, как бы восходя по ступеням.

6) Циклы являются неравнозначными, они имеют тенденцию к *сокращению* и происходят вокруг растущего во взрывном *режиме основного тренда*. Это дает представление об эволюции как о развитии по восходящей спирали, циклы – это витки спирали.

7) В процессе эволюции возрастает *пространственная неоднородность*, усиливаются процессы концентрации; происходит все большее расслоение системы.

8) Значительные этапы эволюции заканчиваются *критическими точками, точками сингулярности*, пройдя через которые система вступает в качественно новую фазу эволюции.

Режимы с обострением могут описывать как основной тренд развития системы, так и отдельные этапы эволюции. В режиме с обострением развивается не только вся система как целое, но и составляющие ее подсистемы, находящиеся на разных иерархических уровнях. Поднимаясь на междисциплинарный уровень и отвлекаясь от конкретной природы системы, *можно установить общие законы эволюции нелинейного мира через призму развития в режиме с обострением пространственных структур.*

Некоторые основные понятия и законы эволюции структур, развивающихся в режиме с обострением, были сформулированы в моих работах с С. П. Курдюмовым [Князева, Курдюмов 2011], а в последующем применительно к глобальной истории – в работах с Е. С. Куркиной [Князева, Куркина 2009а]. Это, во-первых, понятие *собственных функций нелинейной среды* – строго определенного дискретного набора пространственных структур, которые могут формироваться и развиваться в данной нелинейной среде. Во-вторых, это понятие *темпомира* структуры, связывающего возраст структуры со скоростью (темпом) ее развития. В-третьих, это принцип нелинейного синтеза, или коэволюции, объясняющий, как простые структуры разного возраста могут объединяться в единую сложную структуру.

Любая нелинейная среда обладает лишь конечным, как правило, небольшим набором структур, имеющих строго определенную пространственную конфигурацию (архитектуру), которые могут в ней длительное время существовать и (самостоятельно) развиваться без дополнительных затрат энергии на удержание и управление. Они были названы С. П. Курдюмовым *собственными функциями нелинейной среды (СФ)*. СФ являются наиболее устойчивыми образованиями (или формами), к которым эволюционируют процессы в диссипативной среде, то есть они *играют роль аттракторов* для всех прочих. Одной из главных характеристик структуры, развивающейся в режиме с обострением, является ее момент обострения. Чем ближе к моменту обострения, тем быстрее происходит рост структуры. Это означает, что структуру с меньшим моментом обострения никогда не сможет догнать структура, у которой он больше, разрыв между ними увеличивается все быстрее и быстрее, и на стадии взрывного роста первой структуры вторая фактически застывает, не развивается по сравнению с первой. Говорят, что эти структуры живут в разных *темпомирах*. Живущие в разных темпомирах структуры находятся на разных стадиях развития или имеют разный уровень развития. Время обострения простой структуры определяется ее высотой: чем высота выше, тем быстрее развивается структура и тем меньше ей остается жить. Простые структуры, имеющие разную высоту, а значит, и разные моменты обострения, казалось бы, не могут быть объединены *в сложную структуру, имеющую единый для всех ее частей момент обострения*. Однако это не так. Сложные СФ, имеющие несколько локальных максимумов, как раз представляют собой такие структуры – они *являются объединением простых структур с разными максимумами в единую структуру*, при котором все части структуры развиваются синхронно в одном темпомире. Это и есть выдвинутый С. П. Курдюмовым *принцип объединения простых структур в сложные*. Совокупность всех сложных СФ, развивающихся в одном темпомире, представляет собой *организацию нелинейной*

среды. Правила объединения простых структур в сложные Сергей Павлович называл *правилами нелинейного синтеза* или *конструктивными принципами коэволюции*. Поиск *конструктивных принципов коэволюции сложных структур* мира, их определение и осмысливание является одним из наиболее важных исследовательских результатов научной школы Курдюмова.

Из идеи существования для каждой нелинейной среды строго определенного набора структур-аттракторов, или СФ нелинейной среды, можно извлечь много интересных выводов и приложений. Отсюда вытекают и новый подход к управлению, и новый подход к образованию, и идея о точном резонансном воздействии и др. Например, вместо того, чтобы силовым образом поддерживать некоторую структуру (организацию), несвойственную данной нелинейной среде, затрачивая много энергии на ее управление, можно пойти другим путем. Надо изменить саму среду, создать другие условия, при которых данная структура будет естественной для новой среды, сама «приживется» и начнет развиваться. Если имеется несколько структур-аттракторов, то, зная их набор, можно выбрать предпочтительную СФ и ее сформировать, то есть *резонансно возбудить*, тогда именно она будет развиваться в нелинейной среде. В этом положении скрыта идея о слабых воздействиях на среду, приводящих к большим результатам, или эффективном управлении при энергетически малых затратах.

Еще одна новая глубокая мировоззренческая идея, многие годы развиваемая С. П. Курдюмовым, касалась связи времени и пространства. Она непосредственно опиралась на математическое описание процессов, идущих в режиме с обострением. Собственные функции, являющиеся аттракторами нелинейной среды, описываются автомодельными решениями, для которых есть связь пространства и времени через инварианты. Значит, анализируя пространственную конфигурацию такого рода сложной эволюционирующей структуры сегодня, можно узнать, как она развивалась в прошлом и что будет происходить с этой структурой в будущем. Так, для глобальной системы человечества прошлое олицетворяют народы, живущие на периферии цивилизации, такие как аборигены Австралии и некоторые племена, живущие в недрах Африки и Азии, находящиеся до сих пор на неолитической или даже палеолитической стадии развития. А примером будущего экономического развития для многих стран являются США и Япония, находящиеся в центре цивилизации, с их далеко ушедшими вперед технологиями и высокой производительностью труда.

Важнейшим свойством структур-аттракторов, развивающихся в режиме с обострением, для понимания законов эволюции нелинейных систем является понятие метастабильной устойчивости. Все сложные структуры являются метастабильно устойчивыми структурами. На ранних стадиях эволюции они могут формироваться (например, из «обломков» прежних структур) и затем долго существовать, сохраняя свою архитектуру, но распадаются при возмущениях, превышающих критические. Чем сложнее структура, тем меньше время ее существования, тем быстрее она разваливается. Развал сложной структуры имеет статистический характер, поскольку зависит от величины случайных возмущений и места их внесения. Наиболее чувствительна к возмущениям структура в центре, наименее – на периферии.

Метастабильными структурами являются все социальные, экономические, политические объединения и организации, которые возникают в обществе на разных иерархических уровнях. Это империи, государства, города, экономические союзы и политические блоки. Развитие их неустойчиво и непредсказуемо в деталях. Однако существование автомодельных законов развития и собственных функций нелинейной социально-экономической среды, играющих роль аттракторов для всех форм союзов, позволяет понять объективные законы эволюции, выделить те процессы в системе, за развитием которых можно следить. Одним из этих объективных процессов является *усиление неустойчивости* по мере развития. При приближении к моменту обострения, когда начинается бурный рост структуры и сокращаются эффективные пространственно-временные масштабы, все более мелкие случайные возмущения, которые возникают в любой сложной системе, не успевают разглаживаться и начинают с ускорением расти, что приводит всю систему к дисбалансу. Неустойчивость развития резко усиливается, и все больше сложных структур начинает распадаться. В конце последней стадии происходит глобальная бифуркация, сопровождающаяся каскадным распадом сложных структур. Распад империй, гибель древних цивилизаций, недавний распад СССР и СФРЮ с точки зрения развития режима с обострением можно трактовать как распад сложных структур вблизи их момента обострения.

3. Стратегии управления в контексте концепции **Big History**

Для развертывания эффективной управленческой, прогностической, предпринимательской деятельности в современном сложном мире, для надлежащего встраивания человека в коэволюционные процессы нужно научиться мыслить глобально и действовать активно и интерактивно, адекватно ситуации, быть в синергизме со средой, созидать подобающий как своим собственным познавательным и конструктивным возможностям, так и внутренним неявным тенденциям природной, экологической, социальной среды когерентный, взаимно согласованный мир.

Идея о том, что все связано со всем и все находится во всем, восходит к глубокой древности и содержится во многих философских учениях. Человек является звеном универсального и глобального эволюционного процесса, причем он активен и интерактивен в развертывающихся сетях коэволюционирующих систем, иерархических структурах их организации. Он – не наблюдатель, а соучастник коэволюционного процесса.

Здесь нелишне вспомнить, что сложность – лат. *complexus* – буквально означает *то, что соткано, сплетено вместе* (лат. *complexus* = *com* (*cum*) – с, вместе + *pleco, plexi, plexum, ere* – плести, свивать), что создана единая ткань. Сложность возникает тогда, когда различные элементы начинают составлять единое целое, когда они становятся неотделимыми друг от друга, складывается их взаимозависимость, создается единая интерактивная и ретроактивная ткань.

Концепция Большой истории конкретизирует и наполняет реальным содержанием представление о всеобщей связи и сопричастности вещей, показывая реальные границы действенности такой связи и реальные условия для ее проявления. Важно знать *принципы коэволюции, принципы нелинейного синтеза* различ-

ных диссипативных структур в сложные, иногда сверхсложные, целостные структурные образования. Отнюдь не все может быть соединено со всем, отнюдь не любое сцепление элементов будет устойчивым. Отдельные элементы, структуры, подсистемы могут быть – в силу нелинейности – несоизмеримы по интенсивности жизни, по темпу развития, тогда медленные из них вскоре станут слабым, едва различимым фоном для развития быстрых элементов. Если топологическая организация элементов будет неправильной, нерезонансной, то образуемая сложная структура будет неустойчивой и вскоре развалится. Объединять элементы нерезонансно – значит действовать впустую.

Особые возможности для проявления всеобщей сопричастности и соучастия, для заметного влияния даже отдельного человека на течение процессов коэволюции, на ход исторических событий возникают в состояниях неустойчивости сложных систем, то есть в состояниях вблизи бифуркации или момента обострения. Именно в эти моменты действия каждого отдельного когнитивного и конструирующего действительность субъекта могут стать существенными, определяющими возникновение новой макроскопической когерентной структуры, нового коллективного образца поведения. Более того, в условиях неустойчивости сложной системы возможно установление сквозной связи между различными иерархическими уровнями организации систем в мире, возможно «прободение» в микро- или мегамир.

Важно понять, что мы не внешние наблюдатели коэволюционного процесса, но участники самой игры. Мы внутри самих тенденций коэволюционного развития. Мы не вправе пассивно ждать, что будет завтра. Мы можем и должны стать создателями желаемого и предпочитаемого нами будущего.

Изречение греческого поэта Еврипида гласит: «Ожидаемое не осуществляется, неожиданному бог открывает дверь». Это тем более справедливо в нелинейном мире, где в состояниях неустойчивости открываются различные возможные пути эволюции, где тот процесс, который безнадежно затухал, может внезапно разрастись и развернуться в полную силу, где возможна внезапная смена режимов функционирования сложной системы или ее срыв к хаосу, разрушению. Нелинейный мир полон неожиданностей.

Особенности феномена нелинейности, как они раскрываются в теории сложных систем, состоят в следующем:

- благодаря нелинейности имеет силу важнейший принцип «разрастания малого», или «усиления флуктуаций». При определенных условиях нелинейность может усиливать флуктуации – делать малое отличие большим, макроскопическим по последствиям;
- определенные классы нелинейных открытых систем демонстрируют другое важное свойство – пороговость чувствительности. Ниже порога все уменьшается, стирается, забывается, не оставляет никаких следов в природе, науке, культуре, а выше порога, наоборот, все многократно возрастает;
- нелинейность порождает своего рода квантовый эффект – дискретность путей эволюции нелинейных систем (сред), то есть возможность, реализуемость в каждой нелинейной системе не произвольных, а только избирательных путей

эволюции, детерминированных ее внутренними свойствами (спектр структур-аттракторов);

- нелинейность означает возможность неожиданных, эмерджентных изменений направления течения эволюционных процессов. Как показывают исследования, картина процесса на первоначальной или промежуточной стадии может быть полностью противоположной его картине на развитой, асимптотической стадии. Например, в структурах горения нелинейной диссипативной среды то, что сначала растекалось и гасло, может со временем разгораться и локализоваться у центра. Причем такие бифуркации по времени могут определяться не изменением параметров, а ходом процессов самоструктуризации данной среды.

Универсальный эволюционный процесс является результатом, как говорил И. Пригожин, каскада бифуркаций, то есть, по сути, цепью случайных удачных отклонений, которые разрастались и качественно видоизменяли системы, внутри которых они возникали: отклонения дезорганизовывали системы, реорганизуя и переструктурируя их. Фундаментальные скачки в процессе возрастания сложности систем были, в сущности, процессами морфогенеза. Всякий этап большого исторического (или универсального) эволюционного процесса являлся одновременно и дезорганизующим, и реорганизующим, и разрушительным, и созидательным в своем порыве к возрастающей сложности и постоянным метаморфозам. Причем периоды дезорганизации и хаоса позволяли находить новые пути развития, были источниками социальных, политических, культурных инноваций.

Мыслить и действовать глобально – значит мыслить и действовать нелинейно, то есть быть готовым к появлению нового, к неожиданному разрастанию незначительных флуктуаций в еще невиданные макроструктуры, к быстрому нелинейному росту, а также к неожиданному переключению режимов движения сложных систем. Как отмечает Э. Морен, следует обучать основам стратегии, которая позволяет безбоязненно встречать случайности, неожиданное и неопределенное и видоизменять развитие процессов на основании получаемой по ходу дела информации. Надлежит осуществлять плавание в океане неопределенностей через архипелаги определенностей [Морен 2013: 304].

Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод. Для осуществления эффективной управленческой деятельности в современном сложном и глобализированном мире, для надлежащего встраивания человека в коэволюционные процессы нужно:

а) уметь принимать взвешенные решения в условиях глубокой неопределенности, обусловленной возрастающей сложностью социальных процессов. А для этого необходим интеллектуальный альянс (интеллектуальная синергия) между предсказанием, производством инноваций и предпринимательской (управленческой) деятельностью;

б) уметь мыслить глобально и действовать активно и интерактивно, адекватно ситуации (принцип ситуационности действия);

в) быть в синергизме со средой, с управляемой организацией или предприятием (принцип нелинейных обратных связей, устанавливающихся между субъектом и средой его активности);

г) созидать подобающий как своим собственным познавательным и конструктивным возможностям, так и внутренним неявным тенденциям среды когерентный, взаимно согласованный мир (установка не просто на желаемое, а на осуществимое будущее).

Конструктивная и творческая позиция современного человека призвана определяться возможностью преднамеренного резонансного возбуждения сложных структур в соответствующих нелинейных средах и системах, тех структур, которые отвечают метастабильно устойчивым собственным формам организации этих сред.

Одной из самых любимых и настойчиво пропагандируемых идей С. П. Курдюмова, с которым мое сотрудничество продолжалось на протяжении почти двух десятилетий, была идея об открытии синергетикой *конструктивных принципов коэволюции сложных систем* и о возможности овладения будущим, *конструирования желаемого будущего*.

Открываемые в теории сложных систем принципы коэволюции Курдюмов называл конструктивными. Почему? Потому что они могут использоваться для эффективной управленческой деятельности, для стратегического видения будущего и планирования на долгосрочную историческую перспективу, для выработки разумной национальной и государственной политики в глобализирующемся мире. Потому что синергетические принципы коэволюции глубоко содержательны и ориентированы на отдаленное будущее, которое практически невозможно предсказывать традиционными методами. Потому что глубокое понимание синергетических принципов коэволюции, нелинейного синтеза частей в устойчиво эволюционирующее целое может и должно лечь в основу современного «искусства жить вместе», содействуя утверждению толерантности и сохранению разнообразия в глобализирующихся сообществах. Оно означает:

а) жить друг с другом, а не против друг друга;

б) заботиться о тех, кто беден и бесправен, а также о состоянии окружающей среды, расширять круг нашего внимания, сочувствия и заботы (толерантность и экологическое сознание);

в) жить так, чтобы не уменьшать шансы других, в том числе будущих поколений, жить так же хорошо.

«Искусство жить вместе» означает стимулирование толерантности к другому образу жизни/другим людям и поддержание разнообразия в глобализирующихся обществах.

Коэволюция есть «искусство жить в едином темпомире», не свертывая, а поддерживая и развивая разнообразие на уровнях элементов и отдельных подсистем. А значит, нужно культивировать у каждого чувство ответственности за целое в плюралистичном и объединенном мире.

«Искусство жить вместе» – это искусство поддержания единства через разнообразие, возвращения самости, своего неповторимого личностного Я или идентичности, собственного лица организации или фирмы путем одновременного обособления от социальной среды и слияния с ней. Каждый элемент (личность, семья, предприятие, фирма, этнос, государство) сложной коэволюционирующей целостности операционально замкнут, поддерживает свою идентичность. Каждый элемент творит себя через целое и преобразует социальное целое, творя самого

себя. Он должен забыть себя, чтобы найти себя, обнаружить свое родство с миром, чтобы познать самого себя, построить самого себя по-новому.

Чтобы эффективно управлять в нашем сложном и нестабильном мире и чтобы стимулировать рождение значимых и позитивных социальных инноваций, необходимо принимать во внимание *контекст* – ближайший и достаточно широкий – изучаемых явлений и событий, то есть уметь *контекстуализировать свои знания*. Обречен на неудачи тот менеджер, который не развил в себе *умение видеть ситуацию* и ее включенность в организационные и коммуникационные связи, тянущиеся вплоть до глобального, общечеловеческого уровня. Один из наиболее интересных биологов советского периода развития науки А. А. Любищев, нередко погружающийся в своих письмах в философские размышления, писал: «Тот не может быть хорошим практическим деятелем, кто только практический деятель, то есть который имеет только узкое стремление достигнуть определенного практического результата, полностью игнорируя все остальное» [Любищев 1997: 32].

Нужно действовать, думая и размышляя, прокладывая путь через интерактивные взаимодействия со средой, организацией, и думать, просчитывая не только локальные и ближайшие, но также системные и отдаленные возможные последствия своих управленческих воздействий, действуя в постоянно изменяющемся и усложняющемся мире. «*Думай глобально, чтобы локально эффективно действовать!*» – вот лозунг эффективного управления в нашу эпоху глобализации [Chumakov 2014: 119–120]. Эта установка подразумевает личную ответственность за результат действий, за их последствия, за выстраиваемое нами будущее.

Говоря о необходимости изменения ориентиров познавательной и конструктивной управленческой деятельности, Э. Морен отмечает: «Познание мира как мира целостного становится одновременно интеллектуальной и жизненной необходимостью... Познание изолированных информационных сведений недостаточно. Надо располагать эти сведения в контексте, в котором они только и обретают смысл» [Морен 2013: 259–260]. Нужно снова составить целое, которое было раздроблено, растащено по различным дисциплинарным областям, фрагментировано, нужно сформировать целостное системное знание о сложных структурных образованиях и мире как системе. Надо действительно заново воссоздать целое, чтобы понять части.

Сегодня чрезвычайно важно развивать *целостное, холистическое видение мира*. Надо понимать способы интеграции и взаимосогласованного, гармоничного развития различных сложных диссипативных структур в мире, такого развития, которое приводит к ускорению развития целого. Видный теоретик систем Э. Ласло в своей книге «Точка хаоса. Мир на перекрестках» рассматривает холизм как новую фундаментальную научную парадигму, определяющую методы и стратегии научных исследований. «Холизм присутствует сегодня не только как философия внутри общих рамок науки, если использовать выражение Смэтса [Ян Х. Смэтс – южноафриканский государственный деятель и философ, автор книги «Холизм и эволюция (1926). – Е. К., А. А.], но и как новая фундаментальная

парадигма: основная отличительная черта самих научных теорий. Это продвигает новые науки значительно ближе к многообещающим субкультурам в обществе, конвергенции, которая тем более значительна, поскольку она прокладывает путь к цивилизации, в которой холистическое мышление охватывает все вещи в науке и обществе» [Laszlo 2012: 80].

Итак, умение мыслить и действовать глобально означает:

– мыслить в терминах *процессов*, а не структур. Социальные и геополитические структуры рассматриваются как процессы. Это структуры, постоянно трансформирующиеся, коэволюционирующие, объединяющиеся и временами частично или полностью распадающиеся;

– мыслить в терминах *динамического целого*, а не статических частей. Глобальное мышление позволяет видеть лес, а не только деревья, то есть зарождающиеся и становящиеся целостности, а не только суверенные геополитические единицы;

– видеть не только непосредственное настоящее, но и обрести перспективы, причем желательные отдаленные, долгосрочные, которые становятся различимыми, если мы открываем структуры-аттракторы глобальной эволюции (Большой истории);

– встроить в свой образ мышления идею коэволюции как «искусства жить вместе».

В настоящее время на первый план выдвигается представление о стратегиях активной, созидательной деятельности человека и стратегическом видении будущего. Почему слово «стратегия», используемое первоначально преимущественно в военных делах, стало активно использоваться в современной теории управления и в современных исследованиях будущего (Futures Studies)? Потому, что нынешняя установка в управлении заключается в том, чтобы не просто предсказывать будущее, но и создавать желаемое будущее, конструировать его, направлять развитие социальных систем и организаций в русло предпочитаемой нами и осуществимой (с точки зрения внутренних свойств социальных систем) тенденции развития. Человек действует не «потому что», а «с целью того чтобы», и это «с целью того чтобы» является определяющим для выбора стратегии действия, которую необходимо корректировать в зависимости от постоянно изменяющейся социальной обстановки. Будучи дизайнером самого себя и собственных действий, человек как субъект познания и действия активно способен конструировать и переконструировать социальную реальность, созидать предпочитаемое и наиболее благоприятное будущее.

Литература

Гринин Л. Е., Марков А. В., Коротаев А. В., Панов А. Д. Эволюционная мегапарадигма: возможности, проблемы, перспективы // Эволюция: космическая, биологическая, социальная / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. С. 5–44.

Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. 2-е изд. М. : УРСС, 2011.

Князева Е. Н., Куркина Е. С. Глобальная динамика мирового сообщества // Историческая психология и социология истории. 2009а. Т. 9. № 1. С. 129–153.

Князева Е. Н., Куркина Е. С. Мыслитель эпохи междисциплинарности // Вопросы философии. 2009б. № 9. С. 116–131.

Князева Е. Н., Куркина Е. С. Пространственно-временная динамика эволюции процессов в сложных системах // Инновационная сложность / отв. ред. Е. Н. Князева. СПб. : Алетейя, 2016. С. 185–217.

Куркина Е. С., Князева Е. Н. С. П. Курдюмов и его эволюционная модель динамики сложных систем // Известия высших учебных заведений «Прикладная нелинейная динамика». 2013. Т. 21. № 4. С. 93–114.

Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3–28.

Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетика. Антология / науч. ред., сост., автор пер. и вступит. ст. Е. Н. Князева. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 247–322.

Любищев А. А. Мысли о многом. Ульяновск : Ульяновский гос. пед. ун-т, 1997.

Назаретян А. П. Универсальная (Большая) история – учебный курс и поле междисциплинарного сотрудничества // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 70–80.

Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. 2013. № 2. С. 23–37.

Christian D. Big History and the Future of Humanity // Journal of Global History. 2011. Vol. 6. Pp. 536–546.

Chumakov A. N. Global World: A Problem of Governance // Campus-Wide Information Systems. 2014. Vol. 31. No. 2/3. Pp. 108–120.

Laszlo E. The Chaos Point. The World at the Crossroads. London : Piatkus, 2012.

Ledford H. How to Solve the World's Biggest Problems // Nature. 2015. Vol. 525. No. 7569. Pp. 308–311.

Spier F. Big History and the Future of Humanity. Malden (MA); Oxford : Willey, Blackwell, 2010.

О СПОСОБНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ПОНЯТЬ СТРУКТУРУ И ТРАНСФОРМАЦИИ XXI в.

Чешков М. А.*

В статье предметом исследования выступает как мироцелостность, так и научное знание этого объекта. Осознаются не только мир, человек и человечество, основным предметом познания выступает современное научное знание как адекватный способ видения человека и человечества. Решение этой задачи, считает автор, потребует переосмысления науки Нового времени, заложенной логическим знанием, которое хотя и необходимо, но уже далеко не достаточно для понимания состояния реальности и процессов трансформации человека и человечества.

Ключевые слова: научное знание, человеческий универсум, мировой универсум, мирознание, картина мира, универсум, будущее.

The subject of our study is the unity of the world and its scientific understanding. Not only the world, but human and humankind are analyzed, but the main subject of cognition is the modern scientific knowledge as an adequate method of comprehension of a human and humankind. According to the author, an adequate solution of the problem requires rethinking of the modern science founded by the logical knowledge which is necessary but it is not sufficient for the understanding of the real situation and the processes of transformation of a human and mankind.

Keywords: scientific knowledge, human universe, world universe, knowledge about the world, worldview, universe, future.

Проблема осмысливания мирознания обостряется тем, что в ситуации резкого усиления глобального кризиса мироцелостность как объект познания становится все более взаимосвязанной и в то же время заново как разделяемой и универсализированной, так и локализованной отдельными компонентами миробития; с другой стороны, мироцелостность все более универсализируется и локализуется все более связанным и расчлененным целым. Для нас особенно значимо, что научная мысль не только лишается прежнего целостного познания мира, но и, что самое важное, на основе целостного понимания самого наукознания.

Реорганизация и создание нового мирознания на основе современного общенаучного знания (систематика, синергетика, диатропика) позволяют ощутить, что комплекс разнородных дисциплин становится все более связанным, дробящимся и умножающимся комплексом все более разнородных дисциплин. Из числа этого все увеличивающегося, даже бесконечного (!) набора особо важным кажется опыт мировых дисциплин, в частности международных отношений и

* Чешков Марат Александрович – д. и. н., главный специалист Центра проблем развития и модернизации Института международной экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. E-mail: artem.cheshkov@mail.ru.

глобалистики, которые заново упираются в общенаучные знания и традиции категориального мышления классической европейской науки Нового времени. Этот багаж становится тем более сложным, что предмет познания предстает все более конкретизирующим и даже фрагментизированным, а большие (вширь) и малые единицы выглядят релятивными в их как абсолютных, так и минимальных масштабах, в способах познания все укрупняющихся и все уменьшающихся единиц миробытия и миросознания.

Такое качественное изменение современного научного сознания выглядит не только новым предметом научного познания, но и новым способом познания современной науки, то есть предполагает переосмысление науки как важнейшего параметра знания, сознания и реальности. Данные изменения современного научного сознания требуют реорганизации всего комплекса мирового сознания и знания средствами понятийно-категориальной конструкции (ПКК). Таковая строится по горизонтали и по вертикали, включая фундаментальные (фаза I) и частичные понятия (фазы II и III). Матрица ПКК необходимо включает языки не только общенаучного знания, но и категориального, и даже образного.

Фаза I. Фундаментальные понятия

Таковыми выступают: понятие *человеческий универсум* – контекстуальное, исходное; *мировой универсум* – понятие текстуальное или базовое. Первое понятие первично, а второе – вторично этой фундаментальной связке. Понятие *человеческий универсум* выражает человечество как формирование, построенное на взаимосвязанности трех начал жизнедеятельности – природного, социального, субъектного. В этой триаде *ключевым предстает* начало *субъектность*, наиболее полно выражающее то, что свойственно всем трем началам, то есть «принцип жизнедеятельности», формирующий единство всех трех начал. Понятие *мировой универсум* конкретизирует понятие *человеческий универсум*, сохраняя его *всеобщность* и в то же время выражая присущую ему специфичность – особенность.

Такая смысловая нагрузка – всеобщность и особенность – достигается за счет того, что понятие *мировой универсум* адресуется *особой форме* (или способу) жизнедеятельности, отличной от других форм/способов – индивидуальной, групповой, совокупной в их разных масштабах. Благодаря подобной (первичная и вторичная) связанности этих понятий в различных их смыслах понятие *мировой универсум* конституирует *предмет мироведения*. Эта новая мирокатегория имеет преимущество сравнительно и с прикладными понятиями (типа мирового сообщества), и с более общими идеями, такими как *человечество*, поскольку, сохраняя органическую связь с понятием *человеческий универсум*, новое понятие *мировой универсум* не растворяется в различных гуманистических дискурсах, сохраняя и его общечеловеческую природу, и его особость. В такой связке двух фундаментальных понятий мировой универсум заново конституирует и сам предмет *мироведения* как социально-гуманитарного знания в его всеобщности и в его же особенностях. Установив два фундаментальных понятия (пусть и соподчиненных), мы далее разворачиваем ПКК, характеризуя последовательно общие и частные онтологические и отчасти аксиологические параметры нашего базового исходного понятия *мировой универсум*.

Фаза II. Общие параметры

К ним относятся представления о *природе* и *сущности* этого понятия. Поскольку в нем конкретизируется исходное понятие «человеческий универсум», то и природа нашего мирового универсума та же, что присуща человеческому универсуму, то есть она антропологична и в этом смысле интегральна. Если природа мирового универсума задается природой человеческого универсума, то сущность понятия *мировой универсум* раскрывается более глубоко в его соотношении с другими формами (способами) жизнедеятельности – индивидуальной, групповой, совокупной. Сущность этого понятия раскрывается через специфическую природу мирового универсума в его логических и исторических формах: от *локальной* и *производной* от иных форм эпохи «осевого времени» до XVI в., сменяемых формами *планетарной* и *равноположенной* иным формам XVI–XVIII вв., и, наконец, формой *планетарной* и *доминирующей* в совокупности над всеми формами, присущими человечеству XIX–XX вв.

Фаза III. Частичные параметры

К этим измерениям относятся: *оргформы*; *субъектность*; *тип развития*; *состав*. Данные параметры и выражающие их понятия и категории рассматриваются и строятся по логике дедуктивной (от более общих к менее общим), по логике познавательной – от более абстрактных к более конкретным при необходимой корреляции, логике исторической. Следуя этой общей последовательности, располагаются: параметр оргформ; тип развития, субъект и субъектность, взятые вместе ввиду их тесной связи; и в заключение характеризуется параметр состава данной формы универсума.

Оргформы. Их описание требует специальных понятий, определяющих историческую динамику мирового универсума. Динамика оргформ выражается в категориях исторических типов мирового универсума. Можно выделить три таких типа – *конгломеративный*, *системный* и *постсистемный*. Первый из них присущ мировому универсуму эпохи от становления «осевого времени» до XVII в.; второй – мировому универсуму XVI–XX вв., третий возникает в реальности на рубеже XX–XXI вв. Конгломеративный тип разнороден по составу и лишен целостности (связанности); системный тип характеризуется иерархически построенной целостностью; постсистемный тип выглядит совокупностью нескольких вариантов мирового универсума – системного (разных видов), мозаичного и неопределенного множества. Мозаичный вариант схож с конгломеративным по разнородности состава, но отличается от него присущей связанностью (когерентностью); вариант неопределенного множества сходен и с конгломеративностью по разнородности состава, доведенной здесь до беспредельности в силу принципиально неограниченного числа субъектов, в том числе (и особенно) субъектов в виде конкретного индивида в его всеобщем (общечеловеческом) качестве (см. ниже).

Сдвиг мирового универсума знаменует выработку специфического выбора развития до превращения мирового универсума в *доминантную* форму жизнедеятельности (см. фазу II). Логика развития мирового универсума оставалась производной от логики других форм жизнедеятельности и тем самым воспроизводила привычный – стадийный – тип/способ развития, сложившийся в XVI–XVIII вв.

и закреплённый формированием иерархической системы, созданной оргформой мирового универсума.

Становление мирового универсума как доминирующей формы жизнедеятельности характеризуется, однако, через специфический механизм качественно нового *типа/способа развития*. Специфичность динамики мирового универсума заключается в том, что на рубеже II–III тыс. мировой универсум движется одновременно по разным несводимым и в то же время скоординированным траекториям. Поэтому он и логически, и исторически выступает как совокупность (множество) различных оргформ – как системных, так и несистемных образований (мозаичные и неопределённые множества). Баланс данных оргформ изменчив, и в этом смысле структура мирового универсума переформатируется как *множество множеств* и выглядит в принципе неопределённым формированием. Таковой – условно – *открытый тип развития* (ОТР) отличает данную динамику и от процесса варибельного, задаваемого конкретными обстоятельствами.

Открытый тип развития (ОТР) структурирован превращением мирового универсума в доминантную форму жизнедеятельности, он же (ОТР) *обусловлен* специфически *пульсирующим хронотопом*, присущим и *человеческому универсуму* на рубеже II–III тыс. Суть этого хронотопа заключена в том, что время мирового универсума не имеет чётких границ, а настоящее, прошедшее, будущее встроены друг в друга по отношению как к себе, так и к своим же пространствам. Вводя эти понятия [Чешков 1999: 47], мы возвращаемся к фундаментальным категориям (фаза I), что демонстрирует сквозное единство этих параметров как в мировом универсуме, так и – шире – в познавательной ПКК.

Наконец, фактором, непосредственно генерирующим новый тип/способ развития, выступают активность субъекта и его свойство как целого (качество субъектности). Характеристика носителя мирового субъекта в целом и отдельных субсубъектов не только выражает воздействие на тип/способ развития, но генерирует также несистемные виды мирового универсума (особенно мозаичные) и порождает новые виды системности, построенные иерархически. Подчеркнем, что подобная характеристика субъектности и субъекта таким образом соединяет – хотя и различает – оба фундаментальных понятия (человеческий универсум и мировой универсум). Значимость этого нового параметра (субъектность и субъект) раскрывается – отметим еще раз – в том, что роль субъекта заключается не только в *создании* оргформ мирового универсума, но и в *выборе, отборе* этих форм и, более того, их *закреплении* в генофонде человеческого универсума. Активность субъекта не только порождает новые оргформы (несистемные), но и осуществляет их *отбор* (системные – несистемные) и *выбор* (мозаичные и неопределённые множества). Деятельность данного субъекта мирового универсума, по существу, отвечает на вопросы «кто?», «как?» и «что?». Эта характеристика такого мирового субъекта коренным образом меняет прежнее представление о характере развития прежних форм мирового универсума, которое задавалось то ли системным, то ли культурологическим пониманием и предыдущих форм мирового универсума (XVI–XX вв.), и фундаментального представления о том, что происходит как с научным сознанием, так и с мировым сознанием как целым.

Субъект мирового универсума («кто?») есть образование, включающее верхушечные (элитарные) группы, связанные с различными – разноуровневыми и разномасштабными – образованиями (общества, культуры, конфессии, этносы). Становясь компонентами субъекта мирового универсума, эти его группы обретают новое качество, отличающее их от того, что они есть в «своем» социуме, культуре, этносе, ведя таким образом *двойную жизнь*, двойное, а то и *множественное бытие*, что ставит перед ними проблему их аутентичности. Другой важнейший компонент субъекта мирового универсума представлен *конкретным* индивидом в его всеобщей – родовой и общечеловеческой (интегральной) – природе. Признание такой «единицы» как нового составного субъекта мирового универсума есть сложная теоретико-методологическая операция, предполагающая снятие оппозиции всеобщего и единичного, абстрактного и конкретного, столь устойчивой философской антропологии.

Снятие этих оппозиций приводит к пониманию *глубинного противоречия*, присущего субъекту мирового универсума – между *коллективным* бытием субъекта (или субъекта как целого) и его же *индивидуальным* бытием, которое воплощается в его же общечеловеческой природе. Разрешение этого противоречия, столь значимого в бытии мирового универсума как *неопределенного множества*, полагает выход субъекта *за пределы* мирового универсума и сближает его с человеческим универсумом (см. ниже).

Разрешение противоречия между субъектом как целым и его разными (в том числе совокупными) компонентами (скажем, БРИК и другие регионально-интеграционные образования) выливается в формирование вариантов (разновидностей) субъекта мирового универсума, связанных с той или иной компонентой субъекта как целого (конфессиональной, цивилизационной и пр.). На этом уровне понятие мирового универсума и его субъекта *конкретизирует* параметр состава, присущий этому субъекту, и выражает особую (третью) фазу конкретизации ПКК.

Реализуя эти варианты, компоненты субъекта мирового универсума, или, точнее, субсубъекты, разрабатывают различные стратегии, нацеленные на комбинации традиционных и модернистских ценностей. Здесь мы подходим к ответу на третий вопрос: «как?» (мыслит и действует субъект) и выходим к аксиологическому измерению мирового универсума. Можно выделить три вида стратегий, практикуемых субъектами (точнее, субсубъектами), в основном несистемных форм мирового универсума или их «зон» – Юга и Востока. Это стратегии имитации, уподобления и превращения. Стратегии *имитации* нацелены на воспроизводство тех норм и ценностей, которые сложились и на Востоке, и на Юге в доколониальную эпоху («традиционализм»), и на Западе/Севере в XVI–XIX вв. («модернизм»). Стратегии *уподобления* используют те же нормативы/ценности как *средства* для реализации целей, поставленных субсубъектами в рамках мирового универсума. Стратегии *превращения* воспроизводят оригиналы базовых ценностей с учетом новизны структурного и временного измерения мирового универсума (типа второго издания крепостничества в Восточной Европе XVII–XVIII вв., плантационного рабства Вест-Индии XVII–XVIII вв., промышленного рабства

в США первой половины XIX в.; индустриальной разновидности азиатского способа производства в России советской эпохи)**.

Сверхсложность этих стратегий проистекает не только из активности и сознания субсубъектов, но и из связей стратегий с различными сквозными временными (синхронность, диахронность, цикличность) механизмами, через которые реализуется тип развития. Поэтому, скажем, стратегия *уподобления* традиции может воспроизводить исторический оригинал, работая в режиме *диахронности*, где сохраняются генетические связи, а может создавать новый, современный облик компоненты мирового универсума, работая в режиме *синхронности* или формируя «переходный» облик компоненты, работая в *циклическом* временном режиме (опыт Ирана рубежа XX–XXI вв.)

Эти стратегии (вкуче, понятно, с сознанием субсубъектов, их практикующих) не просто воздействуют, но, по существу, *создают* в том числе состав мирового универсума, формируя такие компоненты, которые не имеют собственных исторических предпосылок (разные виды капитализма и так называемого социализма на периферии системно-иерархической оргформы мирового универсума). Возникновение таких форм в составе мирового универсума выражает подлинно *творческую* (или творящую) природу субъекта.

Под воздействием субсубъектов *состав* мирового универсума дифференцируется так, что наряду с «обычными» его компонентами возникают и такие, которые становятся особыми *полюсами* состава мирового универсума. Полюсы есть те компоненты, субъекты которых создают максимально широкие интенсивные и разнообразные (взаимо)связи с другими компонентами. В роли таких полюсов выступают и отдельные крупные страны (Бразилия, ЮАР), и целые регионы (ЕС, исламский мир, Юго-Восточная Азия). Творящее воздействие субсубъектов проявляется максимально, когда оно формирует разные типы оргформ мирового универсума как образований – то ли системных, то ли постсистемных (мозаичных), и даже выходящих за пределы мирового универсума (в виде неопределенных множеств). Последний вариант динамики мирового универсума сближает субсубъекты мирового универсума с *субъектом человечества в целом*. Таким образом, понятие «мировой универсум» – через его субъекта – возвращается к понятию человеческого универсума, то есть к фазе I ПКК, что свидетельствует о *завершении* развертывания этой конструкции (!) как способа освоения мирового универсума, этого понятия, конституирующего предмет мироведения (из мирознания).

Масштаб и разнородность (*беспредельная* за счет конкретного индивида в его родовой общности) сближает субъекта мирового универсума с человечеством, выраженным понятием *человеческий универсум*. В том же направлении «работает» и новый тип развития, хотя его воздействие на сближение обоих универсумов (ниже речь идет о сближении лишь мирового универсума с человеческим универсумом и не рассматривается – хотя это необходимо – движение в обратном направлении, от человеческого универсума к мировому универсуму, поскольку

** Соотношение этих трех видов стратегий нуждается в уточнении, учитывая их взаимосвязанность. Пока же мы связываем «уподобление» и «имитацию» с активностью субъекта, а «превращение» – со структурными (особенно временными) параметрами мирового универсума.

понятие *человеческий универсум* недостаточно разработано средствами общенаучного знания) и менее однозначно. Так или иначе, по трем параметрам – природа, субъект и тип развития – понятие *мировой универсум* сближается с понятием человеческого универсума в плане онтологическом. Это сближение означает *очеловечивание* мирового универсума, то есть усиление его интегральности; в то же время под воздействием типа развития, сохраняющего системную оргформу мирового универсума, происходит противоположный процесс – *расчеловечивание* мирового универсума. В итоге мировой универсум одновременно и *очеловечивается* (по природе, субъекту, отчасти – типу развития), и *расчеловечивается*.

В русле столь противоречивого процесса сближения, охватывающего подчеркнутые как онтологические, так и гносеологические и даже аксеологические параметры понятия *мировой универсум*, определяются перспективы мироведения в его важнейшем измерении – предметности, а точнее, природы его предметно-конституирующего понятия. Если *очеловечивание* означает, что понятие *мировой универсум* теряет свою специфичность, а с ней размывается специфика предмета мироведения и ослабевает возможность становления особой области научного знания, то *расчеловечивание*, напротив, сохраняет специфику понятия *мировой универсум*, а с ней – специфичность предмета мироведения, что усиливает шансы на формирование этой области научного знания. Поскольку обе эти тенденции имманентны процессу сближения мирового универсума с человеческим универсумом, то становящееся мироведение «обречено» на постоянное воспроизводство дилеммы «быть или не быть». Говоря по-другому, мироведение – в длительной перспективе – обречено на воспроизводство в состоянии *на распутье...* Поэтому и преобразование *мирознания* (знания о мировой проблематике, накопленного в различных дисциплинах XX в.) в *мироведение* выглядит процессом постоянно (!) *обратимым*.

Нынешняя фаза такого преобразования есть фаза начальная, ибо в мироведении лишь начинается выявление его собственной предметности. В таком начальном состоянии мироведение сталкивается с фундаментальным, генетически заложенным в ней противоречием между онтологическими и гносеологическими параметрами понятия *мировой универсум*. Если в плане *онтологическом* мировой универсум на рубеже XX–XXI вв. становится доминирующей формой жизнедеятельности, то в плане *гносеологическом* это понятие, по существу, лишь намечаемое, вряд ли может – пока – претендовать на роль предметной конституанты мироведения. Преодоление этого разрыва ныне есть решающее условие для преобразования *мирознания* в *мироведение*. Мирознание ныне переживает «час истины»: или накопление сложно/разно/многодисциплинарного знания и, значит, продолжение его фрагментации и даже хаотизации; или фундаментальное переосмысление в новом метадисциплинарном формате. Именно такое переосмысление и предложено в нашей гипотезе мироведения, хотя, возможно, есть и другие пути выхода из данной ситуации.

Преобразование *мирознания* в *мироведение* зависит в нынешней реальности от двух групп факторов. Во-первых, от «спроса» на мироведение со стороны дисциплин, исследующих мировую проблематику (а их круг становится поистине безграничным, в том числе за счет естественно-научного знания), во-вторых, от

способности становящегося мироведения освоить формы современной – постнеклассической – науки (междисциплинарность, ключевая роль субъекта познания: принцип совмещения несовместимого, принцип возрастающей сложности объектов, предметов и способов познания).

Позиции мироведения в социогуманитарном знании закрепляются по мере того как новая область научного знания предлагает свою *картину мира*, то есть свое видение мира с четко выраженной идеологией, альтернативной другим идеологиям нивелирующего универсализма, партикуляризма, почвенничества, государственного национализма, третьемировского радикализма. Лишь осваивая постулаты современной постнеклассической науки, мироведение будет способно предложить альтернативную этим пяти идеологиям картину мира. Ее можно назвать *универсально-критической картиной мира (УККМ)*.

Противопоставляясь 1-й *идеологии*, УККМ акцентирует разнообразие мира и неравенство его компонентов, принимая представление о целостности мира (далее везде имеется в виду понятие *мировой универсум*).

Противопоставляясь 2-й *идеологии*, УККМ отвергает представление об уникальности (исключительности) его единиц, но настаивает не просто на их включенности в мир, а разделяет представление об «особенности» каждой из них.

Противопоставляясь 3-й *идеологии* (2-я и 3-я идеологии хотя и различны, но взаимопереплетаются), УККМ содержит критику взглядов, подчеркивающих уникальность культур и цивилизаций, признавая при этом самобытность этих культур и цивилизационных образований.

Противопоставляясь 4-й *идеологии*, УККМ критически оценивает абсолютную роль этих государств/наций и особенно их претензий на снятие внутренних противоречий, размещая эти единицы в русле особой разновидности мироцелостности.

Противопоставляясь 5-й *идеологии*, УККМ отвергает присущее ей дихотомное видение мира (Север – Юг), но признает наличие глубоких различий и неравенства в этих отношениях и структуре мира в целом.

Как видим, УККМ выглядит достаточно гибкой, ибо присущая ей альтернативность не означает простого отрицания других идеологий, но оставляет место для диалога, что усиливает мироведение и как научное обоснование данной картины мира, и как способ познания и изменения (!) современного мира.

Ясно, что предлагаемая здесь идея мироведения, как и обоснование его предмета и категориального аппарата, выглядят гипотетическими, то есть находятся «в лесах» и далеки от полноты, завершенности и непротиворечивости. И тем не менее излагаемые здесь гипотетические построения не только *полезны*, но и более того – *необходимы*, когда мир оказывается в состоянии глобального (и тотального) кризиса, в том числе кризиса научных представлений о мире/человечестве как целом.

В такой ситуации научное познание **должно** (силой логики познавательной и исторической) ориентироваться и на поиск крупных *макроединиц*, и – что не менее важно – на поиск *микроединиц* мироцелостности, тесно связанных с представлениями о человеке/человечестве, выходя на необходимость выработки общенаучного языка, позволяющего соотносить научные знания со *знанием сово-*

купным и особенно его ненаучными компонентами (философией, теологией, образным и обыденным знанием, знанием прикладного, операционального типа). Лишь в диалоге (полилоге) со всеми этими формами познания/сознания, наука – в том числе и (особенно) мироведение – может обрести свою новую идентичность – фундаментальную и практическую, а не конъюнктурную; прагматическую полезность, став подлинно позитивной силой совокупной трансформации мира/человечества/человека.

Намечаемая здесь базовая концепция мирового универсума сформулирована в нескольких *последовательных* положениях, которые позволяют различать исторические типы, способ развития, субъект и основные компоненты мирового универсума в их богатстве и разнообразии, включая, подчеркнем, индивида или человека-индивида как необходимый компонент мирового универсума, так же как и те компоненты, которые остаются равноположенными (культуры, цивилизации и др.), не говоря о других, более глобальных образованиях.

Осознание мирового универсума как целого в виде *совокупности множеств* выводит современное научное знание в эпоху трансформаций различных научных дисциплин и всего *научного знания*. Перед такой трансформацией самосознание и познание нашего мира трансформируются в нескольких направлениях. Среди них ведущими формами мироведения выступают или философия, или теология, или литературное знание; или, по Х. Л. Борхесу, теология предстает как разновидность изящной словесности. Задачей такой словесности является, по Борхесу, попытка человека «представить, вообразить, вымыслить или даже выяснить» другое, чуждое нам сознание и вступить с ним в диалог.

Тем самым научное знание лишается прежней тайны и своего выше закрепленного детерминизма. Научное знание в нашу эпоху начинающегося третьего тысячелетия заново погружается в человеческий мир, или, точнее, мир человека и человечества, тем самым заново *интериоризируясь* в сознании человека и человечества. Научное знание, таким образом, от своей предшествующей формы (XVII–XX вв.) как вершины человеческого сознания и его демиурга вновь возвращается как мир сознания человека и человечества и как его неотъемлемое, органическое целое.

Опираясь на концепцию *мирового универсума*, полезно выделить особый *наукоеведческий* центр на базе ИМЭМО РАН и журнала МЭМО, а также в союзе с журналами «Международные процессы» и «Россия в глобальной политике». В такой структуре мы получаем представление о понятии «мировой универсум», которое позволяет включать мирознание в масштаб этого понятия, придавая истории скорее не *мировой*, но *всеобщий* характер, входя в рамки, например, Института всеобщей истории РАН. В то же время в этих широких рамках каждая из единиц мирового универсума получает новое – самостоятельное и автономное – бытие, что оставляет поле для национальных и государственных единиц всеобщего мирового универсума. Тем самым каждая из единиц этого всемирного целого в значительной мере остается сферой *своего* социума, культуры, истории. В этих участках мирового универсума сохраняется место для существенных трансформаций, качественных и разнонаправленных, которые воспроизводятся и активностью субъектов, и своим культурно-историческим кодом. Современные транс-

формации таких единиц мирового универсума особенно заметны в нынешней России, где ощущается попытка возрождения сталинизма и введения единомыслия в России (академик Ю. Апресян). Академик Ю. Пивоваров подчеркивает, что академическая историческая наука занимается поиском истины и не может принуждаться некими вненаучными установками. Как считают эти академики, а также Н. Казанский (ИЛИ РАН), подобные попытки не позволяют сформулировать национальную идею. В рамках комиссии *по противодействию фальсификации истории* не оставляется места ни для филолога, ни для историка, а сама история, став востребованной государством, используется данной комиссией в ущерб интересам России.

Кажется, что подобные сдвиги в современном российском социогуманитарном знании не соответствуют тем изменениям, которые произошли в структуре и трансформациях мирового универсума. Наши размышления о нынешней ситуации современного научного знания базируются в основном на идее субъекта мирового универсума, где мы находим хороший аналог с успехом антигитлеровской коалиции, объединявшей разные государства, в победе над фашизмом. Буквально события последнего времени показывают, что поле мирового универсума при всей его разнородности и противоречивости неизбежно сопровождают такие противоречия, которые могут крайне усложнить положение не отдельных государств, но мирового универсума и его значительных регионов. Действительно, подобных компонентов мирового универсума – предостаточно, но их можно представить, если не терять из виду ту глубинную связь, которая соединяет мировой универсум с человеческим. Эта глубинная связь особенно проявилась в феномене Катыни, который дает России (по С. Новопрудскому [2010]) реальный шанс вернуть человеческое измерение в инструментарий своей внешней и внутренней политики, без чего нет никакой модернизации и никакого реального развития страны.

Россия в мире и в сфере научного знания

Данная статья – продолжение обсуждения проблемы, поставленной в нашей предыдущей публикации [см.: Чешков 2010]. Здесь Россия рассматривается через призму ситуации, в которой ее социум на грани XX и XXI вв. вступает в процесс трансформации отечественного *мирознания* в *мироведение*. Основная проблема сдвига к формированию российского мироведения решается в процессе соединения *мирового универсума* и *человеческого универсума* не только в России, но и в мировом масштабе. Формирование мироведения в российском социуме базируется на деятельности *научной и вненаучной*. Если первая исходит ныне из идей Е. Гайдара, то вторая основывается на традициях литературного творчества конца XIX в.; если предметом собственно научной деятельности предстает преимущественно тот или иной случай проявления бюрократии, то вненаучное творчество позволяет оценивать ту же бюрократию конца XIX в. через призму идей А. Чехова, отраженных в литературоведческом видении А. Немзера.

Эти базовые начала трансформации российского социума рельефно/резко выступают в научном и вненаучном российском сознании на историческом примере *Катыни*. Осмысление этого трагического явления, как уже говорилось, дает нам, россиянам, реальный шанс вернуть России *человеческое измерение*, без которого не

может идти речь о трансформации нынешнего российского социума ни в русле модернизации, ни в ходе развития вообще. На наш взгляд, выработка представления о феномене Катыни предполагает осмысление последнего в контекстах того, что мы назвали в нашей предыдущей публикации *мировым универсумом* и *человеческим универсумом*. Соединение этих двух глобальных измерений позволяет понять в рамках истории российского социума XVIII–XX вв. его реальные шансы на будущее бытие.

Сущность российского социума и его отношения к Катыни заключается, по С. Новопрудскому, в том, что в российском и советском обществе сложился тип такой власти, которая не замечает конкретных людей [см.: Новопрудский 2010: 4]. Феномен Катыни в трактовке Новопрудского не просто выражает суть российской традиции, закрепленной в эпоху советского общества и устойчиво сохраняющейся даже ныне, в постсоветский период. Устойчивость этой рельефно отраженной в данном феномене характерной черты российской государственной традиции позволяет, с нашей точки зрения, понять, что членение российско-советской общности в течение XVIII–XX вв. происходит по оси «*субъект – объект*» названной общности. Иначе говоря, по этой оси тотальный объект власти (хозяйство/идеология/культура) формируется тотальным *субъектом*, который превращает тотальную российско-советскую общность в *объект* подчинения/угнетения или, другими словами, в **безличностную массу**.

Специфичность субъект-объектного членения в советскую эпоху выражается в том, что массовый объект понимает свое *положение* не как положение объекта угнетения и подчинения, но как признание своего *нерабства* в его полной субъектности и личностности. В советском социуме индивид признает свою реальную *подчиненность* своей же персонализируемой сути, он воспринимает себя не как объект угнетения и пр., но сам же интерпретирует свою реальную объектность как полное воплощение своей личности. То есть *рабство* воспринимается как выражение личностной *свободы*, что делает советский социум неспособным ни к саморазвитию, ни к самомодернизации индивида. Эта специфика делает катынский случай выражением крайности советской и российской деперсонализации, и поэтому крайне затрудняет нынешнее очеловечивание российско-советской общности для преобразования мирового универсума в общечеловеческий универсум и, подчеркнем еще раз, становится тем более опасной, особенно в казусах исторического характера наподобие катынского. Исследования постсоветского социума показали, в частности, устойчивость того, что называлось советской бюрократией (в наших терминах – *этакратией*), которая заново воспроизводится и в постсоветской России, как это видно из работ А. Черняева [2010] и В. Шейниса [2009].

Если устойчивость феномена бюрократии (*этакратии*) очевидна, то изменения в российском социуме при его трансформации в конце 1990-х гг. показывают все же, что в этих рамках возникает и возможность для преодоления наследия Катыни. Эту возможность подчеркивал в августе 1993 г. Л. Валенса, когда он, будучи президентом Польши, принимал Б. Ельцина. Именно тогда, как сказал Валенса, Россия устами своего лидера публично признала право Речи Посполитой суверенно выбирать собственный курс внешней политики и вступать в международные союзы в согласии со своими государственными интересами. Он разъяснил

позицию Б. Ельцина, подчеркнув, что суверенность Польши предполагает развитие общеевропейской интеграции и этим не противоречит интересам других государств, в том числе и России. Другая возможность трансформации наследия Катыни в новом духе возникла (и это подчеркнули поляки, например Е. Помяновский) благодаря творчеству А. Солженицына. Согласно Помяновскому, российский писатель впервые показал, что система лагерей (ГУЛАГ) была не маргинальным элементом организации советской жизни, но его *платоновской идеологией*. Иными словами, Помяновский подчеркивает, что, согласно Сталину, стране надлежало конструировать именно таким эффективным, идеальным (по мнению большевистских «зодчих») способом, каким был устроен ГУЛАГ. Страданиям, отображенным в «Архипелаге ГУЛАГ», польские авторы находят аналог на страницах «Волшебной горы» Томаса Манна, что и позволило им поставить страшный вопрос: «Существует ли в мире такая идея, за которую стоит заплатить хотя бы жизнью одного поколения?» Поляк, единственный несдавшийся участник подавленной властями голодовки в Экибастузском лагере, подвинул Солженицына поставить вопрос, который, как пишет Помяновский, должен «заставить каждого поляка <...> задуматься над нашим отношением к русским солагерникам». Слова польского публициста: «Если бы все мы были так же горды и тверды, – какой бы тиран удержался на троне?» [Помяновский 2009: 99].

Возможности для преодоления наследия Катыни в отношениях России и Польши, как и для понимания мира в целом, конечно, сложились и в рамках российского научного творчества. Е. Ясин, научный руководитель Высшей школы экономики, полагает, что основа для научного осмысления современного мира была в конце XX в. заложена в работах Е. Гайдара, которого он называет *человеком мира* (планеты). Он же справедливо подчеркнул, что человек мира есть явление *русское*, ибо воплощает в себе новое видение наук о мире в его целостности. Критики (например, С. Васильев) отмечают, однако, в работах Гайдара отсутствие языка, адекватного современному развитию экономики и модернизационных процессов. Признаем со своей стороны, что работ Гайдара недостаточно для понимания важнейших реалий современности, особенно Китая. Эта страна характеризуется им скорее не в соответствии с марксистской концепцией азиатского способа производства, а (согласно востоковеду А. Петрову) по аналогии с гением места, то есть гением покровителя личности, духа, лежащего в основе психобиологических начал, или, точнее, биологической природы, влияющей на тип общественного развития. Этот тип, по А. Петрову, зиждется на принципе присвоения и соответствующей психологии, которая задается «природной машиной», определяющей и принцип присвоения, и соответствующую психологию. Идя за этой «машиной», мы склонны видеть космоисторический контекст, воплощающий, по Е. Рашковскому (работы начала 2000-х гг.), идею истории, осмысленной и модифицированной, внутренне переживаемой человеком как сквозной космосоциальный процесс. Такое видение позволяет переосмыслить роль современной России, и в частности ее отношения с Польшей, в контексте мироцелостности российско-го сознания.

Подчеркнем, что российское общественное научное сознание может заново переосмыслить работы И. Бродского 1950-х гг. о творчестве А. Платонова, а так-

же работы Б. Окуджавы 1960-х гг. о российско-польских отношениях, наконец, литературные труды А. Чехова в свете понимания их литературоведом А. Немзером, и даже российское музыкальное творчество. Язык прозы А. Платонова понимается как выражение языка своей эпохи, как тот, который детерминирует сознание и, напротив, детерминируется массовостью и абсолютно имперсональным характером происходящего процесса. По И. Бродскому, нация здесь, в советском социуме, становится жертвой своего языка, который оказался способным породить фиктивный мир, впавший от него – языка – в грамматическую зависимость. Язык советского социума, присущий А. Платонову, компрометирует время, пространство, саму жизнь и смерть и сам детерминируется массовостью и имперсональностью характера здесь происходившего. По И. Бродскому, Платонов есть представитель *традиционной* (курсив мой. – М. Ч.) неодоушевленной массы, а язык его (Платонова) творчества выражает философию абсурда, отчего эта философия становится куда более убедительной и совершенно нетерпимой по масштабу [Бродский 2009: 149–150]. На наш взгляд, такое прочтение Платонова И. Бродским дает наиболее полное представление о сущности советского социума и его сознания в своей *завершенной* (!) форме, скорее форме, так сказать, *неисторичной*, находящейся *вне пределов истории и ее конкретности*, отличной от традиционного российского социума XVIII–XX вв.

В интервью Б. Окуджавы, который посетил Польшу в 1960-е гг., четко видно познание обоих социумов (советского и польского) и их различий. Окуджава считал: Польша осознает свою свободу в отличие от нас (России), не знавших, что такое свобода, но знавших волю (воля – это делай, что хочешь); иначе говоря, у нас нет уважения к закону и понимания закона. В общем, по его словам, мы государство уважали, а личность – нет. К тому же он отмечает, что мы – Россия – должны задуматься и перестать кичиться своим первородством. По его словам, поляки видели перед собой Российскую империю, хотя и под красными знаменами, подавлявшую их независимость. Окуджава признавал, что у него есть комплекс вины перед поляками, но ему не хотелось бы путать советский режим с нашим обществом и народом. В то же время, по Б. Окуджаве, в отличие от Польши, мы сохраняли названные черты восприятия свободы и воли, индивида и государства в большевистском рабстве, в котором присутствовал комплекс неполноценности и неприхотливости русского народа, обусловленный неимением нормального опыта жизни. Важно, что для Окуджавы Польша всегда была страной великой, очень многое создавшей и внесшей в мировую культуру [Интервью... 2009].

Что же касается литературоведческого прочтения творчества А. Чехова А. Немзером, то его видение чеховского «Злоумышленника» вводит нас в сферу *аналогии*, где субъект выступает как носитель и воплощение господства и подчинения, а индивид становится олицетворением деперсонализированного субъекта. В свою очередь, сам субъект, воплощающий господство/подчинение, предстает как совокупность его персонализаций в виде чиновников, судей и даже мелких предпринимателей. Так или иначе, эта аналогия наводит на мысль, что крупная панорама российско-советской общности как формирующейся по оси «субъект – объект» может быть дана чисто художественными средствами.

Более того, природа советского социума обнажается и тогда, когда предметом исследовательского внимания становится *музыкальное творчество*. В этом отношении примером является творчество композитора и литератора В. П. Задерацкого (1891–1953), а также его биография, написанная его сыном В. В. Задерацким [2009] на основе российских изданий конца 90-х гг. Поразительно то, что творчество В. П. Задерацкого кумулирует опыт *зомбирования* огромных народных масс в первой половине 1930-х гг. на просторах не только «родины чудесной», но и Западной Европы, Азии и Африки. В этом зомбировании кроется некая мистическая тайна, которая понимается Задерацким-сыном как феномен зомбирования масс при создании в СССР 1920–1930-х гг. крепостнического социализма, выросшего на почве даже не страха, а ужаса, в чем выражалась его рабовладельческая сущность, олицетворяемая в наибольшей мере колымскими каторжными лагерями [Там же: 157]. Пожалуй, самое важное, что отражено в этой работе – тот парадокс истории искусства, в котором жизнь композитора предстает как акция самоспасения, как самореализация личности, обладающей тренированным *духом сопротивления во что бы то ни стало*. Пожалуй, в этом феномене есть отражение и российского прошлого XVIII–XIX вв., хотя оптимистическое зомбирование XX в. обладало *историческим своеобразием*. Это своеобразие заключалось (по мнению сына композитора) в том, что в минувшем столетии парадоксально «сочеталось возвращение к праистории человечества на векторе устремленности к *социальному обновлению*». Эта новация советского социума явилась практическим результатом реализации представлений коммунистических вождей того времени с их ориентацией на совершенствование общества через полосу Большого террора [Там же: 155].

Другая уникальная черта части советского социума, о которой говорит Задерацкий-сын, – наличие в его отце «разомкнутости» в (наш) мир на невидимом уровне познания, порожденного скрытой жадной общением с миром и слияния с ним. В описании творческой биографии композитора предстает свойство души человека, замкнутого в узком пространстве, человека, лишенного возможности познать этот огромный мир и насладиться этим познанием. В анализе творческого состояния великого композитора выражена форма *внутреннего протеста человека, отсеченного от мира*, где лишь у души и мысли не отнята способность проникнуть в тайные дали мира людей; протеста советского – точнее, «невыездного» – человека, сохраняющего, по существу, несмотря ни на что, душу и мысль. Эта мысль устремляется куда угодно, оставаясь, что особенно важно, и в самом человеке, и в его культуре.

В своем творчестве В. П. Задерацкий, композитор-эрудит, устремлен к мелодиям Востока, особенно Китая, музыкальное наследие которого богато пентатоникой, и Японии, музыке которой присущи традиции вариативности. В то же время в душе композитора-отца проявился несостоявшийся путешественник, что отразила и его «Арктическая симфония», в которой выражена особая энергетика времени, полная искренности энтузиазма тех лет советской эпохи, в которой энтузиазм стремился к светлому будущему. В такой обстановке *небывалого трудового подъема* подкрадывался *Большой террор*, до сих пор поражающий мир своей жестокостью, всеохватностью и суицидностью [Задерацкий 2009: 155]. Ныне

нашего современника, как отмечает Задерацкий-сын, захватывает не только устойчивая мистическая тайна сохраняющейся в народе памяти о национальном позоре и унижении, памяти, чреватой беспамятством, но и в то же время стремление вновь устойчиво восстанавливать в современном российском сознании постоянно забываемую и вновь возрождаемую память о 1937 г. Видимо, творчество В. П. Задерацкого (судя, в том числе, и по комментариям его сына) выглядит как феномен не только советского (и даже российского) сознания, но и мирознания в его различных пространственных и временных ситуациях.

Современное российское сознание пытается освоить и отечественную культуру конца XIX в., как это делает критик и литературовед А. Немзер. В его работе можно найти контуры нашей концепции, той оси «субъект – объект», на которой строился российский социум на протяжении трех столетий (XVIII–XX вв.). А. Немзеру российская ситуация конца XIX в. видится на чеховском материале как противопоставление совокупного российского *субъекта*, включающего судей, чиновников и губернатора, и *объекта* подчинения/угнетения – «злоумышленника». В такой образной ситуации воплощаются взаимные непонимания субъекта и объекта, так же как и непонимание со стороны такого *объекта* («злоумышленника») и противопологающегося ему самого субъекта. Жизненность извечной российской оси «субъект – объект» не только сохраняется вплоть до конца XX в., но и чревата новыми метаморфозами не только позитивного, но и негативного порядка. Исследовательские материалы, которыми мы располагаем, как и наша попытка конструировать феномен российско-советского социума, убеждают нас в том, что он в малой степени подпадает под нормы классической западной науки, особенно позитивистского плана. Видимо, поэтому при осмыслении российско-советской оси «субъект – объект» с трудом осваивается весь массив мировой цивилизации, которая, в свою очередь, совсем не легко постигает познание советского социума. Таковой вплоть до его нынешнего состояния воспринимался средствами вненаучного и лишь *образного сознания*, которое не только конституируется литературными работами А. Солженицына и В. Шаламова, но, пожалуй, более поддается прочтению и освоению музыкальным творчеством (может быть, средствами выразительности, присущими Д. Шостаковичу, С. Прокофьеву и др.).

Возможно, наши размышления о научном осознании российско-советского феномена в той или иной степени затруднены глухотой музыкального сознания. Однако отечественная историческая наука, погружающаяся ныне в осознание своего прошлого собственными научными средствами познания, обращается к уяснению *глобальных перспектив* становящегося совокупного знания в его неразрывном единстве философии, теологии и образного освоения мира, а также к осмыслению перспектив освоения этого мира и его компонент благодаря прогрессу космологии.

Перед Россией и рассматриваемым здесь российским мироведением историческая судьба вытаскивает из колоды три карты. Российскому историческому сознанию достанется то ли карта мирового универсума, то ли карта человеческого универсума, то ли карта Вселенной. В первом варианте Россия предстает в роли одного из мировых игроков; во втором ей предстоит быть одним из игроков человеческого универсума; в третьем – включиться в карту космологии и в игру, воз-

можно, различных и неведомых цивилизаций. Как видим, ставки российского познания разыгрываются в разных ситуациях и в разных пространствах. Признаем, что намеченная здесь конструкция логического мышления освоила далеко не всю сферу мироведения и даже логического знания, рассматриваемого нами в качестве важнейшей области становления науковедения, средоточием которого в перспективе видится ИМЭМО РАН и его Центр науковедения. Увы, в рамках этого Центра вряд ли можно будет найти достаточно кадров, способных воспринять космологию или музыкальное мышление...

Литература

Бродский И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова // Мир Паустовского. 2009. № 27. С. 149–150.

Задерацкий В. *Per aspera...* М., 2009.

Интервью с Булатом Окуджавой // Мир Паустовского. 2009. № 27. С. 70–73.

Новопрудский С. Не мытьем, так катаньем // Время новостей. 2010. 14 октября.

Помяновский Е. Прощай, великий Александр // Мир Паустовского. 2009. № 27.

Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М. : РОССПЭН, 2010.

Чешков М. А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности. М., 1999.

Чешков М. О способности научного знания понять структуру и трансформации XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 67–73.

Шейнис В. Летопись времени. Анатолий Черняев и его дневник // Pro et Contra. 2009. № 5–6 (47), сентябрь – декабрь. С. 137–153.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

СОЦИОПРИРОДНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Лось В. А. *

Анализируются особенности мировой современной экологической ситуации. Подчеркивается ее глобальный характер, системность процесса взаимоотношений человека, общества и биосферы. Преодоление остроты глобальных экологических противоречий связывается с выходом цивилизации на уровень мировой стратегии устойчивого развития, в качестве одной из основ которой рассматривается реализация представлений о формировании «зеленой» экономики.

Ключевые слова: эволюция глобальной экологической системы, системность взаимоотношений человека, общества и биосферы, глобальная стратегия устойчивого развития, «зеленая» экономика.

The article analyzes peculiar features of contemporary global ecological situation. The author emphasizes its global nature and systemic process of the interrelations between human, society, and biosphere. Overcoming of the acute global ecological contradictions is connected with civilization's achieving the level of world strategy of sustainable development among whose basic features is the realization of ideas about the development of "green" economy.

Keywords: evolution of global ecological system, systemic interrelations between humans, society, and biosphere, global strategy of sustainable development, "green" economy.

Современная глобальная социоприродная система прошла длительный исторический путь от неолитической революции к планетарной «степени неустойчивости» [GEO-5 2012]. Историческая реконструкция прошлых мировых социально-экологических ситуаций позволяет выделить два доминирующих процесса, деформирующих биосферу.

На первоначальных этапах возникновения и развития естественных экосистем действовали трансформирующие процессы природного происхождения (землетрясения, извержения вулканов, наводнения и др.). Более того, со времени генезиса биосферы природные системы периодически испытывали катастрофы космического характера, которые в течение геологического времени вносили существенные изменения в структуру и динамику естественных (первичных) экосистем. Речь идет о естественных климатических и геологических изменениях

* Лось Виктор Александрович – д. ф. н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: los@sumail.ru.

в ходе эволюции, приведших к трансформации отдельных видов флоры и фауны, появлению новых и исчезновению некоторых традиционных их представителей.

С появлением и становлением «первочеловека», по мере его социальной адаптации, к природным процессам деградации неуклонно добавляются антропогенные факторы, обусловленные деятельностью постепенно социально организующегося человека. Уже первобытный человек, вооруженный примитивными орудиями труда, способствовал исчезновению целого ряда крупных млекопитающих [Богданов 2011; Будыко 2012].

Конечно, наиболее значимые в экологическом отношении события, происходившие в доисторическую эпоху, явились результатом глобальных природных процессов, которые влияли на генезис и эволюцию первочеловека, возникновение первичных элементов его хозяйственной деятельности (присваивающее хозяйство). Более того, под воздействием универсализации и активизации человеческой деятельности, в частности использования более совершенных орудий охоты, исчезает ряд видов крупных млекопитающих (мамонты и др.). Современный палеографический анализ связывает первые экологические катастрофы как с природными катаклизмами (ледниковый период), так и с возможными результатами человеческой деятельности (исчезновение видов как антропогенный фактор). Под угрозой оказались сложившиеся биологические условия существования человека как вида.

Неолитическая революция (около 10 тыс. лет до н. э.), связанная с переходом «первочеловека» от присваивающего (охота, рыболовство, собирательство) к производящему (земледелие, скотоводство) хозяйству, позволила избежать реальной социально-экологической катастрофы. Более того, хозяйственная деятельность первичного социума вышла на такой уровень развития, который обусловил его (социума) исторический динамизм и пространственную экспансию.

Человек, получив возможность активного перемещения, оказался в долинах крупных рек (Нил, Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Янцзы и Хуанхэ). В регионах поливного земледелия возникли великие древние культуры, заложившие основы будущей мировой цивилизации, перспективного исторического динамизма.

На протяжении последующих тысячелетий степень антропогенного воздействия все возрастающего человечества на естественные экосистемы усиливалась, приводя к локальным социально-экологическим последствиям. Например, историческое исчезновение шумерской цивилизации связывается именно с экологическими факторами.

В рамках исторической экологии собрано немало фактов опасной деградации естественных экосистем как результата антропогенного воздействия. Их анализ позволяет сформулировать по крайней мере три вывода. Во-первых, историческая напряженность биосферы носила преимущественно локально-региональный характер. Во-вторых, возникающая природно-ресурсная конфликтность преодолевалась в результате имманентных для технократической цивилизации инноваций (например, переход от использования угля к нефти). И, наконец, в-третьих, в процессе исторической динамики, тем не менее, происходит неуклонное обострение противоречий в системе «человек – социум – биосфера».

Более того, на рубеже XIX–XX вв. деградационные изменения глобальной социоприродной системы приобретают планетарный характер. В первой поло-

вине XX в. было сформулировано представление о превращении человечества в силу планетарного масштаба (В. И. Вернадский). И лишь в его второй половине это представление стало одним из базовых тезисов, определяющих стереотипы развития современной цивилизации. В полной мере острота мировой биосферной напряженности была воспринята к началу 70-х гг. XX в.

Конференция ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972) не только сформулировала сущность мировой экологической ситуации, специфику ее проявлений в различных условиях (экономических, политических, социальных, природных и др.), но и приняла стратегию «экологического развития». В ее рамках предполагалось осуществить программу баланса экономических и экологических стереотипов в развитии современной цивилизации [Глобалистика... 2003: 465].

Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) показала, что, во-первых, в течение «экологического двадцатилетия» (1972–1992 гг.) мировая социально-экологическая ситуация, несмотря на существенные капиталовложения в природоохранную сферу, отнюдь не улучшилась; во-вторых, экстраполяция западной модели развития на глобальную социоприродную систему не является адекватной для конструктивного развития цивилизации в целом; в-третьих, необходима инновация мировой социально-экологической стратегии. Таковой стала стратегия устойчивого развития как баланс экономических, экологических и социокультурных стереотипов.

Конференция ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро подтвердила необходимость реализации концепции устойчивого развития как глобальной стратегии цивилизации XXI в., механизма выхода мирового социума на уровень управляемой глобализации. Тем самым стратегия устойчивого развития (и ее социоприродная подсистема) были увязаны с процессами глобализации.

В течение «экологического сорокалетия» (1972–2012 гг.) глобальная социоприродная система получила комплексный анализ; выявлены ее концептуальные «болевые точки». Отметим основные из них, имеющие доминирующую глобальную составляющую.

Системность глобальной экологической проблемы. Социально-экологические процессы в той или иной мере затрагивают практически все стороны и сферы человеческого существования (а также деятельности).

Адекватность разрешения противоречий в рамках отношения «человек – социум – биосфера» является базисной для современной системы глобальных проблем, начиная с экологической безопасности, связанной с последствиями возможного применения оружия массового уничтожения («ядерная зима»), продовольственным, энергетическим и ресурсным дефицитом, обусловленным деградацией естественных экосистем, и заканчивая положением человека, исторические (и биологические) перспективы которого связаны с разрешением глобальной экологической проблемы.

Острота социально-экологических противоречий. Поддерживающая емкость (carrying capacity) биосферы нарушается в процессе потребительской экспансии современной цивилизации.

Противоречия между относительной неограниченностью материально-энергетических потребностей социума и сравнительной ограниченностью потенциала биосферы неуклонно обостряются. Рост исторической нагрузки на планетарную экосистему выходит на такой уровень, в рамках которого нарушаются естествен-

ные механизмы самоорганизации биосферы, обуславливающие ее способность адаптации к внешним воздействиям.

Конфликтность природно-ресурсного дефицита. Под угрозой оказывается продовольственная безопасность (food security) мирового социума.

Масштабы демографического роста и объемы производственно-хозяйственной деятельности приводят к существенной технико-антропогенной деградации исторически сложившихся естественных экосистем. Нарушение емкости биосферы обуславливает тенденцию к сокращению производительности аграрного сектора (сельскохозяйственного производства), деградации водных ресурсов (дефицит пресной воды), загрязнению атмосферы (парниковый эффект). Историческая ограниченность мирового природно-ресурсного потенциала повышает «степень конфликтности» между странами (и регионами) за доступность естественных природных ресурсов (например, воды).

Выбор стратегии развития цивилизации. Острота мировой социально-экологической ситуации актуализировала проблему исторического выживания социума, выявления адекватного тренда динамики цивилизации [Моисеев 2000; Яковец 2013; Куда движется... 2014; Урсул 2014 и др.].

С одной стороны, западная (вестернизационная) модель развития, несмотря на адаптацию к экологическим вызовам и сравнительную эффективность, не рассматривается как исторически перспективная стратегия цивилизации. В значительной мере это обусловлено высокими потребительскими (экофобными) стереотипами западной модели, воспроизведение которых в планетарном масштабе ведет к нарушению равновесия естественных экосистем.

С другой стороны, восточная (ориенталистская) модель развития, учитывая ее теоретическую экофильность, не ориентирована на экономический динамизм. При этом большинство современных развивающихся стран отнюдь не избежали биосферной напряженности.

Мировая стратегия устойчивого развития как раз и является попыткой выхода на уровень искомой стратегии цивилизации. В ее рамках предполагается определенный баланс вестернизационных (экофобных) и ориенталистских (экофильных) стереотипов как путь оптимизации социально-экологической стратегии цивилизации XXI в.

Более того, учитывая, что стратегия устойчивого развития предполагает реализацию установки на более активную функцию человека в динамике глобальной социоприродной системы, именно нулевые годы XXI в. можно связать с началом реальной (действительной) антропогенной эпохи. В ее рамках человек (социум), действуя в биосфере для реализации своих материально-энергетических потребностей, исходит из взаимосвязи (и взаимозависимости) экономических, экологических и социокультурных стереотипов.

Экологические последствия демографического роста. Неуправляемый рост мирового народонаселения рассматривается как один из определяющих факторов деградации биосферы. При этом численность мирового населения является своеобразным «интегратором» деформации естественных экосистем в процессе удовлетворения потребностей социума.

Очевидно, что именно развивающиеся страны в целом, в особенности Китай и Индия, определяют современную (и прогностическую) мировую демографическую динамику. Более того, около 60 % мирового населения в ближайшие десяти-

тилетия будет проживать в странах Азии; большая их часть – преимущественно в крупных городах. Современные социально-экологические проблемы урбанизации в меньшей степени затрагивают западную цивилизацию, а в большей – население развивающихся стран, страдающих от дефицита качественной пресной воды, загрязненности атмосферы и т. п. При этом если города Европы (Цюрих, Копенгаген и Стокгольм) признаются одними из самых чистых мировых центров урбанизации, то столицы азиатских стран причисляются к самым загрязненным.

Аналогична взаимосвязь элементов системы «демография – продовольствие – биосфера». Масштабность мировых демографических процессов, сохраняющих свой относительный динамизм в условиях большинства развивающихся стран, обуславливает остроту деструктивных изменений естественных экосистем, что ведет к снижению их продуктивности. И это крайне негативно сказывается на эффективности аграрного сектора как национального, так и регионально-глобального масштаба. При этом стремление к повышению производительности сельскохозяйственного производства (химизация и др.) оборачивается усилением технико-антропогенного воздействия на биосферу. Возникает замкнутый круг: технико-антропогенная деградация естественных экосистем понижает их производительность, что вынуждает агросистему усиливать давление на биосферу; это, в свою очередь, оборачивается дальнейшей биосферной деградацией.

Ухудшение качества естественной среды обитания человека в целом характерно как для развитых, так и для развивающихся стран. При этом, однако, население Юга в большей степени зависит от природной среды, чем население Севера. Южные экосистемы более хрупкие (менее устойчивые), чем европейские. Более того, экосистемы большинства развитых стран находятся под защитой их высоких технологий, минимизирующих воздействие на элементы биосферы.

Один из важнейших показателей эффективности развития социума – его «человеческое измерение». Выявлена такая закономерность: чем выше качественные характеристики национальных (и региональных) естественных экосистем, обусловленных уровнем развития, тем выше средняя продолжительность жизни. К началу XXI в. соответствующие показатели для развитых стран составляли величину порядка 80 лет, для развивающихся стран – около 65, для наименее развитых стран – 55; для России – немного более 69 лет.

Энергетика: планетарные экологические последствия. Мировой энергетический сектор как один из основных загрязнителей природной среды. Энергетика, как никакой другой сектор мировой экономики, с одной стороны, зависит от наличия и использования естественного природно-ресурсного потенциала, а с другой – оказывает существенное деградиционное воздействие на биосферу. Более того, в процессе научно-технического развития и использования все более «научоемких» форм энергетики (от угля к атому) обостряются противоречия между масштабами производства (и потребления) и «качественными» характеристиками биосферы, приобретающими выраженный глобальный характер («парниковый эффект», кислородный дефицит, кислотные дожди и др.).

По существу, все известные актуальные (и потенциальные) формы энергетического обеспечения цивилизации имманентно экофобны, имея отчетливо выраженные социально-экологические последствия. Адекватное энергетическое обеспечение социума предполагает введение определенных экологических ограничений, включенных как важнейший элемент в мировую энергетическую стратегию.

Выделим ее основные направления: а) энергосбережение и рациональное использование мировых запасов органического (невозобновляемого) топлива; б) все более масштабное использование возобновляемых источников энергии (гидроэнергетика, биоэнергетика, гелиоэнергетика и др.); в) развитие инновационной энергетики (атомная энергетика, гелиоэнергетика и т. п.).

Отметим по крайней мере две тенденции, характерные для мировой энергетической стратегии. Во-первых, системный подход, в рамках которого в той или иной форме (и степени) используется весь набор энергоресурсов при очевидном, однако, приоритете возобновляемой и инновационной энергетики. Во-вторых, активный учет экологических стереотипов в процессе принятия решений в сфере энергетической динамики цивилизации.

Глобальное изменение климата. «Парниковый эффект» – одно из важнейших последствий планетарности технико-антропогенной деятельности. Реально обсуждаются два возможных варианта (при доминанте первого из них) мировых климатических изменений.

Глобальное потепление

Межправительственная комиссия по изменению климата ООН (Intergovernmental Panel on Climate Change) пришла к выводу, что в XXI в. темпы потепления климата ускорятся. К его концу увеличение эмиссии парниковых газов может привести к увеличению поверхностной температуры, по различным расчетам, от 2 до 6 °С.

В результате уровень Мирового океана повысится. В северных регионах планеты увеличится количество теплых дней, в южных – усилятся периоды засухи, что чревато значительным снижением урожайности традиционных видов основных зерновых культур. В Арктике предполагаются значительное уменьшение площади покровного оледенения, сокращение поверхности морских льдов, усиление эрозии берегов и др. В результате открываются возможности для расширения деятельности в Арктическом регионе (разработка месторождений нефти, газа и др.), которая еще больше ухудшит локальную экологическую ситуацию.

Для Европы прогнозируется не только повышение температурных режимов, но и подтопление городов и т. п. Глобальное потепление ставит под угрозу равновесие горных экосистем, например Альпийского региона.

Усиливаются процессы опустынивания Сахары, засуха распространяется на районы мегадельты Азии, Австралии и др. Повышение «степени засушливости» значительной части регионов осложнит проблему продовольственного обеспечения мирового населения (снижение эффективности аграрного сектора).

В целом тенденция глобального потепления оценивается как один из определяющих стратегических факторов мировой динамики. Усилия мирового сообщества направлены на стабилизацию планетарных температурных режимов.

В конце XX – начале XXI в. под эгидой ООН была принята совокупность решений (Монреаль, 1987; Киото, 1997; Рио-де-Жанейро, 2002, 2012 и др.), регулирующих выбросы парниковых газов. Особенно активно меры по сокращению выбросов загрязнителей в атмосферу принимаются в рамках ЕС. Они ориентированы на рационализацию энергопотребления, сокращение энергоемкости производства, повышение эффективности сгорания автомобильного топлива и др. Более

того, ЕС предполагает усилить процессы ограничений выбросов парниковых газов, чтобы значительно сократить их эмиссию к середине XXI в.

Все более активно к этим процессам подключаются США, которые наряду с Китаем и Индией вносят на национальном уровне основной вклад в «парниковое загрязнение». Администрация США (Барак Обама) пересматривает существующие, одобренные предыдущей администрацией стандарты по допустимым нормам загрязнения атмосферы. Предполагается, что американское автомобилестроение за счет технико-технологических инноваций в ближайшее время существенно снизит выбросы в атмосферу. До 30 % планируется сократить выбросы парниковых газов национальных электростанций.

Оценки влияния возможного глобального потепления в условиях России не носят однозначного характера. Тем менее развиваются сформулированные еще в 80-х гг. XX в. академиком Е. К. Федоровым и развиваемые академиком Ю. А. Израэлем предложения о возможности распыления в стратосфере аэрозолей в виде сернистых соединений для отражения солнечного излучения [Глобалистика... 2012: 85–86, 197].

Этот способ, как утверждается, может обеспечить снижение температуры на земной поверхности примерно на один градус. При этом подчеркивается, что предлагаемое решение является лишь дополнительным методом по отношению к реализуемым ныне проектам; отмечается его сравнительная дешевизна. Вместе с тем признается необходимость его дальнейшей детальной проработки и принятия соответствующих решений на международном уровне.

Глобальное похолодание

Несмотря на то, что на международном уровне глобальное потепление рассматривается как определяющая доктрина климатических изменений, отдельные ученые и специалисты, тем не менее, высказывают альтернативные соображения. Их позицию сведем к следующим положениям.

Во-первых, изменение климата рассматривается как вечный циклический круговорот, естественная смена холодных и теплых периодов в развитии планеты. Иначе говоря, технико-антропогенная деятельность не оценивается как определяющий фактор динамики глобального климата.

Во-вторых, климатические изменения связываются не с парниковым эффектом, а с постепенным охлаждением Солнца. И в этом смысле именно глобальное похолодание рассматривается как реальный (и объективный) исторический феномен.

В-третьих, материковые ледники Гренландии и Антарктики имеют такую массу, что для их таяния необходима более высокая температура (чем возможна, если исходить из реальности парникового эффекта) на протяжении длительного временного диапазона. Следовательно, теоретическая возможность таяния ледников оценивается как реальный процесс, но сдвигаемый в более отдаленную историческую перспективу.

В-четвертых, глобальное потепление трактуется как миф (подобный «озоновой дыре»), поддерживаемый транснациональными корпорациями для решения собственных проблем (экономических, политических, структурных и др.). При этом, однако, признается, что, пытаясь ответить на вызовы эпохи, техногенная модель цивилизации получает импульс к существенной модернизации.

От классической экономики к «зеленой» экономике. Экономика (в теоретическом и практическом выражении) приобретает отчетливое экологическое измерение.

Классическая модель экономики (А. Смит) исходит из системы аксиом, а именно: 1) индивидум стремится к улучшению своего положения, опираясь на имманентную склонность к материальному обмену; 2) «невидимая рука» рынка (вопреки эгоизму индивидума) способствует более равномерному распределению богатства на основе «нравственных чувств»; 3) природа предстает лишь как ресурс, обеспечивающий прибыль товарного производства.

Неоклассическая экономическая модель, с достаточной степенью эффективности обеспечивавшая функционирование рыночных отношений до середины XX в., исходила примерно из тех же представлений. При этом, однако, механизм рынка в той или иной мере корректировался государственными механизмами управления. Вместе с тем экологическая составляющая рыночных отношений, в сущности, не принималась во внимание. Более того, с экономической точки зрения потенциальная исчерпаемость природных ресурсов трактуется как историческое противоречие, преодолеваемое в процессе научно-технического развития. При этом деградация социоприродных систем еще не воспринимается в качестве реальности.

На рубеже 60–70-х гг. XX в. ситуация меняется: во-первых, острота национальной (и мировой) биосферной напряженности признается реальностью, и, во-вторых, разрабатываются механизмы (экономические, социальные, политические и др.), обеспечивающие баланс элементов системы «человек – социум – биосфера».

Экологическая экономика (*ecological economics*) ориентируется на формирование таких рыночных отношений, в рамках которых эффективность экономической модели сочетается с трендом на сохранение естественной среды обитания человека [Князев 2014; Усов 2014 и др.]. Очевидно, что экологическое измерение рыночных отношений предполагает радикальную трансформацию исторически сложившихся принципов технологии производственно-хозяйственной деятельности.

Традиционная производственная технология, помимо основного продукта, который предполагает использование с той или иной степенью эффективности ресурсов биосферы, «производит» отходы, то есть обладает определенной «степенью разомкнутости». Иначе говоря, исторически сложившаяся деятельность технико-антропогенного характера антагонистична естественным природным процессам, которые имманентно цикличны (замкнуты). В результате деятельность ведет, с одной стороны, к историческому исчерпанию природно-ресурсного потенциала, а с другой – к деградационным изменениям глобальной экосистемы.

Преодоление этой ситуации связывается с реализацией мировой стратегии устойчивого развития. Ее основой выступает «зеленая» экономика [Навстречу... 2011 и др.].

«Зеленая» экономика предполагает реализацию взаимосвязи экономических и экологических стереотипов развития социоприродной системы. Выделяются два ее (экономики) уровня, а именно: теоретический и практический.

На теоретическом уровне выявляются механизмы антропоцентрического подхода к анализу отношения «экономика – экология», в рамках которого природоохранные стереотипы воспринимаются лишь в контексте реализации потребно-

стей человека и его целевых установок, и его альтернативы – биосфероцентрического подхода, когда в качестве приоритетных рассматриваются экологические ценности. Очевидно, что лишь взаимосвязь (и взаимодействие) антропоцентрического и биосфероцентрического подходов, то есть системная междисциплинарность, позволяет приблизиться к реализации стратегии взаимосвязи экономических и экологических представлений.

Практический уровень преодоления социально-экологических противоречий связан с «вписыванием» природоохранных стереотипов в рыночную модель. «Экологизация» рыночных отношений произошла в процессе введения ряда принципов (принцип «загрязнитель платит», принцип «предотвращения загрязнений» и др.), которые придали экологической деятельности экономическое измерение. И это стало основой «экологизации» производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности как на национальном, так и на региональном (глобальном) уровне. «Зеленая экономика» – реализация экологических принципов развития практически во всех сферах функционирования современной цивилизации.

Тем самым, с одной стороны, формируются материальные условия для реального преодоления остроты глобальных социально-экологических противоречий мировой динамики, а с другой – в рамках современной цивилизации включаются механизмы ее конструктивного вхождения в «устойчивое будущее», в процессе которого устанавливается баланс между элементами исторической системы «человек – социум – биосфера».

Литература

- Богданов И. Палеология: уч. пособ. М. : Флинта, 2011.
- Будыко М. И. Глобальная экология. М., 2012.
- Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Альфа-М, 2012.
- Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : Радуга, 2003.
- Князев Ю. К. Современная экономика – синтез рынка и социального регулирования. М., 2014.
- Куда движется век глобализации? Сб. статей / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014.
- Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000.
- Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. Б. м. : ЮНЕП, 2011.
- Навстречу «зеленой» экономике России. М., 2012.
- Урсул А. Д. Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. 2014. № 1. С. 16–27.
- Усов В. Г. Баланс интересов государства, бизнеса и гражданского общества как важнейшая основа устойчивого развития региона // VIII Международный экологический форум «Природа без границ». Владивосток, 2014.
- Яковец Ю. В. Стратегия глобального устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций: учебник. Электронное издание. М., 2013.
- GEO-5. Nairobi, 2012.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ СЕТИ МИРОВЫХ ГОРОДОВ

Махновский Д. М.*

Статья посвящена исследованию современного состояния сети мировых городов. Мировые города – места «избыточной» концентрации основных ресурсов мирового развития, «колыбель» большинства социально-экономических и политических инноваций. Крупные города все больше приобретают коммуникативные, сетеобразующие функции. Растет их роль как узловых элементов опорного каркаса расселения. Наиболее популярная типология мировых городов исходит из степени их «подключенности» к сети мирового города за счет деятельности сервисных фирм. Выделяются три основных и один дополнительный типологические уровни. Проведенный автором корреляционный анализ в целом выявил сильную степень взаимосвязи глобальной сетевой связанности («подключенности») ведущих мировых городов с их базовыми обобщающими характеристиками развития.

Ключевые слова: глобализация, мировые города, глобальные города, сеть мирового города, система расселения, сфера услуг, типология.

This article explores the current state of the network of global cities. Global city – designated “excessive” concentrations of the primary resources of the world development, the “cradle” of most socio-economic and political innovations. Major cities are becoming more communicative, involved in network formation functions. Their role as key elements of the basic carcass of settlement is increasing. The most popular typology of the world's cities comes from the degree of their involvement in the network of world cities due to the activities of service firms. We highlight three main and one additional typological level. The correlation analysis conducted by the author revealed a strong correlation between global network connectivity (“connectedness”) of the world's leading cities and their basic general characteristics of development.

Keywords: globalization, world cities, global cities, world city network, settlement system, services, typology.

Города в истории развития человечества всегда рассматривались как центры сосредоточения власти, богатства, политико-административного управления. Для них характерна высокая степень концентрации (присутствия) всех основных факторов развития самых передовых для своего времени отраслей экономики. С особой силой процессы концентрации населения и хозяйственной деятельности стали проявляться в эпоху капитализма. Результатом явился не только рост городов, удельного веса городского населения в населении индустриализующихся стран, но глубокие качественные трансформации системообразующих структур. Коренные изменения происходили в экономической, социально-классовой, демографи-

* Махновский Дмитрий Евгеньевич – к. э. н., доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ). E-mail: dmahnovskiy-62@mail.ru.

ческой, территориальной структуре городов и во многих других сферах. Наблюдались динамичные процессы дифференциации городских поселений по уровню и характеру специализации хозяйства, людности, экономическому потенциалу.

Эти процессы в условиях индустриальной стадии развития капитализма быстро преодолевают местные рамки региональных систем расселения, распространяясь на национальном уровне. Длительное время в условиях промышленной фазы развития капитализма именно национально-государственные рамки довольно жестко определяли основные пропорции развития систем расселения. Этот период для большинства развитых стран продолжался примерно столетие – с 70-х гг. XIX в. до 70-х гг. XX в. Самые крупные, экономически развитые и политически значимые центры выполняли помимо преобладающих внутренних еще и важнейшие международные функции. К числу подобных центров можно отнести столицы наиболее влиятельных мировых держав, крупнейшие торгово-промышленные города, исторически выполнявшие международные посреднические функции (в том числе по связям с колониями). Их количество, несмотря на бурное индивидуальное развитие, оставалось небольшим. Основная масса городов по-прежнему ориентировалась на обслуживание местного национального (регионального) рынка.

По-видимому, только к 1980-м гг. – началу перехода к постиндустриальной фазе развития в наиболее развитых странах вызревают условия для решительного преодоления национально-государственных барьеров в развитии всесторонних (не только экономических) связей. Вместе с тем города разных государств даже из числа тех, которые находились на приблизительно одинаковом уровне социально-экономического развития и имели сходное экономико-географическое положение, демонстрировали свой индивидуальный темп перехода к культивированию преимущественно «дальних», международных связей.

Причин этому множество. Среди наиболее значимых (для группы наиболее развитых стран мира), на наш взгляд, следует упомянуть завершение этапа капиталистической индустриализации и связанное с этим определенное насыщение и перенасыщение внутренних рынков городов производимыми товарами и услугами массового спроса. Значительно сузилась местная ресурсная база развития. Ускоренный ход научно-технического прогресса позволил резко снизить транспортную (коммуникационную) составляющую себестоимости продукции. Значительно возросли мощь и влияние международной финансовой олигархии, ТНК. Быстрое развитие мирового процесса урбанизации способствовало расширению международных рынков, интернационализации хозяйства. Стабильная в целом военно-политическая обстановка также способствовала развитию долгосрочных международных партнерских отношений. Получили дальнейшее развитие интеграционные процессы на межгосударственном уровне. Завершение основного этапа деколонизации открыло ведущим городам новое пространство для конкурентной борьбы. Последовавшие несколько позднее – на рубеже 1980–1990-х годов – новые революционные прорывы в области коммуникационных технологий, распад мировой системы социализма только укрепили наметившиеся ранее тенденции. Мир вступил в эпоху глобализации, а города оказались наиболее активными участниками этого процесса.

Развитие городов и их систем всегда находилось в фокусе внимания исследователей. Современные и довольно заметные изменения в условиях, функциях,

перспективах развития городов требуют переосмысления классических моделей их развития и разработки новых – более тонко улавливающих происходящие изменения. Изменениям подвержены не только отдельные характеристики и функции городов и систем расселения. Меняются их роли в современном мире. Процесс урбанизации, несмотря на видимое замедление темпов своего развития, продолжается, непрерывно обогащаясь все новыми формами и явлениями, требующими к себе повышенного внимания. Одна из важнейших сфер исследований – территориальное развитие городов, систем расселения и процессов урбанизации.

Пожалуй, наибольший научный интерес в этом плане вызывает группа самых крупных и влиятельных в мировом сообществе городов. Эти центры не только традиционно олицетворяют собой те или иные страны, являются (как правило) их столицами, но и представляют собой места, где в концентрированном виде содержатся основные противоречия, новые явления современности, формируются тенденции национального и мирового развития. В эпоху глобализации именно последнее обстоятельство привлекает особое внимание. Все чаще в исследовании фигурирует особая категория – мировых, или глобальных, городов.

Традиционно тематика крупных городов, городских систем и их роли в современном обществе, а также перспектив развития широко представлена у западноевропейских авторов и в США. В последние два десятилетия эта тема привлекает все большее внимание исследователей Японии, КНР, стран Юго-Восточной Азии, а также России. Относительная новизна подходов к исследованию крупных городов мира в условиях глобализации зачастую обуславливает отсутствие соответствующего общепринятого понятийно-терминологического аппарата.

Как отмечает известный российский специалист Н. А. Слука, с течением времени понимание и трактовка феномена мировых городов претерпевают кардинальные изменения. Современная теория исходит прежде всего из особого участия ряда центров в архитектуре глобальной общественно-политической обстановки и мирового хозяйства. Прямым следствием многообразия оценок и подходов к выделению и изучению глобальных центров является широкий спектр как трактовок явления, так и используемых терминов. В специальной литературе высока встречаемость таких наименований, как «мировой центр», «информационный город», «космополис», «метрополис», «глобальный городской регион» и т. д. [Слука 2006]. Суть феномена глобальных городов, или концепции «глобального города» (в трактовке С. Сассен [Sassen 1991]), заключается в том, что система городского расселения рассматривается не в «узких» национальных рамках, а в широком контексте мирового развития. Эти центры представляются как важнейшие узловые точки мирового сообщества, где формируются основные мирохозяйственные связи и отношения. Глобальные города – «колыбель» большинства социально-экономических и политических инноваций, место концентрации значительной части всех главных «действующих лиц» – акторов в системе международного разделения труда.

Быстрый ход трансформации мировой хозяйственной системы в условиях глобализации влечет за собой изменение ее пространственной организации. Соответственно происходят существенные сдвиги в функционировании и территориальной структуре систем расселения. Без наличия системы мировых городов был бы невозможен современный темп изменения глобального социума. Города все больше приобретают коммуникативные, связеобразующие функции. Одним из

главных векторов развития систем расселения становится заметное усиление опорно-каркасных функций крупных городов. Причем эта тенденция все более приобретает международный характер.

Процессы глобализации, безусловно, оказывают очень значительное, часто определяющее влияние на современное состояние, облик крупных городов и городских агломераций. Некоторыми авторами такие центры рассматриваются как «ворота в глобальный мир», которые не только успешно выполняют основные внешние функции «родного» государства, но и берут на себя соответствующие функции многих соседних стран. Интернационализация хозяйственной деятельности делает возможным процветание крупных городов, не имеющих за собой поддержки обширных подконтрольных «питающих» регионов. В качестве примеров можно привести Сингапур, Сянган (до 1997 г. – Гонконг), Роттердам, Антверпен и другие. В числе факторов их успешного развития не только удачное экономико-, транспортно-географическое и геополитическое положение, но и (в значительно большей мере на современном этапе развития) способность выполнять глобальные коммуникативные функции. Конечно, основная масса глобальных городов все же имеет вполне определенную национально-государственную «прописку». Однако в современных условиях они все больше начинают отличаться от «обычных» крупных центров, ориентирующихся в своем развитии главным образом на внутренний рынок.

Глобальные города приобретают (или закрепляют за собой) своеобразный космополитический характер и облик. Внешне он проявляется в пестроте этнического, конфессионального состава населения, культур, в быстрой реакции на смену международной моды во всех основных сферах деятельности. Внутренне – в ускоренном темпе генерирования и внедрения достижений научно-технического прогресса, инновационной активности, способности быстро перестраивать структуру экономики, сохраняя (обычно – укрепляя) свое преимущество в качестве жизни населения. Интенсивное генерирование глобальных инициатив и участие в них неизбежно проявляется в динамичном изменении приоритетов развития самих мировых городов, вызывает необходимость «подстройки», а иногда и «перестройки» их внутренних структур в соответствии с новыми тенденциями развития мирохозяйственной системы. Сдвиги внутренних структур имеют в этом случае пионерный, сложный, противоречивый, не всегда прогнозируемый характер. Глобальные города выступают в роли «полигона», где проходят «обкатку» новые техника и технологии, формы организации и управления экономикой и обществом в целом. Много нового появляется также в сфере территориального развития городов и городских агломераций, процесса урбанизации в целом.

Исследование системы глобальных городов, их отношений имеет большую познавательную и социальную значимость для развития мирового сообщества, но вместе с тем остается пока темой, малоизученной по многим своим аспектам. Представляются важными дальнейшие исследования факторов, форм и механизмов взаимодействия крупнейших городов мира, а также возможностей их прогнозирования; процессов организации (дифференциации) системы/систем городских поселений в условиях глобализации; проблем взаимодействия крупных городских систем с окружающими территориями и многие другие направления. Опыт социально-экономического развития, управления глобальными городами свидетельствует, что далеко не всегда он может быть напрямую использован в других

городах и регионах. Степень «склонности» географической среды к формированию международных связей от региона к региону может очень сильно различаться. Сама система международных отношений, даже с учетом мощного потенциала их развития в условиях глобализации, имеет вполне осязаемые пределы, а значит, и ограничения в количестве необходимых глобальных городов. В связи с этим, несмотря на преобладание (как считают многие зарубежные исследователи) между последними отношений кооперации, будет сохраняться и конкуренция.

Исследование упомянутых выше проблем требует комплексного междисциплинарного подхода с привлечением специалистов в сферах мировой экономики и международных отношений, социально-экономической географии, геоурбанистики, статистики, социологии и многих других. Наибольших успехов в данном направлении достигли центры и исследовательские группы Западной Европы и США. В частности, широкую международную известность имеет «Исследовательская группа глобализации и мировых городов» (GaWC) британского университета Лафборо (Loughborough) под руководством П. Тейлора, которая осуществляет координацию работ по ряду ключевых проектов в исследованиях глобальных городов, привлекала и привлекает к работе над ними ведущих зарубежных экспертов, в частности С. Сассен, М. Кастельса, П. Холла, Дж. Фридмана, Б. Дерудера, Дж. Биверстока и других.

Влияние глобальных городов является основополагающим при формировании единой мировой системы городов или системы мирового города [Sassen 1991]. Функционирование системы общепланетарного масштаба обуславливает объективную необходимость формирования особых фокусных узлов – крупных городов высокого уровня иерархии, которые выступали бы в качестве ведущих центров осуществления властных полномочий, выполнения других важнейших функций, то есть стратегического руководства. При этом сама система приобретает вид глобальной сети, в которой узлы связаны между собой многообразными экономическими и неэкономическими отношениями. Такие города-узлы получили наименование мировых, или глобальных, городов. Они, по мнению многих авторов, становятся в современном мире главным элементом и типовой категорией в «новом мировом урбанистическом порядке».

Руководящие центры мировой системы городов на основе тесного взаимодействия образуют сетевые объединения, по многим признакам напоминающие системы олигополистического типа. Входящие в нее города способны образовывать своеобразные ассоциации, имеющие самое серьезное влияние на мировое развитие. С олигополиями сеть мировых городов позволяют сравнивать также контроль над многими глобальными процессами со стороны значительного, но все же ограниченного круга «игроков», высокая степень взаимосвязанности и взаимозависимости в своей среде. К положительным моментам подобного рода организации следует отнести высокую «отзывчивость» к достижениям НТП с последующим скорейшим их распространением в мировом масштабе. Как позитивный аспект следует также рассматривать ограничение конкуренции в своей среде в пользу развития взаимовыгодных кооперационных отношений. Возможности всякого рода «сговоров» на сегодняшний день могут быть блокированы на национально-государственном уровне.

В рамках рассматриваемых сетевых структур наблюдается растущее сходство между городами, даже среди тех, что изначально сильно отличались друг от друга

по многим признакам. Это сходство городов, объединенных замкнутыми сетевыми структурами, обеспечивает повышенную скорость распространения всевозможных процессов, постепенную унификацию важнейших градообразующих и градообслуживающих подсистем. Свойства сходства, подобия на сегодняшний день обеспечивают одинаково быстрое распространение как позитивных, так и негативных импульсов. Пример последних – высокая скорость и глобальный охват мировой экономики кризисными явлениями в 1997–1998 и 2008–2009 гг. У городов, входящих в разряд мировых, наблюдаются и другие негативные процессы. К их числу можно отнести частичную утрату традиционных связей с ближайшим региональным окружением, резкое возрастание «внешних рисков», чрезмерно быстрое изменение хозяйственной, этноконфессиональной, демографической, социокультурной среды, социальную поляризацию, территориальную сегментацию и т. д.

Как в современных условиях формируется сеть мировых городов? Каковы критерии их идентификации? Какие отношения и связи рассматриваются в качестве системообразующих? Ответам на эти и другие близкие по смыслу вопросы посвящены за рубежом многочисленные исследования по тематике глобальных городов. Несколько менее распространены работы историко-экономического и историко-географического направления. Возможно, это следствие подхода к изучению «мирового города» как к явлению современной эпохи. Между тем подавляющее большинство нынешних глобальных городов имеет многовековую историю, а некоторые существуют тысячелетиями. По ходу своего исторического развития они неоднократно проходили этапы упадка и возвышения. Последние давали городам возможность входить в мировую «городскую элиту» своего времени и с помощью доступных тогда средств контролировать крупные региональные зоны влияния, которые в чем-то напоминают современные пространства влияния глобальных городов.

Длительное время развивать дальние международные связи имели возможность главным образом крупные портовые и столичные центры. На разных этапах античной эпохи к городам подобного «калибра» помимо Рима можно отнести Мемфис, Вавилон, Карфаген, Афины, Александрию, Константинополь, на Дальнем Востоке – Нанкин, Гуанчжоу и некоторые другие. В эпоху развитого Средневековья важные международные связи контролировали Константинополь, Париж, крупнейшие города Италии и Арабского мира, успешно развивались китайские города. В эпоху Великих географических открытий центр международных связей перемещается к Атлантике. Относительно недолгое процветание крупных городов пиренейских государств (Мадрид, Лиссабон, Севилья) и Ганзейского союза сменяется устойчивым доминированием стран и городов бассейна Северного моря (Антверпен, Амстердам, Лондон). Лондон на протяжении трех столетий показывает пример исключительной устойчивости своего положения в элите наиболее крупных и влиятельных глобальных городов.

С развитием индустриального капитализма Европейский регион концентрации глобальных центров во второй половине XIX в. дополняется Североамериканским, а в 60-е гг. XX в. все более отчетливо обозначается (начиная с Японии) обширный Восточно-Азиатский регион. В списке ведущих глобальных городов постоянную «прописку» получают Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес, Токио, Гонконг.

Примерно к 1990-м гг. сформировалось общее представление о том, что совокупность крупнейших городов мира функционирует и развивается не в виде относительно обособленных субъектов, имеющих в качестве основы своего существования региональную среду, а формирует особые урбанистические системы или сети городов на глобальном уровне. Общая модель подобного рода систем описывается, в частности, у П. Тейлора [Taylor 2001]. Она состоит из трех основных структурных уровней: мировой экономики как «надузлового уровня» сети, собственно «узлов» – крупнейших городов, а также передовых фирм сферы обслуживания, образующих важный «субузловой уровень». Последние, реализуя стратегии своего развития, отвечают за создание глобальной сети взаимосвязанных офисов в различных городах. Эти города и являются, как полагает ряд авторов, главными действующими субъектами в сети мировых городов. С помощью подобной спецификации становится возможным применение в исследованиях стандартных методов сетевого анализа.

Современные исследования мировых городов начинались с работ Дж. Фридмана и Г. Вольфа, идентифицировавших «командные центры» мирового хозяйства как пункты контроля и формирования «нового международного разделения труда», создаваемого транснациональными корпорациями [Friedmann, Wolff 1982: 309–44]. Они ввели также понятие «глобальной сети городов», сохраняющее – как видно по многочисленным исследованиям – свою актуальность и в настоящее время. В качестве близких по смыслу в более позднее время использовались также понятия «транснациональной городской системы» (по С. Сассен [Sassen 1994]), «функциональной системы мирового города» (по Ло и Юнгу [Lo Fu-chen, Yeung Ye-man 1998]), «глобальной урбанистической сети» (по Дж. Шорту и Ю. Киму [Short, Kim 1998]). Однако общим моментом этих работ являлось то, что они не могли адекватно специфицировать систему или сеть. В дальнейшем усилиями «Исследовательской группы глобализации и мировых городов» (GaWC) удалось предложить такую спецификацию, которая предполагает возможность применения сетевого анализа.

Перспективным оказалось рассмотрение сети так называемого «мирового города» как социальной сети, где узлы представлены основными акторами и генерируют социально-экономические отношения, которые работают в структуре мировой экономики. Это отличает «мировой город» от других крупных социальных сетей, где ключевыми акторами и факторами развития в сетях производства и воспроизводства рассматриваются государства-нации в лице правительств. В первоначальной концепции мировых городов в качестве главных командных центров рассматривались транснациональные корпорации. Так же как и в мировой экономике наряду с международным суперузловым уровнем функционирования существует критический субузловой уровень внутри сети – это поведение фирмы в пределах и за пределами городов, которые придают им узловой характер.

Таким образом, сеть мирового города является результатом скорее глобальных корпоративных решений, чем коллективной работы городских и государственных политиков. Образование мирового города изначально зависит от размещения штаб-квартир и других ключевых подразделений ТНК (мирового и регионального уровней) [Beaverstock *et al.* 2000: 123–34]. Однако этот субузловой процесс придает миру городской сети необычный и трудноопределяемый характер. Стратегии развития крупных ТНК редко учитывают интересы отдельных го-

родов. Позднее было обращено внимание на более узкую категорию фирм – многонациональные компании, предоставляющие бизнес-услуги. Как и все города в прошлом и настоящем, мировые города оказывают современные высококачественные услуги (в сферах бухгалтерии, рекламы, финансов, страхования, юриспруденции), используемые ТНК, находящимися на переднем крае мировой экономики. Согласно С. Сассен, эти города имеют специфический компонент в своей экономической базе, который придает им «особую роль на нынешнем этапе развития мировой экономики» [Sassen 1991]. Мировые города стали центрами производства и потребления передовых услуг в системе организации и циркуляции международного капитала. Они являются центрами инноваций в таких областях, как международное законодательство, эффективные финансовые инструменты, концентрируют информацию и знания, которые необходимы для производства новых услуг и возникновения передовых сервисных фирм [Beaverstock *et al.* 2000: 123–34].

Именно крупные глобальные сервисные фирмы играют ключевую роль в формировании сети мирового города. Для эффективного осуществления своей деятельности они стремятся к созданию высокоинтеллектуальной среды в крупных городах мира. Успех каждой глобальной фирмы зависит от их стратегии по размещению своих представительств в отдельных городах по всему миру. При этом идеальным признается положение, когда фирма в состоянии обеспечить высококачественный сервис для каждого клиента, независимо от его местоположения и сложности задачи. Каждый мировой город, согласно этой концепции, представляет собой индивидуальное сочетание передовых фирм и их офисов в сфере обслуживания. Сеть мировых городов может быть представлена как сложная система разнообразных офисных сетей международных сервисных фирм. Отталкиваясь от этого положения, можно создать количественные модели, которые позволяют исследовать условия, факторы формирования сети мирового города, индивидуальные характеристики основных акторов – поселений и фирм.

Одним из наиболее интересных направлений в исследованиях сети мирового города являются иерархические отношения, складывающиеся в его среде. Разработка разнообразных рейтингов городов хорошо вписывается в традиционные теоретические подходы, базирующиеся на национальных иерархиях городов и в широком смысле соответствующих классической теории центральных мест. В этом случае развивающиеся города, как ожидается, могут подняться в иерархии за счет соперничающих городов. Но есть и альтернативная позиция. П. Тейлор считает, что межгородские отношения являются по своей природе кооперативными [Taylor *et al.*]. Есть мнение, что города могут существовать в сетях только через коллективное взаимодополнение [Powell 1990: 295–336; Thompson 2003]. Одна из целей GaWC – переориентировать исследования межгородских отношений с привычных иерархических построений в пользу моделирования сложных сетей. Сетевые отношения, предусматривающие главным образом кооперативные отношения, рассматриваются в качестве главных, универсальных, а иерархические с высокой долей конкуренции – как дополнительные. Последняя полностью не исключается: городская конкурентоспособность меняется в пространстве и времени в соответствии с конкурентными отношениями, проявляющимися сильнее локально и в периоды циклического спада.

Могла ли концепция мирового города реализоваться ранее? Вряд ли. В условиях разделенного до 1990-х гг. мира свойство глобальности у данного явления отсутствовало. Еще не проявил себя в полной мере процесс «терциализации» экономики. Отсутствовали новые, известные сейчас всем коммуникационные возможности. С 1980-х гг. сформировались сотни крупных фирм, работающих с транснациональными офисными сетями, многие из них имеют глобальные масштабы. Каждая более или менее крупная фирма имеет свои географические стратегии – по размещению, распределению функций и организации представительств. Как правило, межгородские отношения фирм фокусируются на обслуживании многочисленных электронных информационных коммуникаций, организации обучения, консультаций, планирования, разработке стратегий, распространении знаний и т. п. Иногда требуется осуществлять бизнес-поездки. Эти отношения («рабочие потоки», по П. Тейлору), генерируемые различными проектами многих фирм, составляют основу сети мирового города [Taylor 2001: 181–94; 2004].

Действительно, в современных условиях глобальной рыночной экономики, возрастающей открытости в международных отношениях у крупных сервисных фирм, равно как и у ТНК, появляются дополнительные стимулы к освоению новых рынков. С учетом высокой мобильности и относительно небольшой капиталоемкости проектов именно сервисные компании первыми устремляются на новые рынки. Период 1990-х и докризисных 2000-х гг. – время быстрого абсолютного и относительного роста сферы услуг. В развитых странах с рыночной экономикой удельный вес сферы услуг в производстве ВВП ныне достигает 70–80 %, а в крупных городах может составлять 90 %. Поэтому повышенное внимание к данной сфере экономики исследователей неудивительно. Хотя, с другой стороны, это грозит недооценкой влияния на общественное развитие материальной сферы, что в большинстве случаев также недопустимо.

При построении модели сети мирового города используются данные по международным производителям услуг. Основное препятствие в получении информации – конфиденциальность сведений в условиях конкуренции. Однако пробелы могут быть восполнены с использованием методики косвенных оценок. В частности, все подразделения фирм получают условную оценку в зависимости от своей величины, значимости и соответственно мощности генерируемых межгородских «рабочих потоков». Минимальные оценки – у мелких офисов (филиалов), максимальные – у штаб-квартир корпораций. Чем больше суммарная оценка города по всем международным фирмам, располагающим в нем какими-либо объектами, тем выше его положение («сетевая подключенность» или «связанность») в глобальной сети. Сетевая подключенность является главным мерилем значимости города в этой модели [Taylor 2001: 181–94]. Она вычисляется на основе стоимости сервисных продуктов города, предназначенных для других городов по всем фирмам. В этой части исследования мы выходим также на оценку градообразующей значимости важнейших отраслей сферы услуг.

Первый систематизированный сбор и анализ данных был проведен по материалам 2000 г. с использованием 100 офисных сетей «глобальных сервисных компаний» в бухгалтерии, рекламе, банковском/финансовом деле, страховании, юриспруденции и управленческом консалтинге [Taylor *et al.* 2002: 2367–2376]. Фирмы были идентифицированы, если имели офисы в 15 различных городах или более, включая по крайней мере один офис в каждом из трех основных регионов

глобализации – Северной Америке (США и Канаде), Западной Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Офисы отслеживались по 315 городам мира. В дальнейшем база данных расширялась, и к 2008 г. она насчитывала 175 компаний и 525 городов. Расширение состава городов происходило главным образом за счет регионов с развивающимися рынками [Taylor *et al.*]. В процессе анализа данных быстро выяснилось, что наибольшей популярностью для размещения офисов пользуется Лондон.

Большой объем информации в процессе систематизации позволил выделить несколько уровней (типов) мировых городов в зависимости от их индивидуально-количества «подключений» («подключенности») к сети. В результате в схеме 2000 г. были сформированы три типа глобальных городов (по убыванию значимости: «Альфа», «Бета», «Гамма»), каждый из которых включал до нескольких подтипов. При этом использовался единственный идентифицирующий признак – подключенность. Географический критерий не использовался. Кроме этого, предусматривались две группы «городов-кандидатов» – типы «высокая достаточность» и «достаточность». К наивысшему подтипу «Альфа++» относились и относятся сейчас два «суперглобальных» города – Лондон и Нью-Йорк. Большинство остальных «альфа-городов» дислоцируется в ЕС и США. Города «альфа»-группы выполняют исключительно важную роль в формировании сети глобального города, развивают наиболее эффективные виды сферы услуг и представляют крупные регионы или страны мира. Города, наделенные статусами «достаточности», имеют диверсифицированную сферу услуг, достаточную, чтобы не попасть под контроль мировых городов и сохранить шанс повысить свой статус. Россия в 2000 г. была представлена единственным городом категории «бета+» – Москвой. Кроме этого, Санкт-Петербург был оценен кандидатским уровнем «высокая достаточность» [Globalization...].

В последнем опубликованном списке мировых городов (2012 г.) при неизменности положения прежних лидеров верхняя часть списка значительно пополнилась городами Азиатско-Тихоокеанского региона (прежде всего КНР). Заметный прогресс продемонстрировали российские города. Москва заняла место в «альфа»-группе в компании Милана и Сан-Паулу, а Санкт-Петербург наконец стал глобальным городом группы «Гамма+» по соседству с Лахором и Джиддой [Ibid.]. Других российских городов в основном и «кандидатском» списках нет.

Основным индикатором степени «связанности» глобальных городов в сети («глобальной сетевой связанности» – GNC) является количество связей с другими городами, определяемое деятельностью международных сервисных фирм. Максимальная «связанность» города-лидера (Лондона) принимается за 100. Остальные города имеют показатели от 0 до 100. На основе имеющихся данных и с использованием средств корреляционного анализа попробуем определить, какие факторы (и представляющие их индикаторы) в наибольшей мере влияют на величину «связанности» глобальных городов. В качестве результирующего признака выберем GNC. В ряду факторных остановимся на двух базовых признаках – численности населения и объеме производства ВВП, а также двух динамических показателях (за длительный период времени) – темпах роста ВВП и численности занятых в хозяйстве. Для обеспечения объективности расчетов используем совокупности из 20–25 ведущих центров по трем основным хозяйственным регионам

мира – США, Западной Европе и Китаю, а также сводную совокупность ведущих глобальных городов мира (см. табл. 1).

Таблица 1

«Глобальная сетевая связанность» и основные социально-экономические характеристики ведущих 10 мировых городов

Город (ГА)	Среднегодовой рост ВВП в 1993–2007 гг., %	Среднегодовой рост численности занятых в 1993–2007 гг., %	Численность населения в 2011 г., тыс. чел.	Производство ВВП в 2011 г., млрд USD	Глобальная сетевая связанность – GNC, 2010 г.
Лондон	3,5	1,5	14067	731,2	100
Нью-Йорк	2,4	1	19128	1210	94,4
Гонконг	2,9	1,6	7200	350,4	73
Париж	1,8	0	12420	669,2	68,3
Сингапур	3,8	3,1	5234	327,2	67,5
Токио	0,9	0,4	36660	1520	63,8
Шанхай	9,1	1,8	24175	516,5	62,7
Чикаго	2	0,8	9547	524,6	61,6
Дубай	-0,8	10,6	2842	64,9	61,4
Сидней	2,3	1,8	4476	203,1	61,1

Составлено по: [Brookings; Globalization...].

Мировая иерархия глобальных городов характеризуется устойчивым доминированием двух центров – Лондона и Нью-Йорка. Довольно прочны позиции Сян-гана (Гонконга). Остальные ведущие города не могут обеспечить себе устойчивое пребывание в первой десятке. Основные социально-экономические данные в таблицах заимствованы из материалов Брукингского института [Brookings]. К сожалению, зарубежным авторам не всегда удавалось адекватно идентифицировать размеры города (фактически городской агломерации). Так, Москву они рассматривают в узких административных границах, а, например, в данные по китайскому Чунцину включают огромную сельскую территорию города центрального подчинения. Однако с учетом концентрации офисов фирм, главным образом в собственном городе, эти «дефекты» не слишком сильно отражаются на величине GNC.

В США, в отличие от других ведущих регионов сети глобальных городов, наблюдается очень заметный разрыв по величине «связанности» между первым (Нью-Йорк) и всеми прочими центрами (см. табл. 2). Очевидно, здесь проявляет себя известная «заикленность» многих местных производителей на собственном внутреннем рынке, что ведет к сдерживанию развития международных связей.

Западная Европа характеризуется более «ровным» и самым многочисленным составом участников сетевого сообщества глобальных городов (см. табл. 3). Имеются два признанных лидера – Лондон и Париж. Остальные образуют по степени «связанности» плотную группу.

Таблица 2

«Глобальная сетевая связанность» и основные социально-экономические характеристики ведущих 10 мировых городов США

Город (ГА)	Среднегодовой рост ВВП в 1993–2007 гг., %	Среднегодовой рост численности занятых в 1993–2007 гг., %	Численность населения в 2011 г., тыс. чел.	Производство ВВП в 2011 г., млрд USD	Глобальная сетевая связанность – GNC, 2004 г.
Нью-Йорк	2,4	1	19128	1210	97,6
Чикаго	2	0,8	9547	524,6	61,6
Лос-Анджелес	3,1	1,2	13024	786,7	60
Сан-Франциско	2,6	0,9	4444	306,6	50,8
Майами	2,5	2,3	5734	246,1	46,3
Атланта	1,6	2,6	5440	268,9	42,7
Вашингтон	2,2	2	5804	415,2	41,8
Бостон	3,1	1,1	4628	320,7	35,1
Даллас	2,6	2,5	6657	368	34,4
Хьюстон	1,5	2,4	6224	399,7	33,8

Составлено по: [Brookings; Taylor, Lang 2005].

Таблица 3

«Глобальная сетевая связанность» и основные социально-экономические характеристики ведущих 10 мировых городов Западной Европы

Город (ГА)	Среднегодовой рост ВВП в 1993–2007 гг., %	Среднегодовой рост численности занятых в 1993–2007 гг., %	Численность населения в 2011 г., тыс. человек	Производство ВВП в 2011 г., млрд USD	Глобальная сетевая связанность – GNC, 2010 г.
Лондон	3,5	1,5	14067	731,2	100
Париж	1,8	0	12420	669,2	78
Милан	1,1	0,8	7626	289,3	69
Мадрид	2,6	3,8	6598	264	65
Брюссель	2,1	1	5379	245,3	63
Варшава	6,9	1,2	2864	131,4	56
Цюрих	1,7	1,1	1875	94,9	55
Амстердам	2,4	1,5	7011	322,3	55
Дублин	5,8	4,2	1676	87,4	54
Рим	1	1,5	4328	167,8	53

Составлено по: [Brookings; Globalization...].

Города Китая в последние десятилетия демонстрировали высокую динамику развития. Это хорошо видно не только по показателю темпов роста экономики, но и по коэффициенту глобальной сетевой связанности (см. табл. 4). За период 2000–2012 гг. многие города страны совершили по последнему показателю стремительный рывок. И теперь (2012 г.) не один Сянган (Гонконг), а сразу три центра (Сянган, Шанхай, Пекин) представляют страну в первой десятке глобальных городов мира.

Таблица 4

«Глобальная сетевая связанность» и основные социально-экономические характеристики ведущих 10 мировых городов Китая

Город (ГА)	Среднегодовой рост ВВП в 1993–2007 гг., %	Среднегодовой рост численности занятых в 1993–2007 гг., %	Численность населения в 2011 г., тыс. человек	Производство ВВП в 2011 г., млрд USD	Глобальная сетевая связанность – GNC, 2010 г.
Гонконг	2,9	1,6	7200	350,4	73
Шанхай	9,1	1,8	24175	516,5	62,7
Пекин	8,7	2,1	21068	427,2	58,4
Тайбэй*	4	1,3	7013	298,3	41,7
Гуанчжоу	12	2,9	8396	320,4	34,1
Шэньчжэнь	9,9	5,7	10798	302,4	25,8
Тяньцзинь	11,9	1,1	14181	308,7	16,8
Гаосюн*	4,2	1,1	2800	105,1	14,3
Нанкин	12	1,4	6405	159,8	13,5
Чэнду	11,2	1,5	11445	179,7	13,1

* города о. Тайвань.

Составлено по: [Brookings; Globalization...].

Корреляционный анализ меры зависимости глобальной сетевой связанности («подключенности») от основных социально-экономических индикаторов выявил сильную степень взаимосвязи с производством ВВП (коэффициент корреляции на уровне 0,77 в среднем по четырем выборкам). Зависимость от численности населения оказалась менее очевидной, но все же существенной (коэффициент корреляции на уровне 0,57). Что касается зависимости от динамических характеристик – среднегодовых темпов роста ВВП и численности занятых, то здесь каких-либо взаимосвязей выявить не удалось. Таким образом, несмотря на видимую «подвижность» показателя глобальной сетевой связанности, он оказывается достаточно жестко привязанным к базовым обобщающим характеристикам развития городов. Попытки выявить с помощью корреляционного анализа взаимосвязь между показателями динамики темпов роста ВВП, численности занятых и *изменениями* глобальной сетевой связанности (на материале ведущих центров Западной Европы) также не привели к установлению ее наличия. Очевидно, что на формирование глобальных городов (а также на поведение ведущих сервисных фирм) влияет широкий круг факторов, который нуждается в дополнительных ис-

следованиях. Возможно, следует подумать о некотором усложнении модели, улучшении качества первичной информации.

Литература

Слука Н. А. Современные геодемографические процессы в мировых городах: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2006.

Beaverstock J. V., Smith R. G., Taylor P. J. World City Network: a New Metageography? // *Annals, Association of American Geographers*. 2000. No. 90. Pp. 123–34.

Brookings [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brookings.edu/research/interactives/global-metro-monitor-3> (дата обращения: 15.01.2014).

Friedmann J., Wolff G. World City Formation: an Agenda for Research and Action // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1982. No. 3. Pp. 309–44.

Globalization and World Cities Research Network [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lboro.ac.uk/gawc.html> (дата обращения: 12.01.2014).

Lo Fu-chen, Yeung Ye-man. Introduction // *Globalization and the World of Large Cities* / Ed. by Fu-chen Lo, Ye-man Yeung. Tokyo : United Nations University Press, 1998. Pp. 1–16.

Powell W. W. Neither Market nor Hierarchy: Network Forms of Organization // *Research in Organizational Behavior*. 1990. No. 12. Pp. 295–336.

Sassen S. *Cities in a World Economy*. Thousand Oaks, CA : Pine Forge, 1994.

Sassen S. *The Global City*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1991.

Short J. R., Kim Y.-H. *Globalization and the City*. London : Longman, 1998.

Taylor P. J. Specification of the World City Network // *Geographical Analysis*. 2001. No. 33. Pp. 181–194.

Taylor P. J. *World City Network: A Global Urban Analysis*. London : Routledge, 2004.

Taylor P. J., Catalano G., Walker D. R. F. Measurement of the World City Network // *Urban Studies*. 2002. No. 39. Pp. 2367–2376.

Taylor P. J., Lang R. E. U. S. Cities in the World City Networks // *The Brookings Institution. Survey Series*. 2005. February.

Taylor P. J., Derudder P. N. B., Hoyler M., Huang J., Lu F., Pain K., Witlox F., Yang X., Bassens D., Shen W. Measuring the World City Network: New Results and Developments // *GaWC Research Bulletin 300* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb300.html> (дата обращения: 25.12.2013).

Thompson G. F. *Between Hierarchies and Markets*. Oxford : Oxford University Press, 2003.

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ховавко И. Ю.*

Экологическая проблематика дает широкий простор для манипулирования, поскольку позволяет влиять на экономические и социальные аспекты жизни общества и навязывать обществам невыгодные для них решения. Исходя из этого, объективное изучение экологических проблем и адекватная оценка решений, предлагаемых мировым сообществом, позволит России правильно выстроить приоритеты своей политики в этой области. Для нашей страны это исключительно важно, поскольку она обладает самыми большими в мире запасами природных ресурсов – более четверти мирового природного капитала. Есть все основания полагать, что интерес к ним со стороны Запада будет только увеличиваться.

Ключевые слова: устойчивое развитие, природный капитал, экстерналии, экологические ограничения экономического роста, интернализация экстерналий.

The environmental issues provide wide opportunities for influence on economic and social life of society. They can impose on societies disadvantageous solutions as well. An adequate assessment of environmental problems and the solutions proposed by the world community will allow us to correctly pose priorities of our policy. It is extremely important for Russia, as it possesses the biggest stocks of natural resources – more than a quarter of the world natural capital.

Keywords: sustainable development, natural capital, externalities, environmental restrictions of economic growth, internalization.

Для переформатирования мира в своих интересах Запад использует широкий арсенал средств, одним из которых является формирование системы взглядов на проблемы экологии. Важно проанализировать, насколько декларируемая система ценностей безобидна, поскольку экологическая проблематика дает широкий простор для влияния на экономические и социальные аспекты жизни государств путем навязывания невыгодных решений. В связи с тем, что Россия обладает самыми большими в мире запасами природных ресурсов – более четверти мирового природного капитала, – есть все основания полагать, что интерес к ним со стороны Запада будет только увеличиваться.

Центральное место в экологическом дискурсе занимает концепция устойчивого развития (КУР). Данная концепция ставит вопрос о коллективном выживании человечества в условиях растущей глобальной ограниченности ресурсов при-

* Ховавко Ирина Юрьевна – д. э. н., в. н. с. экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: irina.hov@rambler.ru.

роды и об ответственности нынешнего поколения за судьбу будущих. Для решения этого вопроса принципиально важно понять: 1) являются ли экологические ценности, проповедуемые КУР, универсальным императивом, и все ли жители Земли обязаны неукоснительно соблюдать предлагаемые ею ограничения; 2) каковы эти ограничения, кто их сформулировал, как они увязаны с интересами отдельных стран (в том числе и России); 3) как основные положения КУР вписываются в процессы глобализации и как соблюдаются в реальности. Это позволит провести верификацию КУР как научной теории и обсудить вопрос о том, как следование КУР может повлиять на судьбу России.

Основные положения концепции устойчивого развития

Основные положения КУР сформулированы в докладах Римского клуба¹, международных правовых документах (решениях международных конференций, документах ООН и т. д.), в многочисленных работах по экологической экономике. Обычно под устойчивым развитием (УР) понимается сбалансированное социальное, экономическое и природное взаимодействие. Достаточно близко это соотносится со всеобъемлющим планированием (*comprehensive planning*). Сегодня, однако, слишком частое упоминание этого термина привело к тому, что его использование воспринимается скорее как фигура речи, чем как строго научный термин: устойчивое развитие – это когда «у всех все хорошо».

Классическое определение УР как развития, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности, было введено в мировую науку и политику в докладе комиссии Брундтланд («Наше общее будущее») в 1987 г. С одной стороны, данное определение отразило ресурсные ограничения современного общества, однако его формулировка столь политкорректна, что содержит больше вопросов относительно того, что считать устойчивым развитием, чем ответов на них. По этому поводу процитируем известного российского экономиста В. И. Данилова-Данильяна: «Самое сомнительное в этом определении – апелляция к “собственным потребностям будущих поколений”. Неясно, о каких потребностях идет речь... Неясно, каковы будут способы удовлетворения потребностей, даже если сами потребности признать известными... Что значит “ставить под угрозу способность будущих поколений”? До какого временного горизонта должны распространяться такие оценки? Это все очень смутно» [Данилов-Данильян 2007]. Поскольку ответов на эти вопросы нет до сих пор, перечислим круг основных тем, которые обычно входят в дискурс устойчивого развития:

1. Введение в экономический оборот природного капитала. Природные ресурсы как глобальное достояние.

2. Проблемы межпоколенческой справедливости по отношению к ресурсам природы.

¹ Римский клуб – неправительственная организация, был создан А. Печчен – вице-президентом концерна *Fiat* – в 1969 г. Цели своей деятельности клуб сформулировал глобально: составить представление о современном состоянии мира, выявить альтернативы развития человечества и наметить возможную программу действий.

3. Экологические ограничения экономического роста и численности населения.

4. Проблема глобального изменения климата (глобального потепления) и разработка механизмов снижения выбросов парниковых газов.

Рассмотрим каждую из этих тем подробнее.

Природный капитал в экономике

Природа всегда тем или иным способом включалась в экономический анализ, причем перечень элементов природы, включаемых в анализ, постоянно расширялся. На ранних этапах своего развития экономическая наука рассматривала основным природным богатством землю, позднее – природные ресурсы, к которым приложен труд, теперь объектом анализа стал *природный капитал*. Последний включает природные ресурсы, регулирующие функции природы (ассимиляция отходов и загрязнений), обеспечение людей природными услугами (рекреация, эстетическое удовольствие и пр.). В настоящее время бурно развиваются исследования, направленные на определение «цены» ценности природы, которая существенным образом меняет традиционные макроэкономические показатели (национальное богатство), показатели оценки эффективности хозяйственной деятельности и т. д.

Оценка природного капитала – сложная научная проблема. В основе измерения лежит капитализация всех функций природы с учетом фактора времени. Согласно классику экологической экономики Г. Дейли, природный капитал представляет собой запас (*stock*), который является источником потока природных услуг и реальных природных ресурсов, названный им «природным доходом». На сегодняшний день стоимостная оценка этого природного дохода ограничивается отдельными пилотными исследованиями. Например, популярны оценки, полученные группой ученых под руководством Роберта Констанца (Мэрилендский университет)², получившие суммарную оценку природного капитала в 35 трлн долларов (вдвое больше ВВП в тот же период) [Бобылев 1998].

Методический аппарат для оценки стоимости природных благ, развиваемый в рамках концепции общей экономической ценности, отличается эклектикой применяемых подходов, отсутствием по многим вопросам реальных удельных оценок. Например, ценность болот определяется на основании депонированного (поглощаемого) углерода, а стоимость 1 тонны углерода берется по данным созданного в результате реализации Киотского протокола рынка парниковых выбросов (10–50 долларов за тонну). Во-первых, даже нижняя и верхняя оценки отличаются в 5 раз. Во-вторых, в условиях кризиса мировой экономики такой рынок практически перестал существовать. В-третьих, если усомниться в справедливости теории глобального потепления и необходимости сокращения выбросов парниковых газов (см. об этом ниже), вообще исчезают основы для оценки экосистемных функций природы. Степень достоверности оценок сегодня остается низкой. Эта особенность не позволяет реально повысить «конкурентоспособность» природы,

² В исследовании изучались 17 категорий функций и услуг природы, среди которых были регулирование климата, газового состава атмосферы, водных ресурсов, образование почвы, переработка отходов, генетические ресурсы и др.

поскольку при существующей методической базе можно обосновать любой нужный результат.

Отсутствие четких методических подходов наблюдается в отношении не только оценки самого природного капитала, но и того, какую его часть следует включать в национальное богатство. Тенденция развития системы национальных счетов состоит в постоянном расширении объектов, включаемых в ВВП и национальное богатство (за счет перемещения результатов некоторых видов деятельности из промежуточного продукта в конечный, учета услуг финансового посредничества, выделения в отдельную группу основных фондов продуктов интеллектуальной собственности и т. д.). Включение в этот ряд «услуг природы» расширяет сферу рыночных отношений и еще более «виртуализирует» систему национальных счетов, увеличив и без того заметный разрыв между экономическими показателями и экономической реальностью.

Приведем данные исследования национального богатства (НБ), проведенного по методике Всемирного банка в конце прошлого века специалистами Института экономики РАН (см. табл.).

Таблица

Национальное богатство на рубеже веков

	НБ (трлн \$)	Доля в мировом НБ (%)	НБ на душу населения (тыс. \$)	Структура НБ (%)		
				Челове- ческий капитал	Природ- ный капитал	Физиче- ский капитал
Мир	550	100	90	66,4	16,4	17,2
Страны «Семерки»	275	50	360	78	4	18
в том числе США	24	4				
Страны ОПЕК	95	17	195	47	37	16
Страны СНГ	80	15	275	50	37,5	12,5
в том числе Россия	60	11	400	50	40	10
Прочие страны	100	18	30	65	15	20

Источник: составлено автором на основе [Катасонов 2015].

Из таблицы следует:

1. НБ России составляет 11 % мирового, в 2,5 раза превосходит НБ США.
2. По уровню НБ на душу населения Россия занимает 1 место в мире (400 тыс. долларов на человека против 360 тыс. на человека в странах «Большой семерки» и в 4,4 раза больше, чем в среднем по миру).
3. В структуре НБ России на отдельные компоненты приходилось: человеческий капитал – 50 %, природный капитал – 40 %; физический – 10 %.

4. Доля России в природном капитале мира – 27 %, в человеческом – 8 %, в физическом – 6 %.

В этот же период (конец 1990-х гг.) официальная отечественная статистика оценивала НБ России примерно в 4 трлн долларов, что показывает кратное занижение официальных оценок (включаются только стоимость основных фондов, материальные оборотные средства и домашнее имущество населения). Хотя именно эти оценки брались в качестве базы при проведении приватизации. Ближе к оценкам, представленным в табл. 1 (60 трлн долларов), результаты, полученные бывшим директором НИИ статистики Госкомстата России Василием Симчерой. По его данным, НБ России складывалось из физического и природного капиталов, которые он оценил в 40 трлн долларов, и человеческого капитала – 25 трлн долларов [Симчера 2012]. То есть только материально-вещественная часть НБ России составляет порядка 40 трлн долларов, что сопоставимо с мировым ВВП в аналогичный период.

Таким образом, современные трактовки природного капитала расширили оцениваемую область природы, включив в нее не только природные ресурсы, вовлеченные в орбиту хозяйственного освоения, но и некоторую их «божественную» часть, что значительно увеличило значение природного фактора в оценке национального богатства. Применительно к России это еще раз подтвердило значимость ее природных богатств.

Интересна постановка вопроса о границах взаимозаменяемости капиталов. Если вопрос о взаимозаменяемости физического и человеческого капитала (в виде живого труда) достаточно изучен в экономической науке, то вопросы взаимозаменяемости природного и физического, природного и человеческого капиталов относительно недавно попали в поле зрения ученых. В КУР в зависимости от ответа на вопрос о том, сколько природного капитала можно расходовать и в какой мере может происходить его замещение искусственным (созданным человеком), выделяется сильная и слабая устойчивость. При сильной устойчивости экономическая деятельность должна быть подчинена строгим экологическим ограничениям, при слабой – допустим определенным баланс издержек и выгод.

Взаимозаменяемость природного и человеческого капиталов обычно иллюстрируется примером компенсации сокращения природного капитала вложениями в человеческий (например, в образование). Однако правомерен и обратный вопрос: может ли сокращение человеческого капитала быть компенсировано ростом природного? Как оценить ситуацию: люди деградировали, природа расцвела, национальное богатство выросло? Есть ли у природы ценность без человека? Разделяем ли мы идеологию экологизма (самоценности природы)? Однозначного ответа нет. Скорее – не разделяем. Таким образом, при попытке оценить природный капитал возникают как количественные, так и смысловые проблемы.

На языке современной экологической экономики значительная часть природного капитала относится к глобальным экологическим благам – глобальному достоянию человечества. Неоклассическая теория гласит, что использование природных благ в рыночной экономике – это область рыночной недостаточности, которая проявляется во внешних эффектах (экстерналиях). Обосновывается необходимость регулирования внешних эффектов с целью формирования механизмов

обратной связи, отсутствующих в результате провалов рынка (интернализация экстерналий)³. В настоящее время разрабатываются и в определенной степени применяются следующие способы интернализации глобальных экстерналий: 1) международные соглашения по охране глобальных благ; 2) компенсации странам – экологическим донорам; 3) специальные фонды, стимулирующие сохранение природы; 4) суррогатные рынки для сохранения глобальных экологических благ (механизмы Киотского протокола); 5) механизм «долги в обмен на природу»; 6) системы глобальных налогов. Для регулирования глобальных экологических благ объективно необходимы наднациональные органы, «глобальное государство». Именно такая система принятия решений для управления окружающей средой и создана в мире. Она включает глобальные институты, как входящие в систему ООН, так и не входящие в нее (Комиссия по глобальному управлению, Комиссия по глобализации, Хартия Земли), а также многочисленные неправительственные организации⁴. То есть в мире для международного контроля природных ресурсов создана разветвленная система институтов, представляющих собой многоуровневую сетевую систему транснациональных и трансграничных связей, взаимодействующих в обход правительств, с *управляющими центрами, которые контролируются Западом* [Павленко 2011].

Управление глобальными экологическими благами включает широкий спектр финансовых механизмов. Их созданием занимаются финансовые структуры ООН, Всемирного банка, Института мировых ресурсов и других международных организаций. Сюда относятся финансовые потоки по Монреальскому и Киотскому протоколам, средства, направляемые через специальные фонды (Глобальный экологический фонд, «карбоновый фонд» Всемирного банка), межгосударственные механизмы «долги за природу» (учет затрат на охрану природы в счет погашения внешнего долга). На повестке дня – глобальные налоги, которые предполагается взимать с потребленных при производстве энергоресурсов. Очевидна опасность этих мер для суверенитета стран, богатых природными благами, которые будут вынуждены платить за развитие «реальную экологическую цену».

В российском научном сообществе популярна идея о получении дополнительных доходов в России от глобального экологического донорства. Предполагается стимулировать национальные правительства к восстановлению природных экосистем и развитию в границах староосвоенных территорий. Возможные доходы России от этого механизма оцениваются в 5–7 % ВВП. Однако надо понимать, что это плата за потерю суверенитета (не мы решаем, где и что развивать: вспомним Арктику), путь к деградации страны и превращению ее в резервацию, где

³ Глобальные экологические блага (от которых зависит биосфера планеты) – это блага, выгоды от которых универсальны для людей, стран и поколений (атмосферный воздух, озоновый слой и т. п.). Деградация этих благ порождает возникновение глобальных экологических экстерналий. Страны или группы стран могут дестабилизировать биосферу Земли, а издержки от такого воздействия распределяются на все страны. Это обуславливает необходимость разработки механизма интернализации глобальных экстерналий. Особенно остро данная проблема проявляется во взаимоотношениях развитых и развивающихся стран.

⁴ Интересен пример деятельности НКО, описанный Джоном Перкинсом. Когда в Эквадоре нашли нефть, то НКО с красивым названием «Американский летний институт лингвистики» развернула там свою деятельность, агитируя индейцев переходить в резервации в обмен на свои земли. В тех местах, где жители отказывались это сделать, в порядке благотворительности распространялись продукты, вызывающие диарею, а индейцев сгоняли с их земель под санитарными предлогами [Перкинс 2012].

население какое-то время сидит на пособии. Как долго продлится такая игра на чужом поле, по чужим правилам и с чужими судьями?

Таким образом, современный этап развития экономики характеризуется тем, что не только природные ресурсы, но и экологические услуги природы включаются в сферу рыночных отношений, что облегчает доступ к ним всех желающих и позволяет перенаправить их в руки «эффективных собственников». Рыночные механизмы природопользования, в частности механизмы интернализации глобальных экстерналий, устанавливаются крупнейшими мировыми финансовыми институтами в интересах узких кругов мировой финансовой элиты.

Проблемы межгенерационной справедливости по отношению к ресурсам природы

Традиционное понимание взаимоотношений поколений определяется соотношением потребления и накопления. Оптимизацией этого соотношения были заняты экономисты всех школ. Американский экономист Эдмунд Фелпс выдвинул гипотезу, согласно которой каждое поколение должно сберегать для будущих поколений такую же часть национального дохода, какую оставляет ему предыдущее поколение («золотое правило накопления»). Согласно этому критерию, мы потребляем чрезвычайно много. Попытаемся понять, как обосновываются наши обязательства перед будущими поколениями, касающиеся справедливого отношения к ресурсам природы. Обычно это объясняется необходимостью «честного» отношения к будущим поколениям. Поскольку следующие друг за другом поколения соединены между собой использованием Земли как общего наследства, то «каждое поколение должно оставить планету в не худшем состоянии, чем оно ее получило» [Weiss 1992]. Однако оценочный критерий «хуже – лучше» неясен. К примеру, если вспомнить, что И. Сталин принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой, то это в худшем или в лучшем состоянии?

У Дж. Ролза в договорной теории справедливости проблема рассматривается «за занавесом» (люди не знают, к какому поколению они принадлежат) и вводится допущение, что существуют семейные линии, которые заботятся по крайней мере о своих непосредственных потомках [Ролз 2010]. То есть для обоснования необходимости заботиться обо всех будущих поколениях автору потребовалось допущение, что речь идет не об абстрактных будущих поколениях, а о *собственных потомках*.

В экономике благосостояния (утилитаризм) ценность удовлетворения предпочтений (полезностей) индифферентна от времени. Учитывая неопределенный круг потомков, максимизация совокупной полезности вынуждает нынешние поколения к большой жертвенности ради больших выгод для более поздних. Данную проблему пытаются решить дисконтированием выгод и ущербов во времени. Традиционное (экспоненциальное) дисконтирование ведет к диктату настоящего. Разрабатываются подходы по гиперболическому дисконтированию (ставки дисконта убывают для ближайшего, среднего, далекого и крайне отдаленного будущего), при котором будущие блага (ущерб) не теряют своей значимости в самой ближайшей временной перспективе [Прокофьев 2008]. Однако эта проблема далека от разрешения.

Таким образом, из обзора теорий межпоколенческой справедливости в отношении природных ресурсов вытекает как минимум вывод о том, что любые обязательства в отношении будущих поколений можно обосновать лишь при условии, что в будущем поколении есть собственные потомки (а не вообще потомки человечества). То есть нынешнему поколению, чтобы принять какие-то ограничения, необходимо прежде всего быть уверенным в выживании его *собственных потомков*. Поэтому в процессе принятия решений экологические проблемы не могут доминировать над экономическими, политическими, военными и т. д. (вспомним судьбу М. Каддафи, который активно занимался охраной природы и развитием солнечной энергетики).

На практике идея межпоколенческой справедливости с середины прошлого века вылилась в создание суверенных фондов (национального благосостояния, стабилизационных фондов, фондов будущих поколений и т. п.). В настоящее время в мире насчитывается 57 таких фондов, и, по имеющимся оценкам, совокупный объем их средств достиг 5,2 трлн долларов [Навой, Шалунова 2014]. Подавляющая часть всех суверенных фондов благосостояния формируется за счет доходов от экспорта энергетических ресурсов и служит целям накопления и инвестирования.

В России Стабилизационный фонд был учрежден в 2004 г. В него перечислялись государственные доходы от добычи и экспорта нефти (в части экспортных пошлин и налога на добычу полезных ископаемых) при превышении мировой цены на нефть специально определенной «цены отсечения». С 1 февраля 2008 г. Стабилизационный фонд был разделен на две части: Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. В них стали включаться и сверхдоходы от экспорта газа. На 1 августа 2015 г. в Резервном фонде РФ находилось 72,99 млрд долларов США (5 % ВВП), а в Фонде национального благосостояния – 74,56 млрд долларов США (6 % ВВП) [Министерство финансов РФ].

Набор финансовых инструментов, предусмотренных для инвестирования средств фондов, определяется соотношением «риск/доходность». Россия придерживается в этом вопросе консервативной стратегии. Многие фонды отличаются низким уровнем прозрачности с точки зрения управления и инвестиционных стратегий.

Вопрос о необходимости суверенных фондов является дискуссионным. Обычно создание фондов обосновывают возможностью: 1) покрывать дефицит бюджета в условиях неблагоприятной конъюнктуры; 2) аккумулировать избыточные экспортные поступления в период высоких цен на сырье; 3) проводить макроэкономическое регулирование (замедлять совокупный спрос, когда экономика страны развивается, и стимулировать его при экономическом спаде). Критика создания суверенных фондов сводится к следующим положениям: 1) нельзя провести техническое перевооружение страны, переводя реальный капитал в фиктивный (ценные бумаги иностранных эмитентов, как правило, с низкой доходностью); 2) трудно объяснить аккумулирование денежных средств в этих фондах (стерилизацию денежной массы) при острой нехватке денежных ресурсов в национальной экономике и вечных поисках инвесторов.

Отвлечение средств в суверенные фонды снижает возможности развития национальных экономик развивающихся стран. С другой стороны, они представляют угрозу и для финансовых рынков развитых стран. Попытки суверенных инвестиционных фондов получить контроль над реальными активами в развитых странах высветили несовпадение интересов в этом вопросе и подтолкнули развитые государства к финансовому протекционизму (ограничению возможности для покупки их активов). То есть конкурентные сражения переместились с реальных рынков на финансовые. Из чего следует, что функционирование таких фондов не дает никаких долгосрочных гарантий будущим поколениям, а просто ставит их благосостояние в зависимость от удачливости игры их предков на финансовых рынках.

Экологические ограничения экономического роста и численности населения

Дилемма экономического роста состоит в том, что, с одной стороны, он разрушает биосферу и потому не может быть устойчивым, а с другой стороны, если не обеспечивается рост экономики, то это приводит к потере рабочих мест, бедности и социальной дестабилизации, архаизации общества. КУР фокусируется исключительно на первой стороне дилеммы. Ее справедливо критикуют за попытки теоретически обосновать деиндустриализацию и депопуляцию. Эти выводы прозвучали уже в первых докладах Римского клуба («Пределы роста» [группа Д. Медоуза, 1972 г.] и «Человечество на перепутье» [М. Месарович – Э. Пестель, 1974 г.]). В первом докладе было показано, что при разных вариантах изменения пяти исходных факторов: быстрой индустриализации; роста численности населения; дефицита природных ресурсов; истощения их невозобновляемых запасов; деградации природной среды – получается неизменный результат – мировой кризис к середине XXI в. Авторы первого доклада пришли к выводу, что лучшим вариантом является стабилизация численности населения, прекращение роста промышленного производства, инвестирование только в сельское хозяйство и сферу услуг, а в промышленности – лишь возмещение износа фондов, то есть «нулевой рост». Авторы второго доклада подтвердили, что экспоненциальный рост приводит к экологическому, энергетическому, продовольственному, демографическому и экономическому кризисам и поэтому необходим рост, дифференцированный по регионам («органический»). Полученные результаты критикуют за выбор факторов, за исключение из анализа научно-технического прогресса и социального устройства общества. Действительно, полученные авторами выводы до некоторой степени банальны (если в системе ограниченные ресурсы, то рано или поздно они кончатся), однако «шоковая терапия» состояла в том, что авторы показали: при сохранении современных тенденций роста экономики экологического коллапса можно ждать достаточно скоро – к середине XXII в. (2140 г.).

В КУР указываются основные «ответственные» за возникновение экологических проблем. Это общество потребления в развитых странах, рост населения в развивающихся странах и высокая природоемкость продукции в странах с переходной экономикой (П. Эрлих). В качестве альтернативы экономическому росту предложено понятие *развития*, под которым подразумеваются некие качествен-

ные изменения в жизни общества, связываемые со снижением природоемкости производства, дикаплингом (рассогласованием трендов экономического роста и потребления ресурсов, обычно энергетических), сокращением выбросов парниковых газов (снижение карбооемкости экономики), развитием возобновляемых источников энергии и, наконец, развитием образования, поскольку то, что называется развитием, является, по сути, рентой знаний и технологий. Сегодня проблематика развития рассматривается в контексте так называемой «зеленой» экономики.

С одной стороны, КУР рассматривает экологические ограничения экономики исключительно мондиалистски. Вопросы, касающиеся того, как совместить интересы выживания и конкуренции отдельных национальных государств, остались вне ее рассмотрения. К примеру, неясно, как концепция «нулевого роста» вписывается в теории воспроизводства, каковы реальные экономические последствия замедления экономического роста для различных стран, как это повлияет на их положение в международном разделении труда и откуда возьмутся деньги на образование, о котором много говорят в КУР. Неясно, что лучше: «черный» рост или «зеленый» спад? В условиях спада первыми разоряются высокотехнологичные отрасли и в пределе остается натуральное хозяйство. Экологичность этой архаизированной экономики может быть высокой, однако перспективы данного общества в мировой конкурентной борьбе крайне низки. И даже если найдутся средства на образование, то не подкрепленная соответствующей промышленной политикой система будет работать только на вывоз образованных людей в богатые страны⁵. Существуют ли для развивающихся стран «лифты» в капиталистическое ядро? Каковы экологические аспекты этого продвижения? Все эти вопросы КУР не только не исследует, но даже не ставит. Соединение в КУР глобалистского подхода с либеральным позволило разработать и обосновать механизмы перехода к «новому мировому порядку» – мировому правительству и выведению ресурсов из-под контроля национальных государств⁶. Таким образом, в понятии «устойчивое развитие» произошло соединение экологии с экономикой и политикой, а само УР превратилось в один из инструментов глобального управления.

Вопросы развития тесно увязаны с проблемой численности населения. В КУР эксплицитно и имплицитно обосновывается необходимость депопуляции. Формально необходимость депопуляции объясняется давлением населения на ресурсы. Например, в экономике природопользования рассчитывается «экологический след» – показатель, который определяет потребности человека в эквивалентах биологически продуктивной площади земли (сколько надо земли, чтобы произвести все необходимое для одного человека). Доказывается, что уже на рубеже нынешнего века этот показатель на 30 % превышал возможности планеты. Самой

⁵ Примером успешного экономического развития во второй половине XX в. являются «азиатские тигры». Главный секрет их успеха состоял в государственном регулировании форсированной индустриализации при относительно низких издержках производства за счет дешевой (но дисциплинированной) рабочей силы, уровень образования которой повышался лишь по мере экономического роста. На сегодняшний день увеличение стоимости рабочей силы в этих странах побуждает ТНК к переводу ряда производств в страны с более дешевой рабочей силой (например, Вьетнам).

⁶ Вспомним в этой связи высказывание бывшего госсекретаря США М. Олбрайт о том, что единоличное обладание Россией Сибирью «несправедливо» и Сибирь следует поставить под международный контроль.

распространенной оценкой оптимальной численности населения являются цифры в 1 или 2 млрд человек. В этой связи уместно вспомнить мнение М. Тэтчер, что русских слишком много, и для обслуживания «трубы» достаточно 15 млн человек.

Складывающаяся постиндустриальная структура экономики не нуждается в большом количестве населения. Через структуры глобального управления широко внедряются инструменты ограничения рождаемости: так называемая политика планирования семьи, раннего сексуального образования, культ нетрадиционной сексуальности, феминизма, производство генно-модифицированных продуктов и т. п. Понятие «контроля над рождаемостью» прочно вошло в международные документы, а вопросы помощи бедным странам напрямую увязываются с их успехами в сокращении населения. Например, уже в докладе Э. Пестеля «За пределами роста» (1988 г.) обосновывалась мысль о возможности передачи технологий развивающимся странам только при условии снижения темпов роста населения. Поэтому если у английского классика Т. Мальтуса с его демографическими циклами в отношении вопроса о благоприятной численности населения доминировал социальный дарвинизм (в войнах, эпидемиях выживают сильнейшие), то в современном мире это процесс, управляемый глобальной элитой. Это важная точка пересечения проблем экономического роста и народонаселения, поскольку именно экономическое положение страны во многом определяет то, в какой мере ее население становится объектом такого управления.

Проблема глобального изменения климата (глобального потепления) и разработка механизмов снижения выбросов парниковых газов

Внедрение механизмов снижения выбросов парниковых газов – ключевое положение теории УР. В его основе лежит тезис об однозначной антропогенной обусловленности происходящих климатических изменений. Декларируется зависимость глобального изменения климата и концентрации парниковых газов в атмосфере: увеличение концентрации парниковых газов (прежде всего CO₂) приводит к парниковому эффекту. Поскольку 98 % всех парниковых газов антропогенного происхождения попадают в атмосферу в результате сжигания органического топлива, то ключевым вопросом в предотвращении глобальных изменений климата является энергоэффективность. В 1992 г. была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата, а в 1997 г. подписан Киотский протокол – первый международный документ, использующий рыночный подход для решения экологических проблем. По этому документу, для каждой страны (развивающиеся страны не брали на себя обязательств) определялся допустимый объем выбросов парниковых газов и устанавливались механизмы реализации, включающие: 1) торговлю квотами; 2) проекты совместного осуществления (страна-продавец передает часть своих квот стране-покупателю в обмен на инвестиции в проекты по снижению выбросов на ее территории); 3) механизм чистого развития (странами-продавцами являются государства, не имеющие обязательств по снижению выбросов). Россия ратифицировала этот документ в 2005 г. (США не ратифицировали договор, Канада вышла из него, Индия и Китай не подписывали вовсе).

Вместе с тем исходная предпосылка о связи выбросов парниковых газов антропогенного происхождения с глобальным изменением климата подвергается критике. Во-первых, суммарное антропогенное выделение CO₂ не превосходит 8 % от его естественного годового цикла. Во-вторых, исследование льдов Антарктиды показывает, что содержание CO₂ в атмосфере демонстрирует циклические колебания с периодом в 110 тысяч лет и в прошлом наша планета переживала и более серьезные повышения содержания углекислого газа в атмосфере (в 12 раз выше нынешних), при этом жизнь на Земле продолжала существовать и развиваться. В-третьих, существуют убедительные аргументы в пользу других факторов изменения климата (планетарная перестройка, изменение солнечной активности, нарушения в течении Гольфстрим, применение климатического оружия и т. д.). В-четвертых, научная ценность «теории потепления» подрывается разоблачениями Джулиана Ассанжа, раскрывшего махинации британских и американских климатологов.

Отметим, что вопрос о парниковых выбросах чрезвычайно политизирован. «Глобальное потепление» позиционируется как истина, не требующая дальнейших доказательств, и на пропаганду этой истины тратится колоссальный объем финансовых вложений. Почему проблемы «глобального потепления» носят столь безальтернативный характер? Прежде всего это расширение могущества финансовой олигархии. Но не это главное. С помощью данного механизма имеется возможность управлять развитием отдельных стран. Показателен скандал, вызванный публикацией документа (так называемый «Датский текст»), подготовленного к саммиту в Копенгагене (2010 г.). Основные спорные положения этого документа: 1) передача контроля над средствами, выделяемыми на помощь развивающимся странам, в распоряжение не ООН, а международных финансовых институтов; 2) неравномерность сокращения квот на выброс парниковых газов: в расчете на душу населения развивающиеся страны должны были в два раза больше снизить выбросы по сравнению с развитыми; 3) отсутствие учета выбросов США (приблизительно четверть всего объема парниковых выбросов). В результате на саммите 2010 г. не удалось подписать никакого соглашения о продлении действия Киотского протокола за пределы 2012 г. Более того, китайцы потребовали от США предварительного сокращения выбросов на 40 % в качестве условия для продолжения каких-либо дальнейших переговоров.

Таким образом, механизмы Киотского протокола фактически могут рассматриваться как инструменты управления, позволяющие сдерживать экономический рост конкурентов (главным образом развивающихся стран), контролируя потребление энергии, что делает их элементом большой политики.

* * *

Представленный в статье анализ КУР показывает, что она является скорее идеологией, чем научным знанием. Напомним различия науки и идеологии: первая имеет целью познание мира, вторая – учит людей тому, что они должны думать о тех или иных явлениях бытия, как их оценивать и как поступать в тех или иных случаях, то есть имеют целью *формирование сознания людей и манипулирование людьми путем воздействия на их сознание* [Зиновьев 2004]. Это идеология глобального управления, идеология нового мирового порядка. Просматривается

ее проторелигиозный характер. На этот факт указывает американский писатель Майкл Крайтон: некогда человек жил в раю, в гармоничном единении с природой. Но затем он вкусил запретный плод от древа познания добра и зла (вступил на путь индустриализации) и был изгнан из рая. За это грехопадение всем нам воздастся на грядущем Страшном суде (гибель планеты Земля по вине человека). Мы совершили страшный грех, нарушив экологическое равновесие в природе, наше главное преступление – неумеренное расходование природных ресурсов, в первую очередь энергоносителей. Но не все потеряно, мы еще можем заслужить прощение у природы, перейдя на путь стабильного развития – эквивалента спасения души [Вольский 2014]. Апокалипсисом в этой религии выступает грядущая экологическая катастрофа, в качестве которой по очереди служат озоновые дыры, парниковый эффект и т. п. На практике становится все более очевидным, что выбор «актуальных» экологических проблем часто происходит из экономической или политической конъюнктуры («двойные экологические стандарты»). Все вышесказанное показывает, что КУР является не конечной целью человечества, а инструментом управления со стороны западных элит, элементом глобализации мира. Однако неправильно было бы отрицать вообще наличие научного знания об экологических проблемах. Очевидна необходимость рационального использования ресурсов, соблюдения гигиенических требований; промышленная экология – важнейшее направление современной научной мысли. Критике подвергается лишь попытка придать экологической проблематике универсальный характер без учета различий современных государств. Место экологической проблематики в системе задач, стоящих перед каждым обществом, определяется только исходя из четко сформулированной сверхзадачи. И лишь затем можно сформировать комплекс мер и последовательность действий для ее достижения. К примеру, если нашей целью является сохранение российского народа в далекой перспективе (то есть мы хотим видеть в будущем наших собственных потомков), то должны быть сформулированы задачи для реализации этой цели – военные, политические, экономические, идеологические, продовольственные и др. Экологические задачи в этом перечне занимают свое важное, но далеко не главное место.

Литература

Бобылев С. Н. Как оценить биоразнообразие // Бюллетень Центра экологической политики России. 1998. № 5. С. 16–17.

Вольский В. «Зеленое» кредо или квазирелигия экологизма. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://club.berkovich-zametki.com/?p=10549>.

Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие: 20 лет споров // Экономическая эффективность развития России. М. : Теис, 2007. С. 467–480.

Зиновьев А. А. Научные основы идеологии. 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2004/12/08/ideol/>.

Катасонов В. Б. Санкции. Экономика сопротивления. М. : Алисторус, 2015.

Министерство финансов РФ [сайт]. URL: <http://www.minfin.ru/ru/performance/reservefund/index.php>.

Навой А. В., Шалунова Л. И. Резервный фонд и Фонд национального благосостояния России в международной системе суверенных фондов // Деньги и кредит. 2014. № 2. С. 29–33.

Павленко В. Б. Мифы «устойчивого развития». Глобальное потепление или «ползучий» глобальный переворот. М. : ОГИ, 2011.

Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М. : Претекст, 2012.

Прокофьев А. В. Справедливое отношение к будущим поколениям (нормативные основания и практические стратегии) // Этическая мысль: ежегодник. Вып. 8. М. : Ин-т философии РАН, 2008. С. 229–253.

Ролз Дж. Теория справедливости. М. : ЛКИ, 2010.

Симчера В. М. Двойственные оценки основных показателей развития российской экономики в 2001–2010 гг. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://obkon.ucoz.com/news/shokirujushhie_priznaniya_specialista_po_statistike_rf/2012-10-10-212.

Weiss E. B. Intergenerational Equity: A Legal Framework for Global Environmental Change // Environmental Change and International Law: New Challenges and Dimensions / Ed. by E. B. Weiss. Tokyo : The United Nations University, 1992.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ВОЙНЫ: НЕРЕШЕННАЯ ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Рябченко Н. П.*

Войны сопровождают человечество с глубокой древности и тесно связаны с его историей. Наиболее общие причины войн: демографическое давление, влияние восточно-западной динамики, эволюция патриархального строя. В условиях глобализирующегося мира обострение существующих и не находящихся разрешения противоречий чревато большими потрясениями и войнами. Развитие вооружений в его высшей точке – ракетно-ядерном оружии – дало человечеству средства выхода в космос, проникновения в микромир, и это открывает широчайшее поле мирной деятельности. Но даже при отказе от использования оружия остается нерешенной проблема насилия, которое может осуществляться более тонкими методами, путем воздействия на сознание и психику людей, что имеет место в информационных и психологических войнах.

Ключевые слова: война, оружие, насилие, демографические циклы, Запад, Восток, патриархат.

Wars have accompanied mankind since ancient times and are closely connected with its history. The most common causes of wars: demographic pressure, the influence of the east-west dynamics, and evolution of the patriarchal system. In the globalizing world the exacerbation of existing and not resolved contradictions is fraught with great upheavals and wars. The development of weapons to the highest point – nuclear and missiles weapons gave humankind an opportunity to access space, as well as to penetrate the microcosm, and it opens a wide field of peaceful activities. But even if the weapons are not used there remains the problem of violence, which may be imposed via more subtle methods of affecting human consciousness and psyche that occurs in the course of information and psychological wars.

Keywords: war, weapons, violence, demographic cycles, West, East, patriarchy.

В своих гуманистических устремлениях человечество стремится к миру, но войны сопровождают его на протяжении всей истории, включая наши дни. Почему же так происходит и что нас ждет в будущем, как ближайшем, так и более далеком?

* Рябченко Николай Павлович – к. и. н., с. н. с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: ranaut@mail.ru.

Причины войн в целом хорошо известны. С наступающей стороны это стремление захватить ресурсы противника, прежде всего его территорию как основной их источник, с обороняющейся стороны – защита своей территории, борьба за свободу и независимость. Также нередки внутренние войны, связанные с противоборством социальных, политических и религиозных сил внутри страны. Испокон веков внешние войны использовались и для внутренних целей: преодоления назревающих противоречий и сплочения общества.

Есть и менее очевидные причины. Пожалуй, основная – способ утилизации избыточного продукта производящей экономики. Для поддержания внутренней стабильности экономически достаточно развитого общества избыток его сил можно направить на строительство пирамид, защитных стен и т. п., но можно в качестве отводящего канала использовать подготовку и ведение войн. Если строительство пирамид – достаточно редкое явление, то войны стали самым распространённым, практически универсальным способом перераспределения и утилизации избыточных ресурсов социумов. Ярким примером этого стала Вторая мировая война, оказавшаяся наиболее эффективным средством преодоления кризиса перепроизводства в мировой экономике [Глобалистика... 2006: 137–138]. В наши дни стимулированию экономической конъюнктуры служат локальные войны.

Более глубокий уровень проблемы связан с пониманием истории и ее механизмов, охватывающих все варианты и частные случаи возникновения войн. История есть не что иное, как движение человечества во времени и пространстве. Войны как раз и выступают одним из существенных проявлений этого движения. Выражается это в перемещении людей, войск и мирных жителей, в демографическом движении населения – его убыли, связанной с военными действиями и тяготами военного времени, повышении рождаемости в послевоенный период, компенсирующем эту убыль, смешении местного и пришлого населения, в социальных изменениях. Войны также задают культурное, ментальное, эмоционально-психическое движение, связанное как с военной службой и военными действиями, так и со знакомством с жизнью других стран и народов.

Можно сколько угодно перечислять причины возникновения войн, но не продвинуться в решении этой проблемы, пока она не будет связана с основными движущими силами истории. Так как мы живем «внутри» очень протяженной во времени истории человечества, нам трудно выявить эту связь, но постепенно приходит понимание, что это за силы и как они действуют. При этом важно помнить, что человек, какого бы высокого мнения о себе, своем положении в мире и достижениях человеческой цивилизации он ни был, все же остается частью природы, и это имеет фундаментальное значение.

Связь человека с природой проявляется прежде всего в питании. Мальтузианство исходит из вполне очевидного тезиса, гласящего, что численность населения ограничена возможностями его пропитания. В XX в. неомальтузианство стало активно связывать численность населения с протеканием социально-экономических и политических процессов. В начале 1920-х гг. известный английский экономист Дж. Кейнс обратил внимание на то, что Первой мировой войне и революциям того времени предшествовал резкий рост народонаселения. Наиболее значительным он был в России – наполовину за период в четверть века до начала войны. Вывод о связи этих фактов напрашивался сам собой [Кейнс 1924]. В дальнейшем ученые разных стран продолжили всестороннее исследование демогра-

фических процессов, главным образом в истории Европы, выявили их циклический характер и закономерное влияние роста численности населения на снижение потребления, ведущее в доиндустриальных обществах к нарастанию социального напряжения и гражданским войнам.

В начале 90-х гг. американский ученый Дж. Голдстоун, не относящий себя к неомальтузианцам, выдвинул демографически-структурную теорию, согласно которой в условиях усиливающегося демографического давления идет конкуренция за ресурсы между народом, государством и элитой. Государство может проводить политику, не отвечающую интересам элиты и народа, тогда нарастание этих противоречий может привести к слому государства, народным восстаниям и гражданским войнам. Российский историк С. А. Нефедов развил демографически-структурную теорию и совместно с П. Турчиным показал, что рост населения все-таки упирается в ограниченные возможности увеличения потребления. Он предложил концепцию демографических циклов, в которой дополнил теорию Дж. Голдстоуна понятиями «трансформация структуры» и «структурно-демографический кризис», отражающими нарастание социального напряжения в условиях демографического сжатия, чреватое вооруженными столкновениями различного масштаба и сдвигом социума в сторону этатизма [Нефедов 2007]. Кроме дореволюционной России им были изучены более 50 демографических циклов в странах Востока, результаты исследования которых обобщены в монографии «Факторный анализ исторического процесса. История Востока» [Он же 2008]. Совершенно неслучайно на обложку книги вынесено название, подчеркивающее другой важный аспект проблемы, связанной с перенаселением: «Война и общество».

Демографически-структурная теория учитывает самые разные факторы, влияющие на изменение численности населения: климат, эпидемии, военные революции, дающие возможность с помощью более совершенного оружия вести успешные завоевания других народов, процессы модернизации и т. д. Но определяющим фактором остается возможность сохранения экологической ниши для производства достаточного количества средств существования. По мере повышения уровня экономического развития эти возможности расширяются, но не так быстро, как идет увеличение численности населения. Данное противоречие, замеченное в свое время Т. Мальтусом, назревая, дает целый спектр социальных конфликтов, выливающих в войны. Конечно, государства нередко предпринимают попытки решить свои проблемы за счет территорий соседей, но возможности здесь небольшие, так как в ходе прежних, обычно частых, войн все, что можно было легко захватить, уже захвачено и дальнейшие приобретения почти невозможны. Поэтому остается путь внутренней трансформации социальной структуры общества, которая идет с использованием как мирных средств, так и вооруженного насилия.

Общество пытается разрешить внутренний конфликт, связанный с тем, что в условиях демографического сжатия оно уже не может мириться с растущим изъятием у него ресурсов в пользу все более многочисленных (за счет естественного прироста) социальных слоев, обладающих властью и богатством, но не вносящих достаточного вклада в народное хозяйство. Иногда с помощью реформ удается ограничить перераспределение ресурсов в их пользу, однако при крайнем обострении ситуации вопрос решается в ходе гражданских войн, с большими, а

нередко и очень большими, потерями населения, что снижает демографическую нагрузку. В результате войн к власти приходят режимы, стремящиеся проводить более справедливую социально-экономическую политику, либо откровенно этатистские, устанавливающие государственный диктат, не позволяющий вновь подняться и разрастись эксплуататорским слоям.

Особенно отчетливо эти процессы видны в истории стран Востока с развитой аграрной экономикой. Имея сильное государство, они постоянно занимались регулированием социальных процессов. Но в условиях демографического сжатия развитие событий все больше выходило из-под контроля. Обезземеливание крестьян множит число обездоленных – потенциальных повстанцев. С другой стороны, растущая земельная рента позволяла богатеть помещикам, получил распространение абсентеизм, показывающий обществу, что это лишнее, ненужное звено в экономике, которое следует устранить. Положение усугублял раскол в правящем классе. Отдельные его представители и группировки начали выступать либо на стороне народа, либо с позиции своих групповых интересов. Часто итогом борьбы было крушение династий и государств. Внутренний конфликт нередко усугублялся нападениями извне.

Крупные демографические потери периода смуты разряжают аграрное перенаселение. Это позволяет обществу выйти из прежнего тупика и дает ему новые возможности развития, чему также способствует целенаправленная политика государства. В условиях послевоенного восстановления и подъема экономики идет внедрение тех новшеств, которые появились за прошедшее время или были заимствованы у соседей (сорта и виды растений, новые орудия и т. д.). Совершенствуются социальные технологии. Развитие производительных сил на частично обновленной основе позволяет несколько увеличить емкость экологической ниши, и в дальнейшем демографические циклы охватывают уже более многочисленное население.

В капиталистической системе государств, к концу XIX в. охватившей весь мир, как известно, имелось слабое звено – Россия, отягощенная проблемами традиционного общества, главная из которых – аграрное перенаселение. Прорыв в слабом звене в дальнейшем образовал огромную брешь – от Восточной Европы до Восточной Азии. Почти все страны вновь возникшего социалистического лагеря в прошлом имели сходные проблемы, предопределившие их переход к этатизму. Там существовала необходимость в аграрной реформе, высокого уровня достигло огосударствление промышленности (в Китае более 80 %) [Непомнин 1995], ощущалась потребность в освобождении экономики от гнета иностранного капитала. Практически ситуация в странах прорыва созрела для революционных перемен.

Система социалистических государств родилась в огне мировых и гражданских войн, сопровождавшихся большими демографическими потерями, на время снявшими проблему перенаселения. Начав с низкого старта, она добилась больших успехов в индустриализации и модернизации общества. В сочетании с уравнительностью это дало достаточно большие возможности для расширения экологической ниши. Крушение социалистического лагеря было связано в первую очередь с тем, что этатизм недолговечен. С одной стороны, из-за широкого использования мобилизационных методов произошло перенапряжение системы, у народа накопилась усталость, с другой – этатизм подрывался стремлением общества к хотя бы

минимальной свободе рыночных отношений для удовлетворения своих бытовых потребностей. И, конечно, немаловажную роль сыграл Запад, в годы перестройки подтолкнувший к гибели своего геополитического конкурента.

Исследователи демографических циклов обычно не распространяют своих концепций на современное общество¹, которое, как они полагают, уже не столь зависимо от природной емкости экологической ниши. Действительно, научно-технический прогресс значительно раздвинул границы возможностей человека, и наиболее развитые страны, демографический рост в которых почти прекратился, не ощущают недостатка в продуктах питания. Однако в мире в целом ситуация принципиально не изменилась: численность населения уже превысила 7 млрд человек и продолжает расти быстрыми темпами, а возможности Земли все же ограничены.

Среди ученых все чаще высказывается мнение об угрозе возникновения новой «мальтузианской ловушки», уже не только продовольственной, но и в целом ресурсной [Фитуни, Абрамова 2012]. То есть проблема перенаселения фактически переместилась со странового и регионального уровня на глобальный. И здесь мы можем видеть действие тех же социальных механизмов, что и в традиционных обществах на этапе демографического сжатия. Дефицит продовольствия и ресурсов растет, социальные противоречия обостряются как внутри государств, так и в мире в целом между бедными странами и богатыми, составляющими «золотой миллиард». В самом «золотом миллиарде» множатся конфликты. Американское движение «Оккупируй Уолл-стрит» своей активной протестной деятельностью обратило внимание общественности на тот факт, что богатства все больше стягиваются к 1 % населения. В настоящее время ему принадлежит половина мирового состояния. Всего 85 человек владеют капиталом, равным тому, что приходится на 3,6 млрд бедняков [И сам... 2014]. По другим данным, 1318 владельцев (корпораций, организаций и индивидуумов) контролируют 60 % глобального дохода, а 147 компаний – 40 % мирового богатства [Фитуни, Абрамова 2012]. Известно, что монополизм, в данном случае глобальный, не способствует развитию экономики. С другой стороны, такая запредельная концентрация капитала дает возможность его обобществления в той или иной форме. Эта проэтатистская тенденция нарастает и выражается во все более активной деятельности государств в сфере финансового контроля.

Если почти столетие тому назад распространившееся в мире огосударствление экономики было ускорено в результате прорыва в «слабом звене» мировой системы, то в настоящее время оно может быть связано с устранением ее «лишнего звена». Согласно демографически-структурной теории, такие кардинальные перемены на страновом уровне сопровождаются государственным кризисом, распадом государства («брейкдауном») и ведут к гражданским войнам, революциям. На глобальном уровне также возможны большие потрясения и крушение существующего мирового порядка. Собственно, этот процесс уже идет, свидетельством чему является неутрахающий глобальный кризис. Вопрос только в том, чем все это закончится и какую цену придется заплатить человечеству за грядущие перемены.

¹ Хотя в этом вопросе есть подвижки. О. Е. Непомнин включает в последний демографический цикл Китая период после 1949 г. [Непомнин 2011].

Кроме численности, на ход исторического процесса мощное влияние оказывает структура человечества. Основной единицей анализа глобальной структуры является народ. Далее идут их этнически родственные и региональные общности. Человечество также делится по расовым признакам. Представление о том, что в мире существуют Запад и Восток, подводит нас к самому началу структуризации человечества как целого, однако чаще всего дело ограничивается лишь признанием внешних проявлений этих различий в культуре, политике, экономике. Между тем наука накапливает все больше фактов, свидетельствующих о том, что это разделение очень глубокое, естественное по своему происхождению, отражающее бинарную структуру всего живого и являющееся одним из основных источников исторического развития человечества, его движения во времени и пространстве [Рябченко 2012].

Восточно-западная структура мира, несмотря на свою элементарную простоту, в действительности имеет сложный характер. Различия в наибольшей степени проявляются между народами Западной Европы и Восточной Азии. Это заметно в их расовом типе и особенностях менталитета, связанных с преобладанием логического мышления у одних и образного – у других, что обусловлено большей активностью левого и соответственно правого полушарий головного мозга [Ротенберг, Аршавский 1984; Санжиев 2002]. Столь глубокие различия влияют на все сферы деятельности живущих здесь народов, и за многие тысячелетия на западе и востоке ойкумены сложились культуры и цивилизации, во многом полярно отличающиеся друг от друга. Сегодня это два ярко выраженных культурно-цивилизационных ядра человечества, причем в западное входят государства, созданные европейскими переселенцами в Северной Америке, Австралии и Южной Африке. Все остальные народы образуют переходную зону между двумя мировыми полюсами, что видно по их антропологии и культуре.

Если не касаться Латинской Америки, крупнейшего переходного региона, сформировавшегося исторически сравнительно недавно, то можно увидеть, что в центральной части Северной Евразии большую часть этой зоны занимает Россия и к ней с запада примыкают страны Восточной Европы, а на юге, от Турции до Индии и Индонезии, простирается другой пояс переходных стран, очень мало связанный с первым. Геополитически северный пояс является основным, связывающим Запад и Восток. Южный пояс менее значим, он гораздо слабее связан с Западом (только через Балканы) и не достигает восточного полюса, отгороженного Гималаями. Такое разделение частично, иногда довольно существенно, ограничивает действие мировых событий, локализует их в одном из поясов. Это надо учитывать, особенно когда возникают военные угрозы. Во-первых, они естественным образом будут в какой-то степени локализоваться в своем регионе. Во-вторых, не следует стремиться выдвинуться из одного пояса в другой, так как вмешательство в чужие события, «чужую игру» будет малопродуктивным, как это было с советским вмешательством в Афганистане.

Запад и Восток по-разному проявляют себя на мировой арене. Запад – генератор всевозможных изменений и новшеств, Восток же склонен к устойчивости и гармонии. Вместе они дают механизм развития, суть которого как раз и есть сочетание изменчивости и устойчивости. Причем в разные эпохи ведущую роль играет то один мировой полюс, то другой. В далеком прошлом это был Восток, затем, более пятисот лет назад, началось возвышение Запада, сейчас на передовые пози-

ции опять начал выходить Восток. Экспансия Запада носила преимущественно военный характер и охватила весь мир. Восток, страны восточного культурно-цивилизационного ядра, всегда стремились не выходить далеко за пределы своего региона. Войны здесь носили преимущественно локальный характер, и только волны воинственных восточных кочевников иногда достигали Европы.

Различаясь кардинально, два мировых региона во многих своих чертах являются воплощением мужского и женского начал, а если вспомнить о преимущественной лево- и правополушарности населяющих их народов и еще сохранившихся кое-где в Азии (Юго-Западный Китай) следах матриархата, то можно говорить о большей мужественности Запада и женственности Востока. Здесь следует отметить важный, но редко замечаемый факт: строй, при котором в настоящее время живут все земляне, – это патриархат. И если восточно-западная полярность разделяет мир по горизонтали, то одновременно он разделен по вертикали на мужчин, обычно главенствующих в обществе, и женщин, занимающих преимущественно подчиненное положение. Это два естественных класса, от которых берут свое начало любые социально-экономические, политические и культурные структуризации, какие только можно встретить в истории, надо только внимательно к ним присмотреться. И еще не следует забывать, что в мире нет ничего неизменного, соответственно и патриархат не может сохраняться вечно. Более того, нельзя не видеть и не учитывать, что в последние сто лет он переживает серьезный кризис. Его составные части – мировые войны, в которых мужчины уничтожали друг друга десятками миллионов, мировые экономические кризисы как проявление неспособности организовать должным образом мировое хозяйство, революции, свергающие обанкротившиеся режимы. На таком фоне роль и влияние женщин в обществе постоянно растут.

После крушения абсолютных монархий, бывших оплотом и вершиной патриархальной власти, борьба в глобальном социуме идет вокруг «улучшения» существующего строя. Задействован весь спектр политических сил – от крайне левых до крайне правых. По сути же позиции противоборствующих сторон все больше разделяются по линии сторонников сдающего позиции либерального курса и их решительных консервативных противников. Корни конфликта уходят далеко в глубь веков, когда воинственные викинги, накопив огромные сокровища, дальше повели себя «не по-мужски»: от военных грабежей перешли к организации денежной экономики и извлечению из нее прибылей². Как известно, война – мужское занятие, а экономика (изначально: обустройство дома) – женское. Можно сказать, что тогда мужчины заступили на «женскую территорию», тем самым положив начало трансформации традиционного мужского поведения и сопутствующих ему ценностей в сторону их пока еще косвенной феминизации. Практически были сделаны первые шаги в сторону коренного изменения уклада жизни народов. В счетной палате Роберта Дьявола Нормандского (1028–1035 гг.) возникли многие экономические понятия и термины, сохранившиеся до наших дней. Норманнскими завоевателями были образованы государства протокапиталистического типа сначала в Англии (1066 г.), потом на Сицилии, откуда новые методы ведения дел стали распространяться по Европе [Шпенглер 2009].

² Неслучайно в уголовном мире, а это мужской мир, такое «недостойное» поведение, ведущее к отрыву от прежнего образа жизни и деятельности, особенно если это касается вожаков, традиционно считается предательским, не говоря уже о тех случаях, когда вожаки попадают под женское влияние, как в известной песне о Стеньке Разине.

Буржуазные революции завершили процесс становления капитализма как мировой системы, одновременно стали нарастать его внутренние противоречия, приведшие в 1917 г. к отпадению от него России, радикально изменившей свою социальную политику, и укреплению позиций социалистических партий, что благоприятно повлияло на эмансипацию женщин. Фашизм, напротив, стремился сохранить прежние традиционные роли полов в обществе [Пленков 2004]. В послевоенный период критика капитализма слева и молодежные протесты 1968 г. открыли шлюзы дальнейшей феминизации западных обществ.

Исламские страны быстро поняли угрозу своим устоям, идущую через западное влияние. Направленная против вестернизации исламская революция в Иране (1978–1979 гг.) стала поворотным пунктом в их борьбе за сохранение старых патриархальных порядков, которая начала быстро набирать силу. Революция произошла в успешно модернизовавшейся при шахском режиме стране. Причины ее были отнюдь не экономическими и даже не религиозными, хотя и под религиозными покровами, а скорее, сугубо консервативно-охранительными, скрывалась попытка противостоять эрозии патриархальных порядков. Иран пытался распространить религиозный радикализм за рубежом, но не встретил поддержки в исламском мире. Его влияние ограничилось спонсированием антиизраильских группировок в Ливане и Палестине [Ланда 2005]. Поэтому упреждающие действия в Афганистане СССР, обеспокоенного сохранением спокойствия в советской Средней Азии, оказались крупной военно-политической ошибкой.

В конце XX в. Западу с большим трудом удалось «заделать» брешь, образованную в мировом капитализме социалистическим лагерем. Но, достигнув полной гегемонии и перейдя к формированию глобального мира по своему образу и подобию, он все сильнее обостряет существующие противоречия. Современный глобальный кризис уже нельзя рассматривать только как кризис капитализма и вестернизации мира. По сути, это кризис патриархата. Оказались исчерпанными те пути развития, которые он мог предложить человечеству. Жизнь подсказывает, что людям придется отказаться от прежних крайностей борьбы с природой и перейти к более гармоничному взаимодействию с ней. Восток и женское начало открывают такую перспективу, и мировое развитие все больше смещается в их сторону. Но это не идеальное решение. Запад и деятельное мужское начало не могут быть исключены из глобального развития, без них миру грозит застой и деградация. Предстоит поиск путей к гармонизации отношений между Западом и Востоком, мужским и женским началом.

Затянувшийся глобальный кризис позволяет более отчетливо видеть силовые поля и критические точки мирового целого, а также тенденции его дальнейшего развития. В ходе нынешнего кризиса, сильнее поразившего Запад, быстрее меняется соотношение сил в пользу Востока, его восточноазиатского культурно-цивилизационного ядра. В северной переходной зоне Запад, укрепляя свои позиции, попытался с помощью Европейского союза втянуть Украину в орбиту своего влияния, что вызвало там острые внутренние противоречия и вооруженные столкновения. На Украине также проявился конфликт интересов Запада с Китаем, начавшим широкомасштабное экономическое «освоение» украинской территории. В его планы входило взять в аренду 3 млн га под выращивание зерновых, на западном побережье Крыма построить крупнейший на Черном море порт для вывоза сельскохозяйственной продукции, а для удобства дальнейшей транспорти-

ровки грузов прорыть канал, параллельный Панамскому [Китайцы... 2014]. Смелость китайских проектов говорит о возможностях Востока, которые пока не удалось реализовать, но дальше их потенциал будет только расти.

Усиливается напряжение в южной переходной зоне, что обусловлено быстрым демографическим и экономическим ростом расположенных здесь государств – Турции, Ирана, Пакистана, Индии, ранее находившихся в упадке, колониальной и полуколониальной зависимости, а сейчас стремящихся к более активной мировой роли. Центральное место среди них занимает Иран, наиболее удаленный как от западного, так и от восточного мировых полюсов и, благодаря колоссальным запасам нефти и газа, самодостаточный в экономическом плане. Немаловажно и то, что исторически это одна из мировых держав, еще во времена Античности вступившая в борьбу с начавшим активизироваться Западом. Кроме того, Иран – самый радикальный противник идущей с Запада эмансипации и феминизации. Поэтому именно в данной точке мира все больше сосредотачиваются глобальные исторические противоречия Запада и Востока, мужского и женского начал.

В последние 20 лет локальные и гражданские войны на Ближнем Востоке идут по нарастающей. Гражданская война в Сирии, поддерживаемая Западом, очень сильно напоминает такую же войну в Испании, ставшую пробой сил перед развязыванием Второй мировой войны. Существует опасность расширения военной конфронтации в регионе. Втягивание в нее амбициозного Ирана, входящей в НАТО Турции, а затем, возможно, и отягощенного внутренними социальными и политическими противоречиями Пакистана чревато большой войной. Россия пытается сдержать опасное развитие событий, но она не может их остановить. Для нее желательно избежать участия в разгорающемся конфликте на Ближнем Востоке, помнить, что это не ее война.

Запад, отступая, пытается собрать силы для контратаки, для чего наращивает военный и экономический потенциал путем расширения НАТО, Европейского союза, старается разложить и ослабить своих противников на Востоке, обвиняя их в недемократичности, нарушении прав и свобод человека [Глобалистика... 2016]. Одновременно предпринимаются военные акции с целью раздробить консервативные антизападные силы исламского мира, усилить здесь свое влияние и максимально изолировать Иран, чтобы в конце концов сокрушить этого упряма. Фактически идет борьба за будущее. Запад воинственно отстаивает те общечеловеческие ценности, представления о которых во многом сформированы его цивилизацией, – рациональность, свободу, демократию, личное достоинство. Востоку также есть что защищать. На кону судьба патриархального строя. Хотя слишком легкая победа Востока, а в перспективе, несмотря на упорное сопротивление восточных мужчин и восточной, не «испорченной» Западом «женственности» могут если не полностью похоронить защищаемые Западом ценности, то, во всяком случае, подорвать их и ослабить.

Таким образом, назревающий глобальный конфликт имеет сложный многоуровневый характер и отражает противоречия не только наших дней, но, похоже, и всей истории человечества. С одной стороны, мы наблюдаем переполнение глобальной экологической ниши человечества, что само по себе несет угрозу всевозможных столкновений и войн, с другой – происходит смена ведущей роли культурно-цивилизационных полюсов от западного к восточному. Одновременно

имеет место углубление кризиса патриархата, чреватое разрушением всей современной мировой системы, самих ее основ.

Можно предположить, что смена старой системы или ее радикальное обновление будут происходить уже известными и многократно опробованными путями и методами. Первое, что люди попытаются сделать, – это, как и раньше, опереться на разум. Более скудные ресурсы начнут распределять более рационально, будут стараться терпеть стесненные обстоятельства глобального демографического сжатия. Но это не может продолжаться бесконечно, в какой-то момент кто-то не выдержит, произойдет, казалось бы, локальный конфликт, который в условиях общего кризиса станет развиваться дальше. Должна будет произойти разрядка напряжения мировой системы. Всегда в прошлом она сопровождалась войнами и эпидемиями. Сейчас такого поворота событий тоже нельзя исключать. Ухудшение климата и вызванные этим неурожаи, стихийные бедствия также могут спровоцировать или усилить негативное развитие событий.

Правда, прежний отрицательный опыт все-таки имеет вразумляющее действие. После двух мировых войн человечество смогло более-менее соорганизоваться и начало выступать солидарно. Но сколько еще потребуется времени, чтобы современная цивилизация достигла зрелости и смогла достаточно эффективно регулировать свое развитие? Хотя ход истории в целом, наверное, все равно невозможно контролировать. Например, нельзя сохранить в неизменном виде патриархат, остановить или произвольно повернуть вспять взаимодействие Запада и Востока. Даже рост численности населения, так или иначе влияющий на большинство процессов в обществе, слабо поддается регулированию.

Мечта человечества о вечном мире пока так и остается мечтой. Войны не прекращаются. Но, похоже, в истории нет ничего лишнего. При всех бедствиях, которыми сопровождаются войны, это один из способов исторического движения людей, вещей, знаний. Диалектическая связь орудия и оружия через развитие научного и технического прогресса в конечном итоге привела к тому, что ракетное и ядерное оружие как высшая точка развития вооружений сыграли роль орудия проникновения человека в макро- и микромир. Казалось бы, пути для дальнейшего, теперь уже мирного, развития открыты. Освоение космоса предоставляет безграничные возможности утилизации с пользой для прогресса цивилизации излишков земной производящей экономики, не прибегая к такому традиционному средству, как войны. Познание мира атома открывает самые широкие перспективы для созидательной, а не разрушительной деятельности человека. Но история не ходит прямыми путями. Даже ясные и вполне реальные цели достигаются в ходе противоречий и борьбы интересов, которые очень хорошо охраняются. За несколько лет до нынешнего экономического кризиса известный американский экономист Майкл Хадсон обратил внимание именно на эту сторону современной действительности: «Я знаю, что если перекрыть “мыльный” финансовый рынок – все более или менее нормализуется, но вопрос в том, как противостоять американской армии, охраняющей эту идею?» [Хадсон 2005].

По законам драматургии, висящее в первом акте на сцене ружье в последнем должно выстрелить. Помня о несметных запасах оружия, накопленных государствами, также нельзя не учитывать возможность драматической развязки. Огромная мощь ядерного оружия является сдерживающим фактором в развязывании войн. Тем не менее вероятность их возникновения, как локальных, так и более

крупных, в том числе атомных, сохраняется. Возможно, в процессе дальнейшего развития цивилизации человечество сможет отказаться от оружия. Однако это еще не будет решением проблемы. Надо будет также полностью отказаться и от насилия, которое является более глубоким уровнем проблемы войн. Оно может существовать в разных формах, и справиться с ним гораздо труднее, чем «перековать мечи на орала».

Еще не ушли в прошлое (и, похоже, не собираются уходить) пропагандистские, информационные, психологические войны. Совершенствуются и появляются новые средства соответствующего воздействия на человека. Этот изощренный арсенал насилия имеет немалые шансы войти в будущее, где во все плотнее регулируемом мире будет использоваться, чтобы лишить человека свободы и удерживать его в таком состоянии, только более тонкими, чем прежде, средствами, а война мускулов перейдет в войну, атаковую сознание и психику людей. Надо думать и искать пути, как избежать этих опасностей, контуры которых просматриваются уже в наши дни.

Литература

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й. : ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. 2-е изд., стер. М. : КноРус, 2016.

И сам не ам... // Золотой рог. 2014. 28 января.

Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского договора. М.; Л., 1924.

Китайцы добрались до украинских закров // Московский комсомолец. РРЕ. 2014. 12–19 февраля.

Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 14–18 [Электронный ресурс]. URL: <http://i-g-p.ru/page/stream-library/index-2148.html> (дата обращения: 21.04. 2014).

Непомнин О. Е. Гомиьндановский госсектор и концепция «бюрократического капитала» // XXVI научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы и доклады. М., 1995.

Непомнин О. Е. История Китая. XX век. М. : Ин-т востоковедения РАН, Крафт+, 2011.

Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2005.

Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2007.

Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М. : Территория будущего, 2008.

Пленков О. Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. СПб. : Нева, 2004.

Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4.

Рябченко Н. П. От глобализации к глобальной цивилизации. Владивосток : Даль-наука, 2012.

Санжиев Б. Н. Китайское иероглифическое письмо и асимметрия функций мозга // Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция / сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. Ин-т востоковедения. М. : Вост. лит-ра, 2002.

Фитуни Л., Абрамова И. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 7.

Хадсон М. Бесплатный ланч для паразитов. Основы современной «демократической» экономики / пер. Л. Критской. 2005. 30 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1135894080> (дата обращения: 21.04.2014).

Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. М. : Академический Проект, 2009. Т. 2.

ГРОЗИТ ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ПСИХИЧЕСКИЙ АПОКАЛИПСИС?

Андреев И. Л., Назарова Л. Н.*

Среди многочисленных пессимистических сценариев печального будущего человечества «затерялась» вполне реальная опасность его психической деградации. В статье анализируются некоторые из факторов, ее составляющих.

Ключевые слова: глобализация, человек, социум, психическое здоровье, психосоциальный стресс, биосфера, ноосфера, экология мозга, интеллект.

Among the numerous pessimistic scenarios of the sad future for humankind there is overlooked a real danger to his mental degradation. This article analyzes some of the factors composing it.

Keywords: globalization, human, society, mental health, psychosocial stress, biosphere, noosphere, ecology of mind, intelligence.

Глобальный психосоциальный стресс, сопровождающий переход человечества к информационно-компьютерной цивилизации, совпал в России с расколовшим страну массовым постсоветским синдромом. Сокрушительно рухнула казавшаяся естественной, справедливой и практически незыблемой «новая историческая общность людей – советский народ», что вызвало аномии, моральную растерянность и социальную апатию большей части нашего общества. Катастрофически изменилась и ситуация на мировой арене. Мирное сосуществование противоположных социально-экономических систем сменилось стремлением к построению однополярного мира с гегемонией США. Резко ухудшилось международное положение потомка Советского Союза – Российской Федерации, которой приходится выдерживать мощную тенденцию подмены интенсивно развертывающейся глобализации насаждаемой Западом под ее флагом вестернизацией и безоговорочным приоритетом евроатлантических стандартов жизненных ценностей и политического поведения. К этому следует добавить поток новых средств социальной коммуникации и всплеск изощренных форм «гибридного» воздействия на психику и сознание наших граждан, которое подверглось двойным стрессовым перегрузкам: извне и изнутри. Названные проблемы привлекли внимание многих исследователей и регулярно получают разностороннее освещение на страницах журнала «Век глобализации». Мы, философ-антрополог и врач-психиатр, поставили целью своей статьи освещение той многосложной и многовекторной ситуации, в которой волею судеб оказался российский гражданин, под углом зрения

* Андреев Игорь Леонидович – д. ф. н., проф., г. н. с. Института философии Российской академии наук. E-mail: iglandreev@mail.ru.

Назарова Лионелла Николаевна – к. м. н., доцент кафедры социальной и судебной психиатрии Института профессионального образования Первого МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава РФ. E-mail: lnln@hotmail.ru.

связи моделей его поведения с состоянием и динамикой психического здоровья, акцентировав угрожающее ему, хотя и малозаметное со стороны, «мягкое» воздействие на него противоречий переходной эпохи и острого политического соперничества на мировой арене.

Человек в мире и мир в человеке

Среди горячих политических дискуссий и непрерывного обсуждения социально-экономических планов и сценариев выхода России из системного кризиса как-то затерялась проблема места, роли и готовности к грядущим переменам пресловутого «человеческого фактора» – физического и особенно психического здоровья населения нашей страны.

На фоне планетарной смены этапов цивилизационного развития поистине глобальный характер принимает проблема здоровья человека как биологического и психологического фундамента его жизни и базового элемента ее качества [Андреев 2008: 726–733]. В философском плане каждый человек представляет собой противоречивое динамичное системное единство двух эволюционно противоположных сущностей («пластов»): *биологического* (со всеми входящими в него природными компонентами) и *социального* (в конкретном пространственно-временном и властно-собственническом континууме) [Андреев, Назарова 2011: 57–67]. Наша духовность и наши организмы «живут» на разных эволюционных орбитах, диалектически связанных по модели листа Мебиуса, и вместе с тем подчиняются каждая своим, генетически обусловленным, сложившимся в процессе естественного отбора и длительного исторического развития, независимым от нас объективным законам. И не следует стыдливо отворачиваться от того непреложного факта, что некоторые из физиологических функций и отправлений мало отличают нас от кенгуру и всего ряда млекопитающих животных форм. Исключением является структура и функциональная дифференциация больших полушарий головного мозга, а также сформировавшаяся в ходе биологической эволюции и социальной истории система зеркальных нейронов – физиологический фундамент общения и сознания [Андреев 2013: 75–83]. Именно благодаря этому психически здоровый человек наделен виртуальным самосознанием, рефлексией – способностью «видеть» себя со стороны, а также волей как психологическим свойством руководить с помощью заложенной в культуре системы сдержек и противовесов своим поведением в природной и социальной среде. Именно этот набор чисто социальных качеств позволяет человеку в какой-то степени регулировать и корректировать биологические процессы своего организма, ни в коей мере не исключая заложенной эволюцией огромной зависимости от них.

Такой подход дает новый разворот «вечной» проблемы человека, позволяет задать новую парадигму методологических размышлений над ней и выстроить многогранную синтагму разработки вездесущего «человеческого фактора» истории на стыке различных наук, технологий познания и деятельности.

Еще 30–40 лет назад предметом социальной философии считалось изучение места человека в природе и обществе. В тени оставалось исследование специфического «присутствия» природы и социума в самом человеке – в его теле и генах, мозге и психике, – ставшего ключевой биологической и мировоззренческой предпосылкой философской антропологии. Глобализация неизбежно «выпячивает» противоположный полюс – тенденцию индивидуализации человека. Великая идея

В. И. Вернадского о диалектической взаимосвязи биосферы и ноосферы как бы «переселилась» на уровень отдельного индивида и его организма. На наших глазах исковерканная неразумным хозяйствованием и войнами *биосфера* в буквальном смысле слова разбушевала, подобно неукротимому и неистощимому в каверзах Фантомасу – антигерою известного французского фильма. Однако необходимая для спасения ситуации и выживания человечества *ноосфера* никак не может сложиться в целостную и эффективную планетарную систему научного интеллекта, гуманистической морали и экономики знаний, что ведет процесс развития цивилизации в опасный тупик.

Такой же разлад биологического и социального происходит в каждом из нас. Новые стрессы и катаклизмы, вызовы и угрозы нашему здоровью и самой жизни сыплются как из рога изобилия. Однако согласованной реакции на них пока не видно. Люди растеряны, напуганы либо фатально безразличны и топят подспудный страх перед будущим в одурманивающих развлечениях или уходе в коварный мир виртуальных иллюзий. Многие не рады самой такой жизни, но приемлемого выхода не видят. Предостережения продвинутых интеллектуалов Римского клуба, шириющееся движение «зеленых», демонстрации анти- и альтерглобалистов, призывы компетентных ученых, здравомыслящих политиков и авторитетных писателей к тотальному изменению образа жизни и мыслей людей не находят пока адекватного отклика в массах. Ведь чтобы противостоять натиску опасных компонентов личной «биосферы», человек должен выстроить в своем сознании индивидуальную «ноосферу» интеллектуально осмысленного отношения к собственному здоровью, которую иногда сводят к понятию здорового образа жизни, не всегда понимая, что же конкретно он собой представляет. Но путь к этому труден и долог. А время пошло...

От защиты природы – к защите от взбунтовавшейся природы

Разрушительные ливни и наводнения, затапливающие целые субконтиненты и древние европейские столицы. Гигантские океанские цунами, сметающие все на своем пути. Разрушительные ураганы и вихри торнадо. Небывало длительная изнурительная тропическая жара в средних широтах, солнечные бури, опасные для здоровья людей и функционирования систем безопасности и коммуникации. Напомнившая о себе через сто лет после падения Тунгусского метеорита астероидная угроза из космоса. Эпидемии неинфекционных «болезней цивилизации». Все это адресованная людям «черная метка» Вселенной, которая настойчиво напоминает неразумному человечеству, кто есть гость, а кто хозяин в доме под названием «планета Земля». В питьевой воде встречается вся ядовитая часть таблицы Менделеева, в воздухе – ядовитая пыль со дна высохшего Аральского моря, бомбовый тритий, радиоактивные отходы, промышленные выбросы и электронное загрязнение [Ферронский, Поляков 2009: 235–237]. В организме человека – все это, вместе взятое, в индивидуальной (кому как повезет) расфасовке. Фактически человек уже прочно расстался с самозванным статусом всемогущего «царя природы», что раньше выражалось в приписываемой И. В. Мичурину фразе: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача». Но шизофреническая мания денег и славы патологически затмевает для нынешних финансовых и политических «капитанов мира» реальные опасности, которые несут их непомерные амбиции всему человечеству, включая их самих и их ближайших по-

томков. К этому следует добавить опасное слияние социальных антагонизмов и провоцируемых в качестве их целенаправленного следствия локальных климатических войн, искусственно вызываемые землетрясения и пробуждения вулканов вплоть до глобальных экологических и техногенных катастроф [Байда 2012: 394–407].

На этом зловещем фоне приобрела особую актуальность сформулированная В. И. Вернадским идея трансформации биосферы Земли в сферу разума – ноосферу как альтернативы выживания биологического вида *Homo sapiens* перед «лицом» вызванных его деятельностью могучих сил взбунтовавшейся природы. По сути дела, великий натуралист подтвердил предсказание великого экономиста – автора «Капитала» – о неизбежном антагонизме господствующих и угнетенных классов и социальных групп эпохи машинного производства со стороны неизбежного обострения противоречия амбиций и обусловленных ими потребностей ненасытного «цивилизованного» человечества с возможностями планетарной природы.

Отмеченная Вернадским тенденция превращения человека в мощную геохимическую силу, сопоставимую с природным потенциалом действия Земли, сегодня опасно дополняется безответственным агрессивным влиянием политической, финансовой и бизнес-элиты «золотого миллиарда» на сложившуюся в процессе длительной природной эволюции геофизическую структуру земной мантии и климатический баланс атмосферы. Из недр Земли искусственно извлекается сегодня вдвое больше ископаемых, нежели выбрасывается на поверхность естественным путем, например в процессе извержения вулканов. Природная вода и воздух предельно заражены неразумным ведением хозяйства и безответственным престижным потреблением оторвавшихся от народов «верхов»: сегодня 93 % доходов человечества достаются 1 % населения планеты – верхушке «золотого миллиарда». Его представители потребляют в пищу до 500 % физиологической нормы продуктов, обеспечивающей стабильное функционирование здорового человеческого организма, в то время как примерно треть землян удовлетворяют эту потребность лишь на 50 % от разумно необходимого.

Карл Маркс прозорливо писал о смене машиноподобного труда – продукта индустриальной цивилизации – игрой интеллектуальных и физических сил, а также о кооперации интеллектов в эпоху, названную им научно-технической революцией и эрой овеществляемого в интересах всего общества знания. В 70-х гг. XX в. в СССР появился своего рода лингвистический аналог, идентичный понятию «ноосфера». Академик Н. Н. Моисеев, автор оригинального математически выверенного сценария планетарной «ядерной зимы», поднял вопрос о назревшей необходимости гармоничной *коэволюции социума и природы* как единственной альтернативы самоуничтожению человечества. В близком смысле академик И. Т. Фролов дополнил выводы Н. Н. Моисеева, выдвинув романтическое понятие «высокого соприкосновения общества и природы». Он понимал под этим целенаправленное компетентное воздействие людей на биосферу, которое предполагает «разумное развитие человеческого общества, обеспечивающее целенаправленное развитие биосферы, позволяющее, в свою очередь, обеспечить его гармоничное развитие» [Моисеев, Фролов 1984: 39]. Однако сегодня приходится с сожалением констатировать преобладание в мире прямо противоположной тенденции борьбы с природой на всех фронтах, как в социально-экономическом плане, так и в медико-

демографическом аспекте. Но, как тонко заметил «выдающийся отечественный лингвист» XX в. В. С. Черномырдин, вопреки всем усилиям отечественных интеллектуалов безотказно сработал традиционный российский стереотип: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Пища и мозг: заговор мясных магнатов

Одним из распространенных факторов нанесения невосполнимого ущерба психике и интеллектуальному потенциалу человечества является явный дефицит продуктов питания, содержащих не только растительные, но и животные белки, ибо это строительный материал практически всех органов человеческого тела.

Центральная нервная система чутко реагирует на снижение количества и качества белков в питании. При белковом голодании происходит функциональное истощение нервных клеток, снижение условно-рефлекторной деятельности коры головного мозга и даже уменьшение числа нейронов в мозговой ткани. При белковой недостаточности замедляются формирование речи и общее психическое развитие. Перенесенная в раннем детстве, она задерживает психическое развитие на долгие годы, и умственные способности остаются сниженными. Это имеет серьезное социальное значение для населения бедных стран: ухудшаются учеба детей, овладение ими специальностями, понижается производительность труда.

Парадокс нашего времени и мировой ситуации с питанием состоит в том, что продолжительность жизни выросла, но люди стали дольше жить с болезнями и инвалидностью. Системный анализ социальных причин экологических и демографических проблем, связанных с рисками и уязвимостью нынешней биополитики, основанной на погоне за прибылью, насаждении стандартов потребительства, позволяет прояснить сложившуюся ситуацию. Очень важный вывод, который можно сделать, исходя из продуктовой панорамы планеты и извращенного характера мировой биополитики, гласит: пищи человечество уже сегодня производит более чем достаточно, а проблема голода в мире создана искусственно. Ее главным инициатором является заговор пищевых магнатов.

Пищевая промышленность – это крупнейший индустриальный комплекс в мире, доход которого составляет около 150 млрд долларов США в год (больше чем в автомобильной, стальной или нефтяной промышленности). Всего несколько гигантских международных корпораций регулируют и контролируют поступление продуктов питания для миллиардов людей. В США 90 % рынка сбыта зерна контролируется шестью компаниями. Исследования, проведенные в 83 странах мира, показали, что всего лишь 3 % населения владеют 80 % сельскохозяйственных земель. В Центральной Америке, где свыше 70 % детей голодают, 50 % земли используется для выращивания коммерческих культур (например, цветов), которые приносят стабильный и высокий доход, но являются роскошью в странах, где голодают дети. В то время как международные корпорации используют лучшие земли для выращивания коммерческих культур (кофе, чай, табак, экзотическая пища), большинство земледельцев вынуждено обрабатывать заболоченные, изъеденные оврагами земли, на которых очень трудно что-либо вырастить. Неотъемлемой частью системы мирового агробизнеса является мясная промышленность. «По мере того как увеличивается производство самого мяса, богатые страны покупают все больше и больше хлеба на корм свиньям и скоту. Хлеб, который раньше использовался в пищу людям, стали продавать по наиболее высо-

кой цене, обрекая тем самым на гибель бесчисленное множество людей. Мясо – это пища, которую потребляет меньшинство за счет большинства. Для того чтобы получить мясо, зерно, которое можно использовать для питания людей, скормливают скоту. По данным Министерства сельского хозяйства Соединенных Штатов, более 90 % всего зерна, производимого Америкой, уходит на откорм домашнего скота и птицы: коров, свиней, овец и кур, которые в конце концов оказываются на обеденном столе» [Moore 1975: 12]. Статистика, опубликованная Министерством сельского хозяйства США, свидетельствует о том, что для получения килограмма мяса нужно скормить скоту 16 кг зерна [*Ibid.*: 10]. В своей книге «Диета для маленькой планеты», посвященной проблеме белкового голодания значительной части человечества, Фрэнсис Мур Лаппе предлагает нам представить, что мы сидим перед тарелкой с большим бифштексом. «А теперь представьте, что в той же комнате сидит 45–50 человек, и перед каждым из них – пустая тарелка. Зерна, потраченного на один ваш бифштекс, вполне хватило бы, чтобы наполнить тарелки всех пятидесяти человек кашей» [*Ibid.*: 35]. В благополучных странах скот откармливают не только своим зерном, но и богатыми белком продуктами, которые закупаются у бедных стран. Треть урожая африканского арахиса (по содержанию белка арахис ничем не уступает мясу) используется странами Западной Европы для откорма скота и птицы [*Ibid.*: 25].

С одной стороны, вошло в моду чрезмерное и вредное для здоровья потребление животного белка, с другой – появилось большое расточительство растительного белка, содержащегося в хлебных зернах и сое, которые стали кормом для животных на убой. Вполне понятно, что из поставляемого животному белка только часть возвращается с мясом. Немалая его доля расходуется на жизненные процессы животного, на построение тех частей тела, которые не представляют пищевой ценности для человека. Некоторая часть остается переработанной. Производство молока в этом отношении более экономично, а наиболее продуктивной по белковой отдаче является растительная продукция. Верхний слой почвы, предназначенный для производства зерновых, дает в 5 раз больше белка, чем если бы на ней паслись животные. Бобовые растения дадут на этой же самой почве в 10 раз больше белка, чем дали бы животные, содержащиеся на такой же территории. Тем более что скот, обильно откармливаемый зерном, дает меньше белка в мясе, потому что избыточное количество зерна и белка в кормопродуктах превращается не в мясо, а в жир.

На корм идут, кроме зерна и сои, продукты, не используемые людьми (трава, сено, сечка), а также молоко, рыбная мука и различные отходы пищевой промышленности. В некоторых странах с целью быстрого роста и прибавки массы животных *добавляют в корм антибиотики и гормоны*, что отрицательно сказывается на здоровье потребителей. После голодных лет Второй мировой войны демографы отметили повсеместное увеличение роста и мышечной массы населения. Но у акселерации есть и тайная причина, о которой стараются не говорить. С 50–60-х гг. XX в. в животноводстве стали использовать гормоны роста и половые гормоны, прежде всего эстрогены, чтобы получать больше молока, жира, яиц. В некоторых регионах, таких как Бразилия, мясо было так нашпиговано гормонами, что *начинались эпидемии преждевременного полового созревания*.

Неудивительно, что именно в Бразилии до сих пор встречается феномен самопроизвольной смены пола в подростковом возрасте, когда 12-летние девочки

неожиданно для себя и окружающих превращаются в мальчиков, вызывая насмешки сверстников. Видимо, дело заключается в том, что каждый эмбрион исходно зарождается «как девочка», а Y-хромосома появляется позднее только у будущих мальчиков. Протivoестественно сбитые ориентиры эмбрионального развития и путаные сигналы головного мозга, адресованные половым железам: яичникам у девочек и яичкам у мальчиков, могут давать такого рода «откаты» нейроэволюционного процесса в виде «запоздалого» выбора организмом «своего» пола уже в пубертатном возрасте. До начала полового созревания различия в строении тела девочки и мальчика сводятся практически только к половым органам. И если яичники в силу каких-то обстоятельств опускаются вниз и трансформируются в яички, вслед за ними может аналогично мутировать процесс формирования полноценных репродуктивных органов и соответственно психики и психологии конкретного индивида. Поэтому искать объяснение такого рода спонтанной смены пола в глубинах генетического кода, на наш взгляд, бесполезно. Элементарный социологический анализ показывает, что оно лежит в сфере ненасытных коммерческих интересов мясных олигархов. Протivoестественная гонка за прибылью вторгается в созданный эволюцией ритм биологической предыстории человечества, корежит, уродует его, угрожая перспективой психического вырождения значительной части населения.

Самый сильный скачок послевоенной акселерации произошел в Японии, когда они перешли на американскую мясо-молочную пищу. Скачок роста, и сразу же эпидемия близорукости, диабета и всевозможных психических заболеваний, связанных с нарушениями обмена веществ. Использование в животноводстве антибиотиков повлекло за собой огромный шлейф аллергий, тотальную аллергизацию. Об этом тоже не принято говорить. С данными факторами связан и огромный рост злокачественных опухолей. В Советском Союзе такой скачок роста произошел в 1970-е гг., подростки были очень высокие, одутловатые, все поголовно прыщавые из-за избытка эстрогена. А людей старшего поколения стало «разносить», все сидели на диете и страдали тучностью. В 90-х гг. появились более жесткие нормы использования гормонов в животноводстве.

Другая цена, которую приходится платить за чрезмерное употребление в пищу мяса, связана с загрязнением окружающей среды путем отравления почвы и природных пресных источников – поверхностных и подземных. Слив сточных вод и сброс отходов с мясных комбинатов и откормочных ферм в реки и водоемы является одной из основных причин их загрязнения. Уже ни для кого не является секретом, что источники чистой питьевой воды на нашей планете не только загрязняются, но и постепенно истощаются, и особенно расточительно расходует воду именно мясная промышленность. Сточные воды скотоферм загрязняют окружающую среду в десять раз больше, чем городская канализация, и в три раза больше, чем стоки промышленных предприятий [Moore 1975: 32]. Поль и Анна Эрлих в своей книге «Население, ресурсы и окружающая среда» пишут, что для выращивания одного килограмма пшеницы требуется всего 60 л воды, а на производство одного килограмма мяса затрачивается от 1250 до 3000 л [Ehrlich P., Ehrlich A. 1970: 64].

Биоэкологический фундамент интеллекта

Техногенная экология постиндустриализма ведет в эпоху, провозглашенную «экономикой знаний», к разрушению гомеостаза организма [Новосельцев 2012:

97], и далее – к критически опасной концентрации слабоумия и передачи его по наследству в целых локальных звеньях нынешней популяции *Homo sapiens*. Поэтому на авансцену исследования медицинских и демографических проблем неслучайно вышли неинфекционные (но генетически транслируемые) так называемые «болезни цивилизации». К ним относятся, в частности, йодозависимые психические заболевания, в первую очередь болезни мозга, слабоумие и кретинизм. Это предмет глубокого специального исследования, поэтому в статье даны лишь общие контуры названной проблемы.

Впрочем, у этого процесса есть своя эволюционно-географическая «история болезни». Йодозависимые патологии являются специфически человеческими. Их нет в животном мире. Они возникли в процессе формирования человека и вместе с ним. Человечество «начиналось» на побережье теплых морей Мирового океана, о чем свидетельствуют археологические раскопки многометровой глубины стоянок «раковинных куч». Речь идет о том, что наши эволюционные предки в процессе конкуренции с другими представителями зоологического мира за пищевые ресурсы и безопасное существование были вытеснены на морское побережье. Самая разработанная из такого рода версий – гипотеза земноводной обезьяны, выдвинутая в 1960 г. в журнале *The New Scientist* английским морским биологом профессором сэром Алистером Харди. Согласно ей, примерно 10–12 млн лет назад жесточайшая засуха, охватившая тропическую зону, заставила крупных приматов осваивать прибрежную экологическую нишу: вначале бродить по мелководью, затем заходить в воду все дальше от берега, плавать, нырять с целью добычи пищи (рыбы, моллюсков, водорослей), которая содержала значительное количество йода. Поэтому наш ископаемый предок изначально был буквально пропитан естественным йодом, содержащимся в морской воде, флоре и фауне (морепродуктах), морском воздухе и почве приморских ареалов [Андреев 1988: 33].

Первые цивилизации Азии, Ближнего Востока и Южной Европы сложились на побережье Мирового океана. «Народы моря», включая отважных пиратов, уже в период Античности и Средневековья выделялись решительностью и находчивостью, открыв эпоху Великого переселения народов, продолжающуюся до сих пор. Чем дальше от моря уходили люди, тем опаснее и острее становился обычно связанный с зобом дефицит йода в их организме, особенно если исторический маршрут миграций лежал в горы, где, помимо этого, играла генетически неблагоприятную роль значительная разобщенность местного населения и больший, чем на равнинах, риск кровнородственного смешения.

Связь дефицита уровня йода в щитовидной железе с уровнем умственного развития, открытая в 1915 г., ярко проявилась на примере ныне одной из самых благополучных стран мира – Швейцарии. То, что мы прочли в фундаментальном издании авторитетных отечественных эндокринологов, было для нас настолько неожиданным, что мы решили, во избежание кривотолков, просто процитировать их монографию: «Зоб и кретинизм были широко распространены на территории этой страны, что связано с ее расположением в высокогорных районах Европейских Альп. В 1923 г. только в кантоне Берна с населением чуть больше 700 тыс. человек были госпитализированы 700 больных кретинизмом, не способных к самообслуживанию. Однако в результате использования йодированной соли частота зоба резко снизилась. Учреждения для глухих и слабоумных вскоре были закрыты или перепрофилированы. Наблюдение за призывниками также подтвердило эту

тенденцию. С 1925 по 1947 г. количество непригодных к воинской службе в Швеции снизилось с 31 до 1 на тысячу рекрутов [Йодозависимые... 2012: 18].

Другим источником заболеваний мозга и слабоумия является интенсивное загрязнение окружающей среды индустриальными методами производства, а также в результате войн, техногенных аварий и экологических катастроф. Использование компьютерных технологий для изучения состояния здоровья населения и выявления групп риска обозначило перелом в технологии сбора данных, необходимых для выявления групп риска и разработки конкретной социальной оздоровительной политики на местах, а также компетентного осмысления ситуации на федеральном уровне. Массовые обследования населения российскими эндокринологами и психиатрами рисуют печальную панораму разрушения психического здоровья в целых районах и городах так называемых экологически неблагоприятных регионов, часть из которых расположена в непосредственной близости от Москвы.

Именно сопоставление региональной ситуации в экологии с состоянием психики населения придало исключительную информационную и социальную ценность масштабному 10-летнему исследованию, проведенному сотрудниками Института социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского. В частности, в итоговом отчете констатируется, что в «условно грязных районах» (терминология программы) психические болезни и болезненности (эти понятия различаются авторами программы данного исследования) *примерно вдвое превышают* показатели в «условно чистых районах». Критериями *экологической психиатрии*, позиционируемой организаторами исследования в качестве самостоятельного раздела социальной психиатрии, здесь фигурируют, помимо шизофрении, изменения сосудистой микроциркуляции и иммунитета, а также *органические поражения головного мозга и умственная отсталость, которые встречаются здесь в 10 раз чаще*. Это приводит за счет отъезда интеллектуально продвинутой части местного населения в крупные города, в университетские и научные центры к трагическому «накоплению слабоумия» населения целых районов страны [Положий, Максимов 2010: 5].

В другом исследовании, проведенном на экологически неблагоприятных территориях сотрудниками Института им. В. П. Сербского под руководством профессора Г. М. Румянцевой [Румянцева и др. 2004: 56–62], было достоверно выявлено, что фактор радиационного воздействия на психическое здоровье дает эффект значительно больший и более длительный, чем аномальные природные явления (например, дефицит йода в воде, воздухе и почве) и физические влияния типа техногенных катастроф (распространенность психических заболеваний среди ликвидаторов в 5 раз выше, чем среди населения России в целом). Это связано психологически с потерей контроля человека над процессами, прежде считавшимися «безопасными», а также с «отсутствием сенсорного восприятия радиации и невозможностью контролировать, что является существенной чертой радиационного дистресса» [Румянцева и др. 2006: 7, 13, 21]. Речь идет о целом спектре психических расстройств, повреждениях и дисфункциях головного мозга, когнитивных нарушениях памяти, речи, внимания, вплоть до выявления специфической патологии, названной авторами синдромом астенического аутизма. К сожалению, в обоих исследованиях в оценке характера экологического загрязнения выпал вопрос о месте и роли йодной составляющей изучаемых регионов, а в большинстве публикаций психиатров Института им. В. П. Сербского нет даже намека на уста-

новленную медициной этиологическую связь психических патологий с йододефицитными заболеваниями [Йодозависимые... 2012: 18].

Мозг и человек

В Докладе Всемирной организации здравоохранения, специально посвященном проблеме психического здоровья человечества, приводятся данные о динамике возрастания, «вследствие ускоренного темпа современной жизни», бремени психических и неврологических расстройств в общей статистике заболеваний: в 1990 г. эта цифра равнялась 10 %, в 2001 – 12,1 %, а к 2020 г. она возрастет как минимум до 15 % [Психическое здоровье... 2001]. И тем не менее психическое здоровье все еще остается на периферии медицинской науки, клинической практики и бюджетного финансирования. И это притом что, согласно Докладу ВОЗ, организация эффективной помощи людям с психическими проблемами, поведенческими расстройствами и заболеваниями головного мозга является неременным условием выживания человечества в стремительно меняющейся социальной и экологической среде.

Актуальность и значимость данной инициативы трудно оспаривать. Инсульты, головные боли, психические расстройства, депрессии, слабоумие становятся эпидемией в развитых странах. Отчасти это связано с тем, что традиционные подходы к лечению устарели. Сегодня многие специалисты отмечают обидный разрыв между достижениями науки и методами, используемыми на практике. Огорчает также разобщенность во взаимодействии специалистов разных дисциплин, даже среди тех, кто работает в одном учреждении. При этом подавляющее большинство людей даже не подозревают, что набирающие темп различные формы зависимостей, экологическая обстановка, низкокачественные продукты, гиподинамия и постоянный стресс – это не просто неблагоприятные «издержки» цивилизации, но факторы, которые неизбежно приводят к инсульту, деменции, психическим расстройствам. Мало кто знает, что, питаясь фастфудом, мы наносим вред не только желудку, но попадаем в группу риска по развитию слабоумия! Или что музыка может как повышать настроение, так и выводить из тяжелых депрессивных состояний, способствовать реабилитации после инсульта. Таким же мощным потенциалом обладают и спорт, и кино, и секс, и эргономичная мебель.

Формально головной мозг – одна из частей тела, конечно, специфическая, эволюционно наиболее молодая, отличающая человека функциональной и гендерной дифференциацией больших полушарий от всех других живых существ, имеющая своим фундаментом созданную длительной эволюцией систему физиологических структур и процессов всего остального организма. В организме человека 80 % генов «работают» на мозг. Он потребляет 20–25 % энергии индивида, а у младенцев – 80 %. Если все основные органы человека имеют аналоги у млекопитающих, то мозг человека в этом смысле уникален. У головного мозга единая с остальным телом система кровоснабжения и дыхания, обеспечения кислородом, водой, витаминами, микроэлементами и связанной с ними биоэнергетикой [Саркисов 1999: 19].

Мозг является одновременно и объектом познания, и его субъектом, воспринимающим с помощью зеркальной системы нейронов информацию о самом себе и других людях, а также об окружающей среде и внутреннем мире человека. Окружающий нас и внутренний виртуальный мир для нас таков, каким доносит

его до нас наш физиологический орган – мозг. При всем духовном богатстве (или убожестве) конкретной личности мозг живет своей особой жизнью. Например, в ситуации выбора и принятия решения мозг делает это на 20–30 миллисекунд раньше, чем узнает об этом его хозяин. Это дает некоторым специалистам основание говорить о наличии у мозга некоего физиологического аналога свободы воли [Черниговская 2010: 462]. По данным Европейского совета по проблемам головного мозга, 1/3 всех патологий современного населения планеты составляют болезни мозга, которые к 2030 г. грозят опередить сердечно-сосудистые заболевания и онкологию.

В России, население которой перенесло тяжелейший постсоветский психосоциальный стресс [Кара-Мурза 2013: 10–19], сегодня насчитывается 27 млн психически больных и порядка 10 млн жертв природных и технологических катастроф, войн, локальных вооруженных конфликтов, криминальных нападений, изнасилований, похищений, захвата заложников. У большинства пострадавших обнаруживаются посттравматические стрессовые расстройства, реактивные состояния, различные формы неврозов, депрессивных состояний [Мухамедиев, Холландер 2011: 82]. К столь страшным цифрам следует добавить еще 7,5 млн человек, эпизодически страдающих пограничными расстройствами психической деятельности [Демчева, Чуркин 2012: 5–6]. Грустный итог: треть населения страны (это уже не метафора вроде того, что нет полностью здоровых, а есть недообследованные, но упрямая вещь – статистика) нуждается в помощи профессиональных врачей-психиатров. Однако в российской системе здравоохранения к 2011 г. (после ее многоступенчатой инновационной модернизации) осталось всего 14 117 психиатров – физических лиц. Вместе с судебными экспертами, сексологами и психотерапевтами они занимают 21 577 должностных вакансий. Примерно 37–38 тысяч реальных и потенциальных подопечных, непосредственно нуждающихся в их регулярной помощи и рассеянных на громадных просторах страны, приходится на одного психиатра с медицинским дипломом [Гурович 2012: 5]. Налаженная в СССР система эффективной (при всей стигматике по отношению к ней массового сознания) психиатрической помощи населению «скукоживается», подобно мифической шагреновой коже. В рамках кампании по совершенствованию медицинской помощи населению происходит сокращение не только числа врачей-психиатров, но и коечного фонда психических больниц и стационаров без адекватного их замещения системой специализированной амбулаторно-поликлинической помощи. Поэтому острая проблема психического здоровья населения как необходимой предпосылки формирования основ ноосферного интеллекта выходит за рамки психиатрии в область социальной философии и философской антропологии.

Как с таким тяжелым психическим балластом решать проблему гармонизации отношений общества и природы в процессе становления ноосферы, суть которого В. И. Вернадский видел в разумном управлении биосферой [Урсул А. Д., Урсул Т. А. 2013: 318–365]? Академик Н. Н. Моисеев назвал свой сценарий технологической реализации идеи ноосферы: «Коллективный интеллект, вооруженный технологией искусственного интеллекта, – вот дальнейший путь развития информационной истории биосферы» [Моисеев 1993: 48–49]. Только так человечество получит шанс сохранить себя в биосфере. Ситуация остро драматическая, но еще не абсолютно безнадежная, хотя «точка невозврата» уже недалеко. А пока, реаги-

руя на бунт поверженной природы, приходится кардинально и незамедлительно менять стратегию выживания человечества, во многом зависящую от уровня его психического здоровья. Поэтому от своевременного придания отечественной психиатрии статуса приоритетной сферы здравоохранения зависит не только психическое, но и соматическое здоровье населения, демографический потенциал нации как непереносимое условие благополучного будущего России.

Литература

- Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Мысль, 1988.
- Андреев И. Л. Проблема здоровья человека // Вестник РАН. 2008. № 8. С. 726–733.
- Андреев И. Л. Зеркальные нейроны – физиологический фундамент общения и сознания // Психическое здоровье. 2013. № 10. С. 75–83.
- Андреев И. Л., Назарова Л. Н. Психиатрия как предмет образования и просвещения // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 57–67.
- Байда С. Е. Геофизическое оружие – новая угроза миру // Глобальные тенденции развития мира. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 14 июня 2011 г., ИНИОН РАН). М. : Научный эксперт, 2012. С. 394–407.
- Гурович И. Я. Состояние психиатрической службы в России: актуальные задачи при сокращении объема стационарной помощи // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. № 4.
- Демчева Н. К., Чуркин А. А. Оценка состояния психического здоровья и факторы риска формирования психических расстройств. М. : ГНЦССП имени П. В. Сербского, 2012. С. 5–6.
- Йодозависимые заболевания в Российской Федерации: время принятия решений / под ред. И. И. Дедова, Г. А. Мельниченко. М., 2012.
- Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М. : Научный эксперт, 2013.
- Моисеев Н. Н., Фролов И. И. Высокое соприкосновение: Общество, человек и природа в век микроэлектроники, информатики и биотехнологии // Вопросы философии. 1984. № 9. С. 24–41.
- Моисеев Н. Н. Восхождение к разуму. Лекции по универсальному эволюционизму и его применениям. М., 1993. С. 48–49.
- Мухамедиев Д. М., Холландер А.-К. Применение скрининговых инструментов для диагностики посттравматических стрессовых расстройств, депрессивных и тревожных расстройств у лиц, пострадавших в результате вооруженного конфликта // Российский психиатрический журнал. 2011. № 1. С. 78–82.
- Новосельцев В. Н. Гомеостаз и здоровье: анализ с позиций теории управления // Автоматика и телемеханика. 2012. № 5. С. 97–110.
- Положий Б. С., Максимов А. В. Распространенность и программы профилактики психических расстройств в районах экологического неблагополучия. Методические рекомендации. М., 2010.
- Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда. Доклад ВОЗ. Женева, 2001.

Румянцева Г. М., Перевертова Ю. Г., Левина Т. М. и др. Особенности психических расстройств при сосудистых заболеваниях головного мозга у участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС // Российский психиатрический журнал. 2004. № 4. С. 57–62.

Румянцева Г. М., Чинкина О. В., Левина Т. М., Соколова Т. Н., Перевертова Ю. Г., Степанов А. Л., Сидорюк О. В. Выявление и диагностика психической дезадаптации у населения, подверженного повышенным уровням радиационного воздействия. Пособие для врачей. М. : Мин-во здравоохранения и социального развития Российской Федерации, 2006.

Саркисов Д. С. Философия в системе медицинского образования // Клиническая медицина. 1999. № 1. С. 19.

Урсул А. Д., Урсул Т. А. В. И. Вернадский и глобально-ноосферные исследования // ВВ : Проблемы общества и политики, 2013. № 3. С. 318–365.

Ферронский В. И., Поляков В. А. Изотопия гидросферы Земли. М. : Научный мир. 2009. С. 235–237.

Черниговская Т. В. Мозг и язык: врожденные модули или обучающая сеть? // Вестник РАН. 2010. № 5–6.

Ehrlich P., Ehrlich A. Population, Resources, Environment. San Francisco, CA : W. H. Freeman and Company, 1970.

Moore F. Diet for a Small Planet. New York : Ballantine Books, 1975.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

КУЛЬТУРНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ КАК СИМПТОМ/ПРИЧИНА/ СЛЕДСТВИЕ ЗАКАТА ЕВРОПЫ

Торосян В. Г.*

Обращаясь к работе О. Шпенглера, известной у нас как «Закат Европы», напомним, что Шпенглер отсчитывает этот закат с начала XIX в., а кульминацию его относит к рубежу XX–XXI вв. В статье обращается внимание, что начало XIX в. ознаменовалось кризисом и фактическим провалом крупнейшего европейского проекта – Просвещения, а начало XXI в. – проекта единой мультикультурной Европы. Различие, однако, в том, что тогда доминирующей была позиция европоцентризма, а сейчас, напротив, происходят размывание европейской идентичности и фактическая культурная капитуляция Европы. Это в равной мере и симптом, и причина, и следствие весьма разрушительного процесса.

Ключевые слова: «Закат Европы», европоцентризм, мультикультурализм, культурно-цивилизационные разломы, культурная капитуляция.

Turning to the work of Oswald Spengler, namely, “The Decline of Europe”, the author recalls that Spengler counted the sunset from the beginning of the nineteenth century and related its culmination to the turn of the twentieth and twenty-first centuries. The article points out that the early nineteenth century was marked by the crisis and the actual failure of the largest European project – the Enlightenment, while the beginning of twenty-first century by the failure of united multicultural Europe. The difference, however, is that in the former case the position of Eurocentrism was dominant, and now, on the contrary, there is a blurring of the European cultural identity and the actual cultural surrender of Europe. This, in equal measure, is a symptom and a cause and a consequence of a very destructive process.

Keywords: “Untergang des Abendlandes”, Eurocentrism, multiculturalism, cultural and civilizational fracture, cultural capitulation.

В своей знаменитой работе, известной у нас как «Закат Европы», Освальд Шпенглер отсчитывал этот закат с начала XIX в., а точку наибольшего сгущения относил к рубежу XX–XXI вв. Нелишне при этом вспомнить, что в оригинале она называлась “Untergang des Abendlandes”, то есть «Закат вечерних стран», тем самым имелась в виду западная цивилизация в целом, включая мощную и стремительно восходящую Америку. Нелишне вспомнить и то, что указанный труд пи-

* Торосян Вардан Григорьевич – д. ф. н., профессор кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного института культуры. E-mail: torosyan5@mail.ru.

сался в годы Первой мировой войны, своеобразной кульминации кризиса империализма. Конечно, автор не мог предвидеть конкретных событий, например Великой депрессии, потрясшей всего лишь десять с небольшим лет спустя ту же Америку, как и не мог быть оракулом в предсказании даты Второй мировой войны, неизбежность которой была для него очевидна, потребовав, кстати, немалой изобретательности для отказа от сотрудничества с фашистским режимом.

Человечество, пережившее с тех пор несколько серьезных, хотя и разного рода, потрясений и вступившее в эпоху перманентного кризиса, в большинстве своем видит его экономические проявления, радуясь признакам роста производства и не задумываясь о том, что рост производства неизбежно порождает проблему роста потребления. Дотошные социологи подсчитали, что лишь 4 % ведущих фирм вкладываются в действительные инновации, остальные же – не в производимую продукцию, а в ее продвижение на рынок, проще говоря, рекламу [Наука... 2015: 26].

Между тем наиболее «вредная», а проще – наиболее критично мыслящая часть человечества, философы, давно уже предупреждает, что в основе любых кризисов лежит кризис культуры, а кризис экономический – лишь вершина айсберга, конечно, особенно заметная.

И сегодня вполне актуально наблюдение того, что именно экономический кризис люди «ощущают на своей шкуре (а у большинства шкуры чувствительнее духа, и с этим ничего не поделаешь)». Автор этого наблюдения, Йохан Хейзинга, в 1935 г., когда в Германии, стране величайшей культуры, всюду разворачивался фашизм, написал книгу с характернейшим названием – «В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи». Глава I «В ожидании катастрофы» начинается словами: «Мы живем в мире одержимости. И мы это знаем... Ни для кого бы не было неожиданностью, если бы однажды безумие вдруг прорвалось в слепое неистовство, которое бы оставило эту бедную европейскую цивилизацию отупелой и умоисступленной, ибо моторы продолжали бы вращаться, а знамена – реять, но человеческий дух исчез бы навсегда» [Хейзинга 1992: 246].

Й. Хейзинга продолжает: «Мы воочию видим, как шатается все то, что казалось прежде незыблемым и священным: истина и человечность, право и разум. Мы видим, как перестают функционировать государственные институты, хиреют производственные системы. Мы видим, как продолжают отчаянно работать входную производительные силы» [Там же].

И тут же он говорит: «Но здесь тотчас же напрашивается противопоставление. Никогда прежде человек не осознавал столь же ясно, как теперь, повелительную необходимость сообща трудиться над сохранением и совершенствованием земного благополучия и культуры... Если эта цивилизация будет спасена, если она не потонет в веках варварства, но, сохранив свои высшие ценности, доставшиеся ей по наследству, перейдет в обновленное и более прочное состояние, тогда совершенно необходимо, чтобы ныне живущие отдавали себе отчет в том, насколько далеко зашла угрожающая этой цивилизации порча» [Там же].

С полным правом относя эти мысли к нашему времени, можно усмотреть некоторые общие признаки кризиса Европы в его начале, по Шпенглеру, и сегодня. Начало XIX в. – это прежде всего кризис в области культуры (при всех выдающихся достижениях в различных областях), а именно – провал программы Просвещения, этого сугубо европейского проекта, который не только не распространился за пределы Старого Света, но и в самой Европе не оправдал связанных

с ним надежд. Последние струйки Просвещения усыхают с походами Наполеона, в котором лишь поначалу могли узреть «шестиве по земле мирового духа» (Гегель) и хотели посвятить ему «Героическую симфонию» (как намеревался Бетховен). «На всем девятнадцатом веке лежит горькая печать тяжкого трудового дня», – констатировал уже из века двадцатого младший современник Шпенглера Х. Ортега-и-Гассет, во многом, как и он, вышедший из «философии жизни».

На рубеже XX–XXI вв. все чаще стали вспоминать суровую критику социально-культурной ситуации в Европе XIX в., высказанную с различных, но взаимодополняющих позиций мыслителями того же века – К. Марксом, Ф. Ницше, Н. Я. Данилевским, Г. Риккертом. О «нечеловеческих, поработающих потребностях», об отчуждении людей писал уже тогда К. Маркс, и чем дальше, тем больше мы ужасаемся глубине его прозорливости, живя в эпоху тотального консюмеризма, трансформирующего индивидов в «дивиды» (З. Бауман), разобщенных и разделенных компьютерными столиками. Маркс писал и о неизбежности глубочайших кризисов капитализма, что не послужило предостережением для стран «золотого миллиарда», которые к концу XX в., после окончания холодной войны, готовы были поверить в «конец истории», то есть в неизбежность ее подчинения единому стандарту. Неслучайно сразу после кризиса, потрясшего мир в 2008 г., тиражи книг К. Маркса удвоились и утроились прежде всего на его родине, флагмане «единой Европы». Ирония судьбы – у нас, где особым образом понятый марксизм был официальной идеологией, вскоре после развала советской системы произведения Маркса исчезли не только из магазинов, но даже из библиотек, и только сейчас возникла необходимость и возможность перечитать его вновь.

О «смерти бога» писал Ф. Ницше, «философ нелицеприятных истин», замечая, что наиболее аморальные действия, как правило, обосновываются/оправдываются с позиций высокой морали (как это актуально и сегодня!). «Вся наша европейская культура <...> как бы направляется к катастрофе» – это написано задолго до «Заката Европы». Суровый пророк Ницше предсказал, что в XX в. пойдет борьба за мировое господство – и пойдет она под знаменами основоположников философских учений. Мало кому из философов так не повезло, как Ницше и Марксу, чьи имена и оказались на знаменах тоталитарных режимов XX в.

Европа XIX в. продолжала колонизацию всего мира, сочетая с военно-политической и экономической экспансией еще и культурный империализм. Его опасность (как для колонизируемых, так и для колонизаторов) была замечена уже тогда. (Впрочем, можно вспомнить и тот урок, который получил в Индии Александр Македонский, признавший, что эта страна не нуждается в его культуртрегерской миссии.) Примечательно, что об опасности европоцентризма, «насилственности энергетического характера романо-германских народов» писал не только русский историк Н. Я. Данилевский, но и немецкий философ Г. Риккерт, замечая, что притязания той или иной культуры на исключительность, попытки навязать свои ценности всему человечеству обедняют саму эту культуру, лишают ее притока свежей крови. Данилевский, не соглашаясь с тем, что прогресс – свойство именно европейской культуры, а застой – азиатской, рассматривает и прогресс, и застой как «характеристические признаки того возраста, в котором находится народ» [Данилевский 1991: 75]. «Народу одряхлевшему, отжившему, свое дело сделавшему и которому пришла пора со сцены долой, ничто не поможет,

совершенно независимо от того, где он живет – на Востоке или Западе. Всеми живущему... дается только известная сумма жизни, с истощением которой оно должно умереть» [Данилевский 1991: 74]. Это очень серьезное наблюдение-предупреждение.

В книге «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский, выделяя различные культурно-исторические типы, замечает, что воздействие одного типа на другой еще не есть передача культурного наследия, хотя возможны «прививки», когда один культурно-исторический тип «приносится в жертву другому». Возможны также случаи, когда, сохраняя свою самостоятельность, определенный тип культуры служит материалом для органичного строения нового типа, служа «удобрением» для этого.

Важное условие цивилизационного расцвета, полноты жизни и подлинного развития – в разнообразии состава народов, входящих в данный тип. Период «цивилизации» крайне короток, после чего наступает период застоя, иссякания творческой активности, «апатии самодовольства» (современный Данилевскому Китай) или «апатии отчаяния» (Рим).

О том же писал О. Шпенглер, располагавший новыми фактами, подтверждающими концепцию Н. Я. Данилевского (независимо от того, был ли он с ней знаком). «Безрадостной картине линейной всемирной истории» (предполагающей европоцентристскую модель. – В. Т.) он противопоставлял «настоящий спектакль мощных культур», с первозданной силой развивающихся из лона материнского ландшафта, к которому каждая из них строго привязана всем ходом своего существования, чеканя на своем материале – человечестве – собственную форму и имея каждая *собственную* идею, *собственные* страсти, *собственную* жизнь, волеия, чувствования, *собственную* смерть» [Шпенглер 1993: 151].

Культура – «нечто, лежащее между жизнью и смертью», как пишет Шпенглер, «противостоящее им, но и объединяющее их». Со временем «жизнь» как источник творческой энергии омертвляется, и тогда инстинктивный импульс к действию превращается в разумно рассчитанное удовлетворение потребностей, творческое горение духа застывает в законченных, неподвижных, приобретающих конкретную цену продуктах творчества. Это и есть цивилизация, окостеневшая мумия культуры, ее «самые крайние и самые искусственные состояния». Они – завершение, они «следуют за становлением как ставшее, за жизнью как смерть, за развитием как оцепенение». Произведения искусства, научные достижения, культурные символы, конечно, не погибают, они остаются, но жить они могут только в душах людей, наполненных смыслами и ценностями данной культуры [Там же: 164].

При самых различных взглядах на соотношение культуры и цивилизации можно заметить, что в периоды относительно устойчивого состояния общества эти понятия сближаются (в начале эпохи Просвещения они и вовсе отождествлялись. – В. Т.) – прежде всего в сознании современников, а затем и последующих поколений, в эпохи же разлада, развала, деструкции больших социально-исторических систем налицо расхождение (и даже противоречие) между цивилизационными и культурными регулятивами и моделями деятельности, ведущее к социально-политическим стрессам, кризисам и даже исчезновению данной социально-исторической общности [см.: Ракитов 1999: 17]. Замечено и то, что культура изменяется в течение долгого времени, цивилизационные же стандарты и нормы – быстро. Каждая культура имеет своеобразный защитный пояс, тем не менее

противостояние культуры и цивилизации может приводить к крайне серьезным напряжениям и последствиям, в том числе и для культуры. Речь должна идти не о выборе между культурой и цивилизацией, а о трансформациях, снимающих эти напряжения и приводящих их в соответствие.

Не ставя целью вступать в бесконечную дискуссию о соотношении культуры и цивилизации, воспользуемся относительно недавно появившимся понятием «культурно-цивилизационные системы» [Чумаков 2006: 377], исходящим из того, что культурную составляющую фактически уже невозможно отделить от цивилизационной, и наоборот. Как замечает при этом А. Н. Чумаков, если в понятии «культура» акценты смещаются в сторону состояния, то термин «цивилизация» акцентирует внимание на отношениях. Вместе с тем культура – это как бы внутренняя характеристика общества, а цивилизация характеризует общество с точки зрения форм его управления, функциональных связей и отношений [см.: Он же 2015: 41]. Таким образом, в рамках одной цивилизации могут оказаться государства с различной культурой, как, например, в Европе.

Тому же автору принадлежит интересное наблюдение, касающееся стыков культурно-цивилизационных систем, которые можно сравнить с тектоническими разломами в земной коре, когда соприкосновение литосферных плит приводит к землетрясениям [Там же: 43–44]. Именно это происходит сегодня при соприкосновении/столкновении западноевропейской культурно-цивилизационной ойкумены с примыкающими к ней североафриканской, ближневосточной, а в определенной степени и восточноевропейской [Там же].

Особенно остро это стало ощущаться в связи с небывалым наплывом в Европу мигрантов, принявшим характер стихийного бедствия и фактически обнажившим давно наметившийся если и не провал, то, во всяком случае, серьезнейший кризис грандиозного проекта, во многом сопоставимого с проектом Просвещения, а именно – единой Европы. Вспомним, кстати, что идея единой Европы, в некотором смысле Соединенных Штатов (государств) Европы, возникла (и вовсе не случайно) в эпоху Просвещения, ее весьма убедительно обосновывал И. Кант.

Могло показаться, что этот проект наконец реализовался, пусть и два столетия спустя. Прошло, однако, свыше двадцати лет со дня официального создания Евросоюза в 1993 г., но Европа так и не стала единой, и, как, видимо, приходится признать, не могла стать таковой. На территории Евросоюза проживают народы с серьезными различиями в истории, культуре, традициях, менталитете, слишком разным уровнем экономики обладают входящие в него государства. Особенно ощутимо это сказалось с введением единой евровалюты. Отмечая его как праздник, жители европейских государств в самом ближайшем времени заметили, что это привело к резкому росту цен в странах с более слабой экономикой, даже таких достаточно благополучных, как Италия, Испания, Кипр. Особые опасения (как видим, вполне обоснованные) изначально вызывало вхождение в зону евро Греции. Решающим, однако, оказался аргумент в пользу того, что Греция – колыбель европейской демократии. (В этой связи вспоминаются тщетные попытки участников Всемирного философского конгресса, прошедшего в 2013 г. в Афинах, обнаружить там хотя бы следы Академии Платона.)

Изддержки столь трепетного отношения к европейской демократии и «европейским ценностям», почему-то не вполне разделяемого за пределами Европы, да и в ней самой, становятся все более болезненными. В той же Греции, наиболее

слабом звене экономики Евросоюза, не только продолжают свято соблюдать трехчасовой дневной отдых (так же как в Испании и Италии), но говорят об этом с гордостью как о важном элементе национальных культурных традиций. При этом даже на официальном уровне озвучивается мысль, что если государственные лидеры Евросоюза желают его сохранить, пусть они и «вытягивают» греческую экономику. При этом приводится вполне серьезный аргумент: при вступлении в Евросоюз Грецию буквально вынудили в значительной степени свернуть свое сельское хозяйство, действительно с уходящими в глубину веков традициями. В условиях весьма жестких требований, предъявленных к Греции лидерами Евросоюза и Международным валютным фондом, всплыло даже требование компенсировать убытки, нанесенные Греции немецкой оккупацией в ходе Второй мировой войны. Греческие демонстранты не отказали себе в удовольствии встретить канцлера Германии фрау А. Меркель баннерами с ее изображением на фоне свастики.

Да и в самой Германии давно уже, и до мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., и задолго до нашествия мигрантов, складывалось все не так гладко. Там до сих пор не преодолен раскол между Восточной Германией (бывшей ГДР) и Западной, фактически вобравшей ГДР в свой состав. Граждане бывшей Германской Демократической Республики тоскуют о социальных гарантиях, которые они имели до того, жители Западной Германии, в свою очередь, считают их нахлебниками, которых они вынуждены подтягивать до своего уровня зарплат и пенсий – при развалившейся экономике, с которой они пришли. Шокирующими оказались результаты социальных опросов, проведенных авторитетным журналом «Штерн»: через 15 лет после падения Берлинской стены каждый пятый немец не возражал бы против ее восстановления, а каждый восьмой готов для этого даже платить дополнительные налоги [Виллегас 2004].

Весьма серьезные центробежные процессы происходят сейчас и внутри других государств Европейского союза, где более богатые регионы требуют выделения в отдельные государства. Никак не удается справиться с сепаратистскими настроениями в Каталонии, наиболее экономически развитой области Испании с весьма специфическими культурными особенностями, давно ощущающей себя государством в государстве, заявляющей о нежелании «кормить всю Испанию». С трудом в результате референдума, с незначительным перевесом голосов, удалось предотвратить выход из Объединенного Королевства Шотландии. Конечно, здесь важное место имел фактор «торга», приобретения дополнительных преференций внутри Великобритании. Вполне логично, что тем же путем пошла уже Великобритания, выставившая свои требования Евросоюзу с угрозой выйти из него. С другой стороны, в целях вхождения в Евросоюз разыгрывают антироссийскую карту Украина и Турция, в отношении которых дело не идет дальше туманных обещаний и вполне отрезвляющих предупреждений о реальном положении дел. Многие европейские государства уже познали цену подобным обещаниям, ничего не получив после многих уступок – кроме новых требований.

Ситуация в современном мировом и, конкретно, европейском раскладе вполне укладывается в модель фон Неймана, разработанную в теории игр и вполне применимую к политике. В либеральных моделях экономики господствовало представление, что общественное благо максимизируется, если каждый член общества действует, исходя из максимизации собственного блага. Фон Нейман

на основе математических расчетов показал, что общественное и индивидуальное благо максимизируется только тогда, когда каждый из членов сообщества действует, исходя не только из собственных интересов, но и интересов группы в целом (на примере «дилеммы заключенных» [см.: Хорошее... 143–144]). На международном уровне главы государств, выступая как неймановские игроки, могли бы договориться и сделать взаимный «дружественный» выбор (пусть и с некоторыми уступками на текущий момент) для обеспечения итоговой выгоды всех игроков. Однако вмешивается еще один план игры – внутренний. Политик играет еще и на рынке «внутренних симпатий». Если население той или иной страны считает, что незачем торговаться, когда нам и так все принадлежит «по праву», то политики, пошедшие на уступки (даже взаимные), никогда не будут пользоваться поддержкой – тем более если уступка оказалась односторонней, как это было с М. С. Горбачевым.

Еще в конце XIX в. Э. Дюркгейм писал о ситуации утраты ценностей как *аномии* – потере норм, рассматривая ее как «ситуацию накануне самоубийства». В развернутой характеристике аномия – это «состояние индивидуального и общественного сознания, характеризующееся разложением системы ценностей, обусловленным кризисом общества, противоречием между провозглашаемыми целями и невозможностью их реализации для большинства; проявляется в отчуждении человека от общества, апатии, разочарованности в жизни, преступности» [Новый... 2012: 80].

К концу XX в. аномия захватила значительную часть мира, в первую очередь посткоммунистического. Как заметил Р. Дарендорф, здесь аномия (отсутствие или рассогласование норм) пришла на смену гиперномии – сверхнормированности, присущей коммунистическим режимам [Дарендорф 1994]. Неизбежным образом «социально признанные значения» рассредоточились по разным слоям общества, формируя противостоящие друг другу ценности и отсутствие общих ценностей. Это создавало уже не раскол, а расколотость на кусочки.

В значительной степени этот процесс оказался характерным для Европы – по мере роста благосостояния входящих в Евросоюз государств, сменившись полной растерянностью после испытаний, выпавших на их долю уже в самые последние годы. Совершенно тупиковой оказалась ситуация с мигрантами, существующая уже очень давно, но разорвавшая все границы (в буквальном и переносном смысле) в конце 2015 – начале 2016 г. и ставшая суровым испытанием не только (и даже не столько) для европейской экономики, но и для европейской демократии.

Миграция в Европу, Германию и Францию, начавшаяся в 70-х гг. прошлого века – из Турции, бывших французских колоний Северной Африки, – была равномерной, контролируемой и даже управляемой. Более того, она была инициирована сытой Европой, которая с удовольствием принимала эмигрантов из бедных стран (Германия – из Турции, Франция – из Северной Африки) – некавалифицированную рабочую силу, готовую работать там, где европейцы не хотели: мусорщиками, чернорабочими и т. д., даже за такую работу получавшую зарплату, не сравнимую с той, на которую можно было рассчитывать в своей стране.

Прошло время, у эмигрантов родились и подросли дети (как правило, это многодетные семьи). Далеко не все воспользовались возможностями учебы, приобретения профессии, адаптации к новой для них культуре, которые предостави-

ли им принявшие их государства, нередко даже в ущерб и на зависть местному населению. Многократно возросшего количества мусорщиков и чернорабочих Европе уже не требовалось, а без образования ничего другого не оставалось. Какая-то часть, получив образование, продвинулась и проявила себя (известно, например, какой вклад внесли в математику и компьютерные технологии выходцы из Индии), но очень многие пополнили ряды безработных, преступников, предпочли иждивенческий образ жизни. И даже это могло быть преодолимо, но очень многие попросту не захотели адаптироваться к культуре стран, где они живут. Часто живя целыми анклавами, составляя большинство населения в тех или иных районах, они даже пытаются навязать привычные им представления и привычки местному населению. Так, с недавних пор на улицах некоторых районов Лондона, традиционно одного из самых спокойных и доброжелательных городов мира, появились «шариатские патрули», которые заставляют молодых людей, не вписывающихся в угодный им дресс-код, сменить одежду или просто прогоняют с улиц, отбирают у них вещи, с какими «не положено» появляться на улице (в свое время подобным образом у нас происходил отлов «стиляг»).

До поры до времени европейцы чувствовали себя хозяевами, готовыми «прикрыть полый своего плаща» (как в библейской истории) озябшего, помочь тому, кто нуждается в помощи, с образованием, выбором профессии и т. д. Они были убеждены, что в случае чего могут сделать внушение не в меру расшалившимся детям. В сложившейся ситуации Европа (так же как Америка), следуя исторически сложившейся идее мультикультурализма, попыталась найти выход в *гипертрофированной политкорректности*. Так, президент США в традиционном рождественском обращении к нации поздравляет сограждан «с праздником», избегая слова «Рождество», чтобы не оскорбить представителей нехристианских культурных традиций (особенно мусульман), хотя таковые уже веками живут в Америке, а многие празднуют этот день так же, как, скажем, День Благодарения, совершенно не связанный с религией. Жители пригорода Брюсселя из тех же соображений политкорректности принимают решение не устанавливать на площади новогоднюю елку, чтобы не обижать (не раздражать) мусульман (которые, кстати, с размахом отмечают свои праздники даже в европейских городах, включая Москву).

Стюардессу British Airways и лондонскую медсестру увольняют с работы за ношение крестиков, и если первой удастся оспорить это решение через Европейский суд, то у медсестры ничего не получается, так как крестик признан потенциально опасным для больных, словно не было тысяч сестер Красного Креста. Увольняют с работы человека (кстати, чернокожего – невзирая на политкорректность), сказавшего, что он не осуждает однополые браки, но и не одобряет их. Это значит, что при приеме на работу все претенденты должны давать подписку о горячем одобрении однополых браков и, возможно, скрывать свой традиционный брак. Может быть, придется проходить проверку на детекторе лжи в доказательство своей глубокой религиозности. Как же подобная политкорректность согласуется со свободой совести, провозглашенной в Декларации прав человека?

Как тут не согласиться с мнением о том, что подобная «дозированная демократия» выступает как весьма опасная форма тоталитаризма [Мионов 2012: 31]. Дьявол, как известно, кроется в нюансах. В свое время на страницах этого же журнала я поделился наблюдением о том, что в гипертрофированной политкорректной осмотрительности угадывается плохо скрытое высокомерие, снисхожде-

ние как к людям низшего сорта по отношению к тем, чьи чувства – национальные, религиозные, расовые, гендерные – никоим образом нельзя задевать, подобно тому как в присутствии хромых или горбатых не положено обсуждать подобные физические недостатки [Горосян 2012: 116]. Получилось, однако, так, что ради того, чтобы гости не чувствовали себя ущемленными, хозяева перестали ощущать себя хозяевами. Это понятно, объяснимо и оправданно, когда в гости приезжают люди того же воспитания, тех же культурных традиций, что и хозяева, не позволяющие злоупотребить оказанным им гостеприимством, не относящиеся к хозяевам сугубо потребительски: теперь уже не хозяева к гостям, а гости к хозяевам относятся как к обслуге!

Именно так происходит в сегодняшней Европе. Не признавая этого, руководители лидеров Евросоюза ощущают свою вину в возникновении теперь уже неуправляемого потока беженцев из Северной Африки и Ближнего Востока, ставших жертвами «революций» самых различных цветов и запахов. Но почему за это должны расплачиваться рядовые граждане, у которых отбирают дом, аренду которого они исправно оплачивали из поколения в поколение, чтобы поселить там непрошенных гостей, граждане, которым предлагают не посещать бассейн, опять же бесплатный для переселенцев, чтобы не смущать их принятыми в Европе купальниками и не стать объектами сексуальных домогательств и даже изнасилований со стороны «людей, похожих на мигрантов», как в Кельне и других городах Германии в новогоднюю ночь? И как расценить реакцию на это бургомистра Кельна, женщины, обвинившей в этом самих немцев, слишком весело и непринужденно, по чьим-то понятиям, празднующих Новый год? Что бы она сказала, если бы в такой ситуации оказалась она или ее дочь? Представим на минутку, какой бы поднялся всеевропейский шум, если бы даже в обычной уличной стычке или какой-либо иной выходке оказался замеченным россиянин. Немецкие полицейские в соответствии с высокими инструкциями не решаются задержать людей, которые в вагоне метро избili пожилую пару, сделавшую замечание слишком агрессивным молодым людям, – «полицейские этого не видели». Благовоспитанные немцы, готовые донести на соседку (ничего личного!), чья собака справила нужду в неположенном месте, стыдливо отворачиваются, когда то же самое делают «гости».

Из каких бы пустынь те бы ни прибыли, трудно поверить, что эти люди ничего не понимают. Теперь они не в пустыне, и нельзя мочиться в детской песочнице, а тем более в вагоне метро (был зафиксирован и такой случай). Что будут делать политкорректные городские власти, когда растущее глухое раздражение коренных жителей выплеснется в жестокие столкновения? А именно в них готовы вылиться многочисленные демонстрации (вот их полиция контролирует). Жертвами растущего недовольства неизбежно станут действительно несчастные и обездоленные, потерявшие кров беженцы, а не проникшие вместе с ними криминальные элементы и даже воспользовавшиеся лазейкой террористы. Не случайно стали закрывать свои границы многие европейские государства, и в первую очередь в Восточной Европе – Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, республики бывшей Югославии, не успевшие еще проникнуться политкорректностью в угрожающих здоровью формах. Решительные шаги предприняли даже Австрия и Великобритания, вопреки призывам к «европейской солидарности».

Конечно, Европа весьма озабочена демографическими проблемами – рождаемость там достигла критических значений, приводя к неуклонной убыли населения. Однако его прирост никоим образом не может быть сопряжен с подавлением европейской культуры и культуры как таковой. В свое время ливийский лидер Муаммар Каддафи предсказал, что в случае нарушения стабильности в Ливии и других государствах Северной Африки и Ближнего Востока Европа будет захлестнута потоком мигрантов: «Похоже, Аллах подарит мусульманам победу без мечей, оружия и завоеваний... Не нужны террористы, не нужны смертники, всего лишь через 20 лет десятки миллионов мусульман в Европе превратят ее в мусульманский континент» [цит. по: Елисеев 2016]. Каддафи был зверски убит, по указанным государствам прокатилась волна явно срежиссированных по сходным сценариям «революций», поток хлынул. Дело не в мусульманах как таковых, а в том, какие струи оказались вовлечены в этот поток. Мусульманские сообщества существуют в Европе уже многие столетия – как европейские мусульмане. Известно и о том благотворном влиянии, которое оказала на ту же Испанию и остальную Европу культура ислама в период ее своеобразного Возрождения. В испанской Кордове по сей день существует и функционирует *meskita-cathedral* (мечеть-собор), где под одной крышей проходят и христианские, и мусульманские службы.

В свое время гипертрофированное чувство вины за преступления, совершенные нацистами, привело многих родственников Гимmlера, Геринга и других фашистских бонз к решению о добровольной стерилизации. Не обсуждая оправданность такого решения, приходится констатировать, что Европа в некотором смысле вступила на путь культурной стерилизации: *из одной крайности культурного империализма (европоцентризма) в противоположную – отказа от собственного лица, собственной культурной идентичности, к фактической культурной капитуляции*. Уроки истории говорят о смертельной опасности такой позиции для сколь угодно крупных государств и даже империй. Известно, что в пламени исторических потрясений уцелели те народы и государства, которые сумели сохранить свою культуру, традиции, естественным образом обогащая их во взаимодействии с другими культурами. Об этом особенно следует помнить в современном многополярном, многовекторном мире.

Сейчас очень много пишут о необходимости диалога культур, об этом говорится и в весьма серьезных международных документах. Здесь, однако, требуется уточнение. Диалог культур – метафора, подобная понятию «дружба народов», очень популярному в советскую пору. Дружат не народы, «стенка на стенку», а конкретные люди, у которых различие национальностей не может препятствовать нормальному человеческому общению. И здесь мы вновь обращаемся к понятию культуры. Речь в таком случае идет о культуре отношений, уважении к человеку и его правам, ощущению того, что ты живешь в обществе и должен с этим считаться – и это должно происходить не под принуждением, а как естественная потребность. Все это можно обозначить хорошо знакомым понятием «цивилизованность». Цивилизованность в отношении к иным культурам – одно из величайших достижений европейской культурной истории, но никому из великих просветителей не пришло бы в голову, что европейцы во имя высоких идеалов могут так нецивилизованно отнестись к собственной культуре, поступиться ею. Приток свежей крови в «дряхлающую старушку Европу» (так ее охарактери-

зовал не кто иной, как римский папа) в той форме, как он происходит, чреват размыванием европейской культуры, и вовсе не в отдаленном, а самом ближайшем будущем, подтвердив сценарий Шпенглера. «Кто не заботится об отдаленном будущем, получит большие проблемы в самом ближайшем» (Конфуций).

Литература

Виллегас Е. 15 лет без стены прожили немцы – и успели по ней соскучиться // Российская газета. 2004. № 3627. 12 ноября.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

Дарендорф Р. Письмо польскому другу // Путь. 1994. № 3.

Елисеев И. Мечеть Парижской Богоматери. К 2050 году Европа может превратиться в мусульманский континент // Российская газета – Неделя. 2016. 11 февраля.

Мионов В. В. Глобализация и угрозы унификации // Век глобализации. 2012. № 1. С. 20–33.

Наука, технология, человек. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2015. № 9.

Новый энциклопедический словарь. М. : РИПОЛ классик, 2012.

Ракитов А. И. Наука, технология, культура в контексте глобальных трансформаций и перспективы устойчивого развития России // Наука, технология, культура. Глобальный процесс и проблемы России. М. : ИНИОН, 1999.

Торосян В. Г. К вопросу о толерантности в современном мире // Век глобализации. 2012. № 1. С. 115–118.

Хёйзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М. : Прогресс-Академия, 1992.

«Хорошее общество». Социальное конструирование приемлемого для жизни общества. М. : ИФРАН, 2003.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М. : Канон+ Реабилитация, 2006.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы в глобальном мире // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–47.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА С ПРИРОДОЙ

Олейников Ю. В., Борзова Т. В.*

В статье раскрываются роль и методологическая функция философии в осмыслении сущности и содержания глобальных процессов взаимодействия общества с природой, формулируются перспективы и направления дальнейшего исследования антропогенной эволюции бытия социоприродного Универсума.

Ключевые слова: глобальная проблема, глобальные процессы, взаимодействие природы и общества, экология, ноосфера, экосистема.

The paper considers the role and methodological function of philosophy in understanding the essence and subject matter of global processes of nature and society interaction. The author formulates the prospects and directions of further research of anthropogenic evolution of socio-natural Universum.

Keywords: global problem, global processes, interaction of nature and society, ecology, noosphere, ecosystem.

О возможности появления серьезных трудностей для существования человека и других живых организмов на Земле в связи с изменением привычных для них условий жизнедеятельности говорили давно. Результатом гениальных прозрений были и некоторые высказанные ранее идеи, созвучные по своему существу с идеями современной биосферной концепции. К примеру, еще П. Гольбах в своем знаменитом произведении «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного» писал: «Чтобы существа природы могли сохраняться или поддерживать свое существование, они должны приспосабливаться к целому, из которого возникли, иначе они не смогут существовать... Человеческий род есть произведение природы, ...его существование находилось и находится в соответствии с существованием земного шара, ...пока будет существовать это соответствие, человечество сохранится, ...если бы это соответствие прекратилось, то человеческий род изменился бы и уступил место новым существам, способным приспосабливаться к новому состоянию земного шара» [Гольбах 1963: 126–127].

Значительный вклад в методологию исследования проблемы взаимодействия общества с природой внесли К. Маркс и Ф. Энгельс. Не зря серьезный исследователь философских оснований марксизма и последовательный критик его догматических интерпретаторов В. Шмид-Коваржик писал, что в самых ранних произведениях и текстах Маркса содержится «удивительное для того времени предчувствие экологической проблемы» [Schmied-Kowarzhuh 1984: 16]. Методология ма-

* Олейников Юрий Васильевич – д. ф. н., в. н. с. сектора социальной философии Института философии РАН.

Борзова Татьяна Васильевна – к. ф. н., директор филиала РГСУ в г. Павловском Посаде. E-mail: mgcurr@mail.ru.

териалистического понимания истории и познания социальных процессов и вся совокупность эмпирических исследований, естественно-научные обобщения и мировоззренческие представления В. И. Вернадского, содержащиеся в его колоссальном научном наследии, позволили отечественным исследователям в советский период сделать значительные шаги в понимании предмета экологии, сторон экологического взаимодействия, состава экосистемы, факторов ее стабильности и нарушения ее динамического равновесия, продвинуться в осмыслении сущности и специфики локальных, региональных и глобального антропогенного экологического кризисов; наметить пути их преодоления и перспективы бытия социоприродного Универсума. Эти достижения – в основном итог труда многих отечественных исследователей.

Только опираясь на достижения науки прежних веков, используя наработки предшественников, можно двигаться вперед. К сожалению, по идеологическим соображениям исследования советского периода оказались невостребованными в гуманитарных науках и философии как в мировоззренческой дисциплине, что сказывается на современном состоянии разработки экологической проблематики и особенно на качестве учебников и учебных пособий по широкому спектру социально-экологических дисциплин. Чтобы не топтаться на месте, не скатываться назад, а идти дальше, необходимо активнее усваивать прошлый опыт и достижения, опираясь на научный потенциал всего человечества.

Как известно, понимание сущности сложных вещей и процессов – ключ к пониманию более простых явлений. То есть понять сущность и специфику любого предмета, явления, процесса можно тогда, когда предмет исследования достиг высшей фазы своего развития, когда проявились все его скрытые качества, противоречия бытия, потенции развития, когда многие его особенности стали чувственно-зримыми и доступными для непосредственного эмпирического наблюдения. Это методологическое положение справедливо и для социально-экологического знания. Определить более или менее адекватно предмет экологии, ее место в системе наук, а также понять движущие силы, причины, сущность и содержание ключевых моментов бытия любой экосистемы: основных факторов состояния динамического равновесия, кризиса экосистемы и ее катастрофы и др., – стало возможно тогда, когда планетарная экосистема прошла основные фазы своего становления, зрелости, испытала кризисы эндогенной эволюции и вступила в период деградации в результате мощного воздействия на нее одного из своих элементов – человека, вооруженного созданными им техническими средствами преобразования природы, с помощью которых он смог в короткое время, практически в течение одного столетия, качественно и количественно изменить многие, остававшиеся в веках неизменными, фундаментальные биогенные характеристики планетарной экосистемы. Но не только негативные факторы изменения глобальной экологической ситуации способствовали осмыслению сущности и специфики ее развития. Не менее важным оказался опыт анализа реальных предпосылок становления ноосферы: развитие науки и техники, их использование в материальном производстве, глубокие социальные трансформации, формирование новых мировоззренческих максим и ценностных приоритетов.

Прорыв в понимании реальных процессов в бытии не только глобальной экосистемы, но и локальных экологических систем стал возможен благодаря многообразной практике взаимодействия природы и общества, ее осмысления всем комплексом естественных и социальных наук, особенно философией, ибо именно

специалисты, изучавшие философские проблемы взаимодействия общества с природой, и представители социальной философии рассматривали проблемы бытия планетарной экосистемы на уровне взаимодействия предельно общих проявлений материального мира, бытия социоприродного Универсума – природы и общества. Только с высоты философского осмысления сущности и содержания качественно разных сторон взаимодействия социоприродной экосистемы, которая фактически является и планетарной экосистемой, стало понятно многое в бытии более простых экосистем.

Правоту этого утверждения хорошо иллюстрирует сам процесс развития экологического знания. Пока не был строго определен предмет экологического знания, «все было экологией» [Кобылянский 2010: 12–14]. Пока глобальный антропогенный кризис не стал реальностью, многие гениальные прозрения и теоретические разработки предшественников, полученные путем непосредственного конкретного научного исследования и строго логического обобщения, не были востребованы ни представителями конкретных дисциплин, ни философией и оставались достоянием архивов и библиотек. И только когда явление стало чувственно-зримым, идеи биотической природы бытия и кризиса экосистемы стали осваиваться, проникать в сознание ученых, использоваться в их разработках. Этот процесс был длительным и сложным и соответствовал скорости постижения современниками процессов нарастания глобального антропогенного экологического кризиса. Вся глубина и значимость этих достижений стала явственной только в наше время.

Ситуация с пониманием экологических проблем взаимодействия общества с природой напоминает историю, описанную Н. Н. Миклухо-Маклаем. Однажды, когда он с папуасами, среди которых жил, сидел на берегу лагуны, в нее вошел большой трехмачтовый корабль, но никто из бывших на берегу аборигенов не обратил на это никакого внимания. И только когда с корабля спустили шлюпки, похожие на привычные маленькие пироги папуасов, последние оживились, на берегу началась суеда и паника. Для этих людей громадный корабль был совершенно незнакомым объектом, поэтому они его не заметили и никак не среагировали на его появление. Бурной оказалась реакция на объекты, похожие на знакомые. Так же и с В. И. Вернадским. Его грандиозные идеи вначале оказались незамеченными и не оцененными, их понимание и использование в работе многих исследователей началось только через освоение ряда частных, конкретно-научных представлений. Потом последовало осознание положений более общего порядка, а уж затем – философских мировоззренческих обобщений. И именно эти обобщения стали ключом к постижению конкретного в абстракции, то есть методологическим ключом к глубокому теоретическому осмыслению сути и специфики отдельных конкретных процессов бытия экосистем разной степени сложности.

Философское постижение бытия глобальной экосистемы дает методологию анализа частных проблем бытия локальных экосистем на уровне глубинных причин и движущих сил их развития. В свою очередь новые данные, полученные в течение полувекового исследования нарастания реального глобального антропогенного экологического кризиса, позволили конкретизировать как частные, так и общие проблемы, собрав дополнительный и более точный конкретно-научный материал, и с точки зрения новых достижений науки и практики верифицировать философские идеи и конкретные данные, на которых они основывались. Позволили практикой проверить теорию, внести определенные коррективы, уточнить

многие понятия, выводы, положения и в целом – сделать определенный шаг в дальнейшем постижении сложных проблем бытия Универсума, дали методологию подхода к исследованию частных проблем экологических наук, позволили наметить стратегию преодоления угрозы глобальной экологической катастрофы.

Вместе с тем чем выше уровень абстракции, чем больше ученый абстрагируется от массы нюансов и конкретных проявлений бытия общего, тем ближе сущность проблемы, тем легче ее теоретическое постижение. Пример с постижением сущности глобального экологического кризиса показывает, что сведение живых организмов к живому веществу и человечества к некоему монолитному целому позволило противопоставить их природе, тоже понятой как некое неделимое целое, и таким образом свести планетарную экосистему к взаимодействию практически двух элементов, двух системных комплексов «природа – общество» [Кутырев 1986: 12–20], позволило Вернадскому вскрыть сущностные аспекты их взаимодействия.

Все складывается гораздо сложнее, когда приходится анализировать конкретные объекты, в которых во много раз возрастает сложность их реальных взаимосвязей и взаимодействий. Одно дело рассматривать человечество как часть живого вещества, для которого экологической нишей является практически вся планета, которое вездесуще, «всёядно», вплетено почти во все биогеоценозы, составляя часть последних, но часть специфическую, и подчинено наиболее общим экологическим законам взаимодействия живого вещества с окружающим миром. Другое дело конкретный социальный организм, человеческая популяция, отдельный человек, бытие которых в природе обусловлено многими не только экологическими, но и социальными факторами, законами, где человек выступает не только как элемент определенной экосистемы, но и как член определенного социального коллектива, популяции, обитает в определенной экологической нише, его бытие детерминировано законами государства, нормами этики, технологической системой и т. д. и т. п.

Словом, экология человека опосредована многими неэкологическими факторами, без учета которых невозможно понять особенности его взаимодействия с окружающей биогенной средой. Здесь легко принять явление за сущность, выдать видимость за реальность, желаемое за действительное. Поэтому все прежние попытки определить сущность глобального антропогенного экологического кризиса и локальных экологических кризисов, исходя из анализа конкретного многофакторного взаимодействия отдельных живых организмов, человека и человеческих ассоциаций, дало множество различных противоречащих друг другу интерпретаций предмета экологии, экологии человека и социальной экологии, причин экологических трудностей, определения экологического кризиса и его сущности. Это неудивительно. Давно известно: тот, кто берется за решение частных проблем, не уяснив себе их место в системе более общих, обрекает свою деятельность на бесконечные «шатания» и беспринципность. Только философское постижение сущности экологического взаимодействия, философское понимание структуры экосистемы, экологического кризиса дает методологический инструментарий к постижению конкретного в его сущностном аспекте и фактическом многообразии, дает методологический подход к теоретическому постижению частного как проявления общего, что позволяет увидеть его сущность, понять реальные причины становления и развития явления, факторы его бытия и перспективы эволюции, найти ответы на многие конкретные вопросы.

Глобальный антропогенный экологический кризис как момент естественно-исторического процесса взаимодействия природы и общества и наиболее сложная форма проявления экологических кризисов является предметом социально-философского анализа. Его постижение дает ключ к пониманию экологических кризисов на уровне природных экосистем, позволяет вскрыть специфику современной экологической ситуации на планете и определить перспективы эволюции социоприродного Универсума.

В этой связи задачей для современных экологов является максимальное использование философской методологии анализа сущности экологического кризиса в осмыслении множества конкретных проблем частных экологических знаний и особенно экологии человека и взаимодействия общества с природой. Философское понимание сущности и причин глобального экологического кризиса ставит перед представителями конкретных естественных наук задачу четкого определения количественных пределов биогенных констант бытия как отдельных экосистем, так и планетарной экосистемы.

Определение реальных биогенных пределов бытия экосистемы весьма актуально, так как в современном экологическом знании понятие пределов чрезвычайно распространено и понимается неоднозначно. Нам представляется перспективным различение абсолютных и относительных экологических ограничений (пределов) бытия общества [Одум 1983: 645; Олейников 1993: 54–70]. Первые – собственно экологические факторы – планетарные биогенные константы бытия экосистемы. Абсолютными являются те факторы бытия экосистемы, за пределами которых невозможно существование центрального элемента (члена) экосистемы. Это те параметры, которые нельзя изменять никогда. Вторые – относительные условия ухудшения или всякого изменения экологической ситуации, опосредованные социоплагенными, антропогенными, техногенными или экзогенными причинами, которые преодолеваются экосистемой различными средствами: изменением экологической ниши, технологического способа производства, социальных отношений, охраной природной среды и т. п. В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что «ограничения дикаря иные, чем ограничения цивилизованного человека» [Маркс, Энгельс 1955: 294]. Это справедливо для относительных экологических ограничений бытия человека, которые социум на протяжении своей истории успешно преодолевал. Но общими для человечества являются абсолютные экологические ограничения – фундаментальные условия жизнедеятельности современного состава живого вещества биосферы – планетарные биогенные константы.

Глобальные экологические проблемы, отражая в себе одно из противоречий современной эпохи, не возникли в историческом процессе спонтанно на голом месте. Они имеют глубокие корни, уходящие к истокам человеческой цивилизации. И прежде на судьбы экономики и культуры отдельных стран оказывали влияние климатические изменения, стихийные бедствия, отсутствие или истощение полезных ископаемых, продуктивных земель и т. п. Но эти кризисные явления имели сугубо локальный характер. Их трансформация в глобальные происходила в наше время.

В обобщенном виде можно утверждать, что главную причину современных глобальных экологических проблем следует искать в уровне развития производительных сил и производственных отношений общества. Вместе с тем реальный источник и сущность глобальных антропогенных экологических проблем не есть

простая совокупность взаимосвязанных противоречий этих отношений. Исторически они складывались, существуют и проявляются в определенном социальном контексте и не могут быть от него оторваны, изолированы. Поэтому возникали альтернативные предложения их разрешения различными общественными системами. На самом же деле перспективы преодоления глобальных экологических трудностей можно выявить лишь на основе анализа закономерностей научно-технического и социального прогресса как главных факторов обеспечения выживания человечества.

Относительно роли и места научно-технического прогресса в реальной диалектике экологических проблем современности можно сказать следующее. Принципиальная корреляция в оценке перспектив решения экологических проблем связана с развитием науки и техники и их функционированием в системе материального производства. Наука и техника могут усугублять экологические трудности или способствовать их решению. Но их действительное влияние на диалектику глобальных проблем зависит от социальных отношений. Специфические в каждой общественной системе социально-экономические отношения обуславливают формы развертывания и цели овладения научно-техническим прогрессом, практическую направленность этого процесса.

Указывая на различие форм осуществления научно-технического прогресса, нельзя отрицать общих для всех современных индустриально развитых стран особенностей развития научно-технической базы материального производства, экологического несовершенства техники и технологии, неудовлетворительный по современным масштабам уровень их производительности, угрозу истощения ограниченных традиционных природных ресурсов производства, изменение биогенных констант биосферы. Однако свойственная ряду исследователей абсолютизация только научно-технических или духовно-нравственных причин обострения экологических проблем методологически недопустима. Столь же неправомерна попытка натуралистического объяснения обострения глобальных проблем, когда считают, будто сама природа с ее ограниченными ресурсами накладывает вето на дальнейшее развитие общества.

Рассматривая экологическую проблему, источник противоречия взаимодействия общества с природой надо искать в социально-экономических отношениях, обуславливающих отчужденные формы отношения людей к природе, природной среде своей жизни. Природа в таких условиях воспринимается и используется людьми в процессе их материального производства как средство или объект эксплуатации, источник создания предметного богатства, но не как условие всестороннего развития самого человека. Такой характер отношения общества к природе сочетается в наши дни с кризисом «механической технологии», опасностью исчерпания традиционных ресурсов природы, увеличением загрязнения природной среды и др. Ухудшение условий природного обитания человека серьезно угрожает самому сохранению жизни на Земле, ведет к экологическому кризису во всей тотальности его проявлений.

В настоящее время не естественная среда, не природа человека, не наука и техника сами по себе, а уровень развития материальных производительных сил и цели общественного производства ограничивают возможности рационального и всестороннего использования сил и богатств природы для удовлетворения потребностей гуманистического развития общества, бескризисного научно-технического и социального прогресса человечества.

Господствующая в материальном производстве технология преобразования вещества природы с помощью механических орудий труда весьма энерго- и материалоемка. Поэтому обеспечение расширенного воспроизводства общественной жизни на основе механической технологии требует все большего вовлечения в производство конкретных ресурсов природы (леса, воды, полезных ископаемых и др.). При экстенсивном увеличении производственных мощностей такой технологический способ воздействия общества на природу неминуемо приведет к нарушению биогенных констант, а следовательно, и к подрыву благоприятных условий для существования жизни на Земле.

Специфической чертой современной исторической эпохи является коренной переворот в производительных силах общества (НТР), суть которого заключается в том, что на смену механическим орудиям труда приходят иницируемые человеком процессы на молекулярном, атомном и субатомном уровне (нанотехнологии), которые становятся непосредственными орудиями преобразования всеобщего предмета труда. НТР увеличивает масштаб и интенсивность изменения природного окружения. Открывая перед обществом возможности использования в качестве производительных сил безграничные по своей мощности природные процессы самодвижения материи, она выводит человечество на качественно новый уровень взаимодействия с природой, коренным образом изменяет технологический способ воздействия общества на природу, социальный охват природы, раздвигает границы сферы деятельности общества, меняет роль социального фактора в биосфере. С превращением абиогенных и биотических сил природы в производственные процессы энергетическая вооруженность общества значительно (а в перспективе безгранично) превосходит биогенный потенциал живого вещества биосферы. Происходит рассогласование темпов саморазвития качественно различных форм движения материи (различных по своей специфике и законам развития реальностей мирового целого – природы и общества). В результате несоответствия темпов саморазвития природы Земли и созданной человеком техносферы усугубляется угроза глобального антропогенного экологического кризиса. Когда же эти силы приводятся в действие исключительно ради получения прибыли или сохранения господства отдельных социальных групп, изменения биогенных констант приобретают угрожающие размеры и ускорение, ставят под вопрос будущее человечества.

Практика современного природопользования дала мощный импульс развитию как фундаментальных, так и прикладных исследований взаимодействия общества и природы. Накопленный эмпирический материал и теоретические изыскания позволили сделать ряд глубоких мировоззренческих обобщений, дополнить целостное диалектико-материалистическое мировоззрение рядом фундаментальных научных выводов, которые сводятся к следующему.

Общество (социальная форма движения материи), используя силы самодвижения материи и целенаправленно создавая необходимые условия собственного существования, способно практически к безграничному развитию, в то время как конкретные формы живой и неживой природы Земли конечны. Поскольку темпы развития общества значительно опережают темпы саморазвития и воспроизводства природы Земли и техногенная миграция вещества и энергии, осуществляясь быстрее естественных геологических и биосферных круговоротов, разрывает сложившиеся естественные взаимосвязи биосферы и подрывает ее динамическое равновесие, то естественные механизмы биосферы не могут

обеспечить ее биогенный гомеостазис. Для обеспечения условий расширенного воспроизводства бытия общества оно само должно, наряду с производством и воспроизводством человека и средств к жизни, наладить специфическое экологическое производство, которое направлено на обеспечение биогенных факторов (условий) бытия общества и биосферы в целом.

Для этого само общество должно взять под контроль глобальные естественные процессы природы Земли, превратив их в производственные процессы. Одним словом, не биосфера с ее ограниченными ресурсами становится условием развития общества, а общественное производство должно обеспечивать преодоление конечности бытия биосферы. Такая возможность становится реальностью, когда общество приобретает способность выйти за рамки конечной природы Земли и использовать в качестве орудий производства ресурсы вещества и энергии самодвижения материи. На этой материальной основе преодолеваются бытующие еще односторонние представления о неисчерпаемости природы Земли или о недопустимости ее изменения, руссоистские требования возврата к природе, представления о естественных пределах роста, волюнтаристское отношение к природе, а следовательно, и представления о неограниченном господстве над ней.

Это самый общий вывод. Реализацию экологического производства должны обеспечить: всемерное овладение гуманистическим потенциалом развертывания НТР – использование ее достижений для удовлетворения потребностей всестороннего развития человека; полная экологизация производства – внедрение производственной техники и технологии, учитывающих требования сохранения и поддержания оптимальных показателей биосферы; коренное преобразование общественных отношений, обеспечивающих социальные условия доминирования общечеловеческих ценностей и интересов в экологической деятельности, реализацию экологического императива, коэволюцию природы Земли и общества; экологическое воспитание – комплексное развитие мышления, сознания, ассимилирующих экологические нормы человеческой деятельности; развитие и распространение научного диалектико-материалистического мировоззрения людей и др.

В странах, где достижения НТР получили наибольшее воплощение и на место традиционных механических орудий приходят инициируемые человеком процессы микроуровня, практически уже теперь могут быть решены многие проблемы обеспечения населения необходимыми средствами существования. Производственные мощности в состоянии удовлетворить потребности в продовольствии, одежде, жилье и т. п. Создание новых технологий, мониторинг экологической ситуации, энергетический потенциал открывают реальные возможности организации производства и воспроизводства благоприятных условий существования в отдельных регионах. Высвобождая живой труд из процесса непосредственного производства, использование новых производительных сил создает резерв свободного времени для овладения людьми достижениями науки и культуры и их развития. Сложная наукоемкая техника стимулирует воспитание высокой ответственности и сознания индивидов, а изменяющаяся на основе происходящих перемен действительность порождает трансформацию мировоззренческих представлений людей. Осознание опасности подчинения научно-технической революции узкоклассовым интересам и целям, удовлетворению псевдопотребностей стимулирует растущую активность общественных демократических экологических движений, объединение людей для решения глобальных проблем выживания человечества.

Поскольку экологические проблемы – проблемы существования человечества, а их решение – важная задача обеспечения условий бытия человека и общества, то эти проблемы по своей сути глубоко гуманистические. В этой связи, несомненно, при обсуждении экологических проблем наряду с социальными и научно-техническими причинами их возникновения и преодоления необходимо большее внимание уделять гуманистической стороне вопроса. Без учета человеческого фактора и ориентации на гуманизацию бытия общества их невозможно решить. Гуманистический аспект проблемы – решающий критерий правильности избираемых путей преодоления глобальных экологических трудностей, действительности осуществляемых практических программ.

Если, к примеру, продовольственная проблема решается за счет увеличения эксплуатации, демографическая – путем принудительного, насильственного сокращения роста народонаселения, а сырьевая и энергетическая – стагнацией или свертыванием материального производства в слаборазвитых странах, если экономический рост обеспечивается сокращением социальных программ (медицинского обслуживания, развития образования и культуры и т. п.), а экологическая проблема решается путем вывоза «грязной» технологии в другие страны или за счет налогооблаплательщиков, то все это псевдорешения. Они глубоко антигуманны и способны лишь обострять социальные противоречия, постоянно воспроизводить причины, порождающие глобальные трудности человечества как целого.

Ориентация же деятельности общества на удовлетворение гуманистической потребности развития человека всегда служит решению глобальных проблем, ибо диалектика исторического процесса такова, что только развитие человека может обеспечить прогресс общества, а социальный и научно-технический прогресс, в свою очередь, есть условие развития человека.

Сам факт возникновения и обострения глобальных антропогенных экологических проблем современности со всей определенностью указал на ряд существенных теоретических и практических моментов. Во-первых, современные экологические проблемы во всей полноте продемонстрировали единство и неразрывную связь природы Земли и общества, необходимость их рационального симбиоза, коэволюции как объективной основы их взаимного сосуществования и развития. Во-вторых, экологические проблемы продемонстрировали практическое бессилие и неспособность наиболее экономически и индустриально развитых стран решить их путем ряда частичных мер без коренного преобразования всех сторон бытия человеческой цивилизации. Диалектика развертывания и осмысления глобальных экологических проблем современности демонстрирует системную целостность природы и общества, теоретическую и практическую ограниченность их некомплексного решения. Практическая деятельность, приведшая к обострению глобальных экологических проблем, выявила методологическую несостоятельность всякого исследования глобальных проблем и практических преобразований всего комплекса природных и социальных взаимосвязей вне диалектики единого мирового целого.

Глобальные проблемы цивилизации стимулируют поиски принципиально новых способов воздействия общества на природу, развитие науки, техники и технологии производства, переоценку социальных ценностей и приоритетов, осознание людьми их единства с природой, необходимость консолидации общества перед лицом глобальных проблем, осознание необходимости коренных социальных перемен, глубокую трансформацию всей системы мировоззрения людей и пр. Од-

ним словом, глобальные проблемы заставляют людей искать новые пути развития общества. Их решение предполагает ориентацию на гуманистическое развертывание научно-технического и социального прогресса, глубокое преобразование образа жизни людей, всей их культуры, принципов международных отношений, налаживание целенаправленного антропогенного производства и воспроизводства экологических условий бытия общества и экологического производства.

В свете изложенного понимания сущности и реальной практики взаимодействия природы и общества меняются некоторые традиционные мировоззренческие представления о месте и роли человека в природе. Господствовавшая долгое время мировоззренческая максима «Человеку пределы не поставлены» опровергается не столько ресурсной концепцией пределов роста (конкретные природные ресурсы могут быть заменены другими), сколько наличием абсолютных экологических ограничений бытия социума – биогенных констант, которые всегда и везде должны быть неизменными для обеспечения нормальной жизнедеятельности человека, социума и современного состава живого вещества биосферы.

Развитие производительных сил общества, создание современных абиогенных экоцидных средств ведения войны и др. представляют в руках отдельного человека силы, сопоставимые по своей мощи с естественными геологическими и биогенными силами природы. Отдельный конкретный человек сейчас обладает возможностью повернуть эволюцию социоприродного Универсума [Олейников 2010]. Это наглядно видно на модели «ядерной зимы», когда нажатием кнопки человек может изменить всю совокупность биогенных констант и инициировать глобальный антропогенный экологический кризис. Из винтика, песчинки мироздания он становится субъектом эволюции социоприродного целого. От его воли и сознания зависит будущее человечества и биосферы. В связи с этим на повестку дня выдвигается проблема соотношения темпов научно-технического прогресса и социальной зрелости отдельных индивидов и общества в целом, от которых зависит дальнейшая судьба планетарной экосистемы.

Реальная практика взаимодействия природы и общества показала, что природа отнюдь не храм и тем более не мастерская, и человек в ней не хозяин, а элемент планетарной экосистемы, который может существовать в пределах колебаний определенных биогенных констант и должен заботиться об обеспечении экологических условий своей жизнедеятельности, должен соотносить свою деятельность с другими биогенными факторами бытия глобальной экосистемы.

В то же время стало понятно, что дальнейшее бытие человечества возможно только в условиях коренной трансформации социальной организации общества, связанной с превращением человека в цель бытия социума и превращением природы из средства производства в неотъемлемое условие нормального физиологического существования отдельного человека и его всестороннего развития. А следовательно, поддержания стабильности биогенных констант планетарной экосистемы как естественного фактора реализации высшей гуманистической цели – развития человека. И вообще дальнейшее существование человека и социоприродной экосистемы возможно только в условиях коренной трансформации системы ценностей бытия социума на основах его соборного выживания и развития [Олейников, Борзова 2008].

Таким образом, сегодня в свете современной экологической ситуации становится понятным, что развитие отдельного человека и социума в целом является гарантом бытия социоприродного Универсума, обеспечением его коэволюции

или катализатором экологической катастрофы. В контексте названных мировоззренческих трансформаций перед людьми встают следующие проблемы. В сотрудничестве с представителями технических наук «естественники» должны найти действенные средства воспроизводства и поддержания планетарных биогенных констант на оптимальном для жизнедеятельности современного состава живого вещества уровне, не допустить нарушения абсолютных пределов бытия экосистем, а представители гуманитарных наук – определить параметры такой социальной организации общества, которая позволит обратить достижения человеческого развития в развитии науки, техники, технологии на цели обеспечения всестороннего развития человека как главного условия предотвращения глобального антропогенного экологического кризиса, обеспечения коэволюции социоприродного целого – бескризисного бытия планетарного Универсума.

К сожалению, практика современного природопользования и результаты экологизации человеческой деятельности не всеяют оптимизма относительно будущего благополучия бытия планетарной экосистемы. Глобальный антропогенный экологический кризис нарастает. В ближайшей перспективе возможно стремительное ускорение (в силу эффекта взаимообусловленного усиления) нарушения биогенных констант эндо-экзогенной экосреды живого вещества биосферы (планетарной экосистемы) и всей совокупности локальных региональных экосред и экосред отдельных организмов – экологического коллапса. Говоря языком синергетики, нам угрожает схлопывание планетарной экосистемы и жизни на Земле.

Беда в том, что созданные интеллектуально развитым меньшинством современные техника и технология, с помощью которых даже отдельный человек может оказывать существенное влияние на бытие обширных регионов, человеческие сообщества и в целом социоприродный универсум попадают в конечном счете в руки интеллектуально, нравственно и социально незрелых людей, которые в силу своей профессиональной некомпетентности, нравственного инфантилизма и социальной безответственности в принципе не в состоянии ими адекватно распоряжаться. Именно с человеческим фактором сейчас связано большинство техногенных катастроф, аварий и т. п. Этим обусловлена некомпетентность в решении социальных, экологических и других проблем властей предрержащих, поскольку большинство электората в демократических странах составляют недостаточно зрелые, подверженные манипуляции избиратели, которые выбирают не людей, понимающих и способных решать проблемы развития человека и человечества, а тех, которые обещают удовлетворить их сиюминутные потребности. В результате получается, что ни сам народ, ни его правители не доросли до уровня решения задач обеспечения бытия социума, достигшего современного состояния научно-технического развития. Научно-технический прогресс опережает процесс становления соответствующего ему уровня зрелости социума и большинства его конкретных субъектов. И это рассогласование сегодня весьма опасно. Создается впечатление, что цивилизация во многих отношениях уступает под натиском варварства и весьма вероятно наступление «глобальных темных веков» [Хантингтон 2006: 526–527]. Действительно, раньше конкретный человек был песчинкой, винтиком мироздания, не мог существенно влиять на судьбы человечества и социоприродного универсума. Сейчас ситуация коренным образом изме-

нилась. От состояния зрелости социума и каждого отдельного человека зависит судьба социальной формы движения материи и в целом – судьба человечества**.

Как выйти из кажущейся неразрешимой ситуации? Сами инфантильные люди не могут понять и целенаправленно изменить ситуацию. Они не в состоянии рационально-критически осмыслить, принять и реализовать предлагаемые интеллектуалами программы выхода из кризисной ситуации. Власти предрасположены к сохранению своего статус-кво, а следовательно, и в консервации состояния зрелости социума и его членов. Это обрекает движение человечества к катастрофе. Как разрубить этот gordiev узел? Над проблемой зрелости человека и общества бились, пока безрезультатно, лучшие умы человечества на протяжении всей истории цивилизации. Главная задача – обеспечить человеку условия нормального всестороннего развития – видится в создании естественных и социокультурных условий для формирования физически, психически, интеллектуально, нравственно и социально зрелого человека. Как это сделать практически? Это задача специального, чрезвычайно актуального, трудного и интересного исследования, реализация которого может стать залогом понимания и решения коренных проблем истории и дальнейшего бытия общества и социоприродного Универсума в целом, в контексте которого возможно и решение более частной проблемы обеспечения нормальных экологических условий жизнедеятельности человека и современного состава живого вещества биосферы.

Литература

- Гольбах П. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1963. С. 126–127.
- Кобьянский В. А. Философия экологии. Краткий курс. М., 2010. С. 12–14.
- Кутырев В. Н. Олейников Ю. В. Система «природа – общество» // Философские науки. 1986. № 4. С. 12–20.
- Маркс К. Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 3. М., 1955.
- Одум Ю. Основы экологии. М., 1983.
- Олейников Ю. В. Экологические ограничения развития общества // К экологической цивилизации / под ред. Ю. В. Олейникова. М., 1993. С. 54–70.
- Олейников Ю. В. Инфантильный социум? (Аналитическое эссе). М., 2006.
- Олейников Ю. В. Зрелое общество: Проблема, реальность, перспективы. М., 2010.
- Олейников Ю. В., Борзова Т. В. Взаимодействие общества с природой (философский анализ). М., 2008.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2006.
- Schmied-Kowarzhuh W. Das dialektische Verhältnis des Menschen zur Natur. Philosophiegeschichtliche Studien zur Naturproblematik bei Karl Marx. Munchen, 1984.

** Рассмотрение естественных и социокультурных причин задержки физического, психического, интеллектуального, нравственного и социального развития человека и социума, а также социальных последствий этого предпринято в книге: [Олейников 2006].

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Напсо М. Д.*

Объектом анализа настоящей статьи является идеология национализма, а предметом – взаимосвязь процессов глобализации и проявлений национализма. Автором исследуются природа национализма, его место и востребованность противоречивым контекстом глобализации. Рассматриваются взаимосвязь глобального и локального, влияние локальных практик и локальных идентичностей на характер глобализационных процессов. Автор анализирует природу явлений глокализации и фрагментации, их роль в снижении рисков национализма. Особую значимость приобретают вопросы, связанные с реализацией национальных интересов, влияющих на формирование идеологии национализма.

Ключевые слова: глобализация, национализм, космополитизм, гомогенизация, гетерогенизация, глокализация, фрагментация, идентичность, локальное, партикуляризм.

The object of the analysis of the present article is the ideology of nationalism, and the subject is the interrelation between the processes of globalisation and manifestations of nationalism. The author studies the nature of nationalism, its place and demand within globalization context. We also consider the interrelation between global and local, the influence local practices and local identity on the character of globalization processes. The author examines the nature of the phenomena of glocalization and fragmentation, their role in decreasing the risks of nationalism. The special importance is acquired by the issues connected with realization of national interests which influence the formation of ideology of nationalism.

Keywords: globalization, nationalism, cosmopolitanism, homogenisation, heterogenisation, glocalization, fragmentation, identity, local, particularism.

Проблематика национализма является одной из наиболее актуальных в современном социально-гуманитарном знании. Свидетельством этого является неуклонный рост научных публикаций на эту тему, а также обилие теоретических построений, объясняющих данный противоречивый феномен современной жизни. Между тем несмотря на то, что многие аспекты национализма разработаны достаточно хорошо, все же стоит отметить тот факт, что проблематика национализма имеет тенденцию к расширению в связи с усложнением процессов этносоциального и глобального развития. Национализм, обладая свойством социальной регуляции негативной направленности, был и остается весьма эффективным инструментом достижения вполне определенных политических целей, способом прида-

* Напсо Марианна Давлетовна – д. соц. н., проф. кафедры философии и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии. E-mail: napsu.maryana@mail.ru.

ния рационального смысла межэтническим взаимодействиям и поведенческим стратегиям как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Существует множество теорий, объясняющих природу национализма, но все они, по единодушному мнению исследователей, оказываются недостаточными для объяснения явлений, скрывающихся за ним. И тому есть ряд причин. Во-первых, это отсутствие единого взгляда на явление национализма, который исходил бы из признания общих подходов и критериев, основанных на широкой эмпирической социально-экономической и этнокультурной базе. Во-вторых, зависимость националистических проявлений от исторического контекста – традиционного, модернистского, глобалистского, мультикультуралистского: все эти факторы среды придают национализму особую специфичность, наполняют его содержание различными смыслами, а значит, и соответствующими следствиями. В-третьих, природа национализма определяется и историческим этапом, который переживает то или иное государство. История изобилует примерами того, насколько востребованными оказываются идеи национализма для развития государства (многие исторические преобразования проходили под флагом национализма, отождествленного с патриотизмом), в силу чего националистические установки и соответствующее им мировоззрение оказываются все более привлекательными. Так, национализм предстает в качестве безусловно актуализированного феномена, сущностное содержание которого хотя и подвергается изменениям, все же остается во многом достаточно устойчивым.

Но, по мнению ряда западных и отечественных исследователей, националистическая идеология переживает сегодня период своего упадка, поскольку становится достаточно обременительной затеей, с одной стороны, а с другой – время национализма уходит в прошлое. Рассуждая на эту тему и анализируя взгляды Э. Хобсбаума относительно актуальности национализма в век глобализации, М. С. Фабрикант отмечает: «Характеризуя современное состояние национализма, Хобсбаум использует классическую метафору Г. Гегеля, связывая... всплеск популярности исследований национализма с совой Минервы, которая начинает свой полет лишь в сумерках. “Сумерки” тут означают не столько непроясненность национализма, сколько его закат и скорое исчезновение с небосклона мировой истории... По мнению Хобсбаума, <...> формирование глобального рынка, мирового информационного пространства и рост возможностей и выгод географической мобильности делают национализм прагматически высокочрезмерно затратным и неоправданным, что должно привести не только к падению популярности данной идеологии, но и к постепенному стиранию межнациональных различий вплоть до исчезновения большинства национальных языков» [Фабрикант 2013: 142–143].

Но глобализация, отличаясь своей противоречивостью и неравномерностью развития, по-разному отражаясь на развитии государств, одновременно снижает риски национализма, с одной стороны, а с другой – увеличивает их, создавая тем самым пространство несправедливых обменов, взаимодействий, давлений. Ответом на эти и многие другие процессы, сопряженные с глобализацией и вызванные ею, нередко становится идеология национализма, активно используемая и сегодня. Политика, экономика, культура, история все более этнизируются, что придает национализму черты естественного явления. Противоречивость интересов

участников глобального процесса, усиливающаяся конкуренция за сферы влияния придают лозунгам и требованиям социальной справедливости националистическую окраску. В такой ситуации националистические настроения в массовом сознании становятся доминирующими, а национализм в форме патриотизма становится наиболее эффективным и всегда действенным средством реализации национальных интересов. Таким образом, национализм, этот, по образному выражению, «многоликий Янус», проявляет себя совершенно по-разному, в том числе и в пространстве глобализации, что позволяет трактовать его в категориях, прямо противоположных друг другу. Но и в такой ситуации, тем более в условиях противостояния в широком смысле слова, он несет в себе черты этноцентризма, наполнен фобиями разного рода, в первую очередь ксенофобией, чреватой проявлениями этнической неприязни, конфликтов, агрессии.

Национализм, свободный от ксенофобии, является основой национальной идентичности и стимулом государственного развития. Опыт многих стран, в частности так называемых «азиатских драконов», Японии, достигших за сравнительно короткое историческое время высоких достижений в инновационных и коммуникационных технологиях, многие связывают в том числе и с идеологией национализма, которая выступила фактором объединения и сплочения на базе национальной системы ценностей. Более того, национализм, выступающий в качестве государственной идеологии, приобретает особый вес в условиях давления космополитических ценностей, теснящих «национальное» мировоззрение, и это вызвано в первую очередь процессами глобализации, отождествляемой с явлением космополитизации. В орбите ее влияния оказываются все современные общества, она так или иначе подтачивает основы национального мироощущения, проникая в локальный контекст и вызывая в нем изменения, угрожающие национальной специфике.

С одной стороны, космополитизм становится инструментом преодоления философии национализма, осуществляя тем самым его «переориентировку», утверждая ценности универсализма, тем более в условиях растущего воздействия способствующих этому инноваций и технологий. Происходят процессы взаимного проникновения культур, традиций, взаимное обогащение культурными (в широком смысле слова) приобретениями, что, несомненно, не может не обогащать, даже в ситуации сложности осуществления верного выбора. С другой стороны, именно национализм в форме патриотизма является реакцией на угрозы, связанные с вторжением космополитических ценностей в мир национального. Но, по справедливому мнению У. Бека, «космополит и “локальный житель” как идеальные типы не могут быть противопоставлены друг другу. Космополитические формы жизни и идентичности являются *одновременно* глобальными и локальными с этической и культурной точки зрения. Они символизируют “этнический глобализм” или... “космополитизм с корнями”. Разница между чисто локальными и чисто космополитическими формами жизни заключается в том, что космополиты ощущают и в случае необходимости защищают свое место как открытое миру» [Бек 2003: 46]. Тот факт, пишет ученый, что «пространство опыта индивида больше не совпадает с национальным пространством, а медленно и незаметно меняется под воздействием космополитизации, не должен привести нас к оши-

бочному выводу, что все мы в будущем станем космополитами. Даже самое позитивное развитие... когда открываются культурные горизонты и растет восприимчивость по отношению к другим незнакомым и в то же время легитимным способам жизни и существования, совершенно необязательно возбуждает чувство космополитической ответственности» [Бек 2003: 38].

Национализм является весомым политическим инструментом, к которому прибегают не только в ситуации угроз. Принято считать, что апелляция к национализму свойственна, во-первых, развивающимся странам, с ее помощью решаются многие вопросы государственного развития (хотя и развитые государства, ориентиром которых выступает идеология либерализма, демонстрируют примеры приверженности идеям национализма). Во-вторых, национализм нередко облекается в форму патриотизма, что сопряжено с рядом трудностей, и в первую очередь – с верной трактовкой каждого из них, что оказывается достаточно сложной задачей. Тем не менее можно предположить, что национализм в качестве патриотизма основан на признании того, что он, равно как и патриотизм, является одним из наиболее эффективных способов выражения национальной идеи, формой организации национально-государственной жизни, который особо актуализируется процессами глобализации. И в таком качестве национализм приобретает легитимные черты, в том числе и в глазах общественного мнения. В-третьих, национализм зачастую является символом этнической и личностной идентификации и в этом отношении противостоит глобализации, минимизирующей или снижающей роль национальных идентификаторов. Процессы универсализации, вызванные расширением пространства глобализации, не только не отменяют существования «корней», но, наоборот, делают их все более востребованными. Тем более у народов, для которых созерцательность, метафизичность, глубинность бытия являются категориями не отвлеченными, а вполне реальными, определяющими национальный дух и своеобразие духовной жизни. И в такой ситуации национализм не может не быть выразителем национальных интересов, особенно в ситуации, когда национальная культура испытывает давление со стороны тенденций глобализации, что может быть выражено в фактах поглощения одной, более слабой, культуры более сильной, в процессах культурной (и не только) ассимиляции.

В век глобализации понимание национализма в его прежнем значении изменилось, как считают некоторые, связывающие это обстоятельство с тем, что национализм как идеология национального освобождения и форма национальной жизни исчерпал себя. Более того, на различных этапах развития этноса один тип национализма сменяется другим, соответствующим требованиям времени, происходит их смешение, и это создает новое пространство опасностей и рисков, в том числе и для существования этнических общностей. Немаловажное значение имеют те социально-экономические, политические и нравственно-мировоззренческие ориентиры, которых придерживается общество: там, где господствуют утилитаризм, прагматизм, стремление скорее «иметь», нежели «быть», и т. д., национализм выступает не стимулом, а, наоборот, тормозом развития, что приходит в противоречие с требованиями глобализирующегося мира.

О том, что идеология национализма продолжает оставаться одним из механизмов влияния и способом реализации требований различного рода – от объек-

тивных до надуманных, свидетельствуют события конца XX – начала XXI в. Формой «усмирения» националистических тенденций стали процессы глокализации и фрагментации. Введенный Р. Робертсоном термин «глокализация», использованный первоначально в области аграрной деятельности и означавший процесс адаптации фермерских хозяйств к местным условиям, оказался достаточно продуктивным, поскольку отражал взаимосвязь глобального и локального, и не только в хозяйственной сфере. Но взаимозависимость глобального и локального обнаруживается повсюду, во всех социальных сегментах мирового сообщества, и не всегда глобальное отвечает запросам национально-государственного развития. В этой связи глобализация предстает как единство стандартизированного и национально-локального, тенденций универсализма и партикуляризма. Трендам гомогенизации, которые сопровождаются становлением сходных черт, однотипных образований, институтов, противостоят тенденции гетерогенизации, более того, нередко именно локальное, национально-особенное выступает решающим фактором развития, особенно в ситуации игнорирования национальных интересов, дискриминации, на почве которых и расцветает национализм. Таким образом, глобализация все больше включает в себя локальное, а локальное глобализируется. В такой ситуации «националистические» риски более предсказуемы, а значит, могут быть преодолены с наименьшими потерями.

Снижение рисков националистической идеологии, представленных прежде всего в радикальных формах, возможно на основе учета локального контекста, который должен обогащаться и обогащается глобальными его достижениями. Это способствует его успешной адаптации к новым реалиям, особенно когда речь идет о традиции в широком смысле этого слова. Со своей стороны, локальный тренд привносит в глобализацию местный колорит, создает условия для продвижения глобальных процессов, выступая, таким образом, в качестве одного из инструментов, обеспечивающих как национально-государственный, так и общемировой прогресс. И в таких условиях процессы автономизации и регионализации, наблюдаемые в современном мире, являются не факторами разъединения, а взаимосвязанными и обуславливающими друг друга частями глобального процесса, способствующими подлинной интеграции, которая возможна лишь на основе учета национальных интересов и развития локальных идентичностей.

С другой стороны, глобализация, в какой бы форме она ни выступала – вестернизации (или американизации), макдональдизации, – становится тем инструментом, который «подминает» локальное, тем более что оно не в состоянии противостать напору более мощной и достаточно агрессивной культуры с точки зрения ее воздействия на национальное и перспективы его развития. Современный мир становится очевидцем процессов культурной гибридизации, в ходе которых усваиваются не только исключительно культурные (художественные и музыкальные) ценности, но и образ жизни, типы деятельности, системы предпочтений, характер межличностных и межгрупповых взаимодействий. Происходит не только усвоение тех или иных форм общения, адекватных времени, но и технологий, брендов, кардинально меняющих мировосприятие и природу социальных действий. И это настораживает, в особенности те народы, для которых национально-специфическое является не данью традиции, а ее подлинной сущностью. Проти-

востояние тенденций массовизации национальной культуры процессам гомогенизации вполне очевидно, и оно осуществляется в том числе и через обращение к националистической идеологии и практике, в которых видят средство от всепоглощающего влияния и давления глобализации.

Нет сомнений в том, что и глобальное, и локальное «нуждаются» друг в друге. Проблема заключается в том, как – и количественно, и качественно – эти части представлены в общемировом процессе, поскольку от этого зависит, насколько востребованным окажется национализм. Можно предположить, что эта доля в пользу не локального, а скорее глобального, и это обстоятельство становится фактором, порождающим риски различного содержания и направленности для развития как отдельно взятых национальных государств, так и человечества в целом. Глобализация возможна лишь через локальное и на его основе, она всегда имеет локальное измерение: социальные институты, социальные процессы и отношения, менталитет, выбор жизненных стратегий, взгляды и т. д. всегда локальны, и эта привязка к локальному контексту оказывает обратное воздействие, причем достаточно активное, на глобальные процессы. Таким образом, глобальное и локальное образуют единую ткань общемирового процесса. Сегодня, «когда под влиянием процессов глобализации человечество стало планетарным явлением, сохраняя при этом известную автономность и самодостаточность своих составных частей в пределах отдельных регионов и локальных территорий, возникла потребность увидеть единство всего этого общественного организма в его многообразии и взаимосвязи» [Чумаков 2015: 42], в том числе и локального, этнического со всеми присущими им особенностями, благодаря чему становится возможным – при соответствующих условиях – преодоление национализма с наименьшими потерями для успешности и глобального, и локального.

Выражением связи и взаимной обусловленности процессов глобализации и локализации стала фрагментация – единство фрагментации и интеграции, без которого реальное существование и плодотворное развитие современных форм жизни не представляется возможным. По мнению Д. Розенау, автора данного термина, фрагментация есть выражение одновременных стремлений к фрагментации (дроблению, автономности) и интеграции (единению, сплочению). В ситуации, когда фрагментация довлеет над интеграцией, угрозы, в том числе и в виде национализма, достаточно велики. Эти угрозы выражаются в ослаблении мощи и функций государства, перераспределении полномочий в пользу влиятельных глобальных акторов, игнорировании либо недостаточном учете национальных интересов, превращении ряда национальных экономик в службу мирового авангарда и т. д. Следствием таких политических и иных социальных процессов неизбежно становится идеология национализма, зачастую принимающая крайне агрессивные формы, преодоление которых даже совместными усилиями превращается в трудноразрешимую задачу.

Национализм возможен и в том случае, когда в стремлении к самоизоляции как предпосылке успешного развития, в желании сохранить сложившуюся систему ценностей, отвечающих национальным – индивидуальным и коллективным – запросам, этническая группа выбирает так называемую буферную стратегию, на деле оборачивающуюся деградацией и саморазрушением. Замыкание в собствен-

ном национальном мире не только маловероятно в условиях глобализации, но и вредит самой природе локальности, предполагающей различные формы кооперации и сотрудничества как условий самосохранения. Происходит смешение понятий «локальное» и «локализованное», более того, понятие «локальность» теряет подлинность своего изначального смысла, становясь синонимом локализма, понимаемого как существование в отрыве от современных достижений, являющихся результатом интеграции. И этот локализм, ограничивающий возможности поступательного развития, является питательной почвой для возникновения и распространения «национализмов» разного рода.

Литература

Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 24–53.

Фабрикант М. С. Национализм в современном мире (Сравнительное межстрановое исследование) // Общественные науки и современность. 2013. № 1. С. 141–153.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–48.

РЕЦЕНЗИИ

АРАБСКАЯ ВЕСНА В МИР-СИСТЕМНОМ КОНТЕКСТЕ

Ильин М. В.*

Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2015. – 384 с.

Черeda потрясений и конфликтов, революций и войн прокатилась по миру. Их отправной точкой и символом стала Арабская весна. За считанные годы и месяцы о ней написано небывалое количество книг, статей, заметок и аналитических материалов – от сухого теоретизирования до вполне прикладных рекомендаций относительно того, как избежать потрясений и революций или, наоборот, как их усугубить или даже «экспортировать». Рецензируемая книга Л. Е. Гринина, известного исследователя глобализации, мировых проблем и исторического процесса, А. В. Коротаева, видного арабиста, демографа и исследователя проблем мировой экономики, Л. М. Исаева, молодого арабиста и политолога, безусловно выделяется на этом фоне. И это неудивительно. Один из авторов книги, выдающийся российский ученый А. В. Коротаев, еще по свежим следам первых революций Арабской весны – буквально в течение нескольких недель – предложил модель «ловушки на выходе из ловушки». Эта модель не только объясняла парадоксы египетских событий начала 2011 г., но и позволяла понять источники дестабилизации и слома, казалось бы, успешных процессов социально-экономического развития немалого числа стран мировой периферии. Модель «ловушки на выходе из ловушки» сделана одним из важнейших объяснительных моментов книги. Она позволяет понять, почему революции нередко происходят именно во вполне успешных обществах. Такой успех ведет к завышенным ожиданиям, которые становятся источником социального протеста. В таких странах, как Египет и Тунис, к 2010-м гг. ситуация развивалась именно по данной модели.

Однако книга в целом значительно расширяет проблематику и горизонты анализа, увеличивает его глубину и основательность. Фактически речь в книге идет не о дестабилизации отдельного региона, а о лавинообразном нарастании волны кризисов и потрясений, о превращении ее в глобальную.

Расширение политической турбулентности со стран Ближнего Востока на другие регионы мира – вплоть до Венесуэлы и Таиланда – рассматривается

* Ильин Михаил Васильевич – д. полит. н., ординарный профессор НИУ ВШЭ, академический директор Аспирантской школы по политическим наукам. E-mail: milyin@hse.ru.

как начало переустройства всего мирового порядка. Вместе с тем в центре внимания остаются парадоксы Арабской весны, которые на свой лад высвечивают мировые проблемы.

На большом фактическом материале авторы показывают, как эйфория революции и первоначальных ее лозунгов сменяется глубоким расколом общества, падением уровня жизни, перерастанием мирных протестов в затяжные конфликты, гражданские войны и военную интервенцию. Особенно интересен анализ эволюции внутрисирийского конфликта, вокруг которого разгорелись крупные геополитические страсти, втянувшие в себя десятки государств, включая Иран, Ливан, Саудовскую Аравию, Турцию, США, Европу, Россию и др. В ходе анализа авторы приходят к выводу, что наиболее эффективной сдерживающей силой и заслоном от распространения радикального исламизма нередко могут выступать как раз авторитарные, но достаточно секуляризованные режимы, против которых была направлена волна радикальной революции.

Крайне интересен анализ феномена исламского государства, названного в книге «нежеланное дитя Арабской весны». В анализе событий в данной монографии авторы активно используют «закон» Бердяева: «Все революции кончатся реакциями», поскольку события на Ближнем Востоке очень хорошо его подтверждают. Расширяя этот закон, авторы утверждают, что реакциями могут заканчиваться и всякие вмешательства, пусть даже с самыми благими целями. Распад ранее стабильных государств ведет к ускоренному распространению террористической идеологии. Именно таким образом возникло «Исламское государство», ставшее, по сути дела, антитезой Арабской весне – ее непрошенной «осенью».

Авторы рассматривают потрясения на Ближнем Востоке в контексте мирового развития. Они дают характеристику мощным социальным движениям конца 2010–2011 г. и их последствиям в 2012–2015 гг. с точки зрения теорий революции и модернизации. Анализ ведется в двух аспектах: во-первых, исследуются причины, их породившие, как внутренние, так и глобальные (в частности, глобальный кризис и агфляция), во-вторых, их влияние на будущие сценарии развития Мир-Системы. Авторы дают объяснения удивительной синхронности социальных волнений в дюжине арабских государств. В книге исследуются аналогичные по синхронности революционные события в истории, которые всегда означали серьезные перемены в Мир-Системе. В итоге становится ясным, что бурные события в арабских странах также являются предвестником или началом структурных изменений мира, его реконфигурации.

Авторы являются видными представителями клиодинамики – научного направления, которое изучает многовековые, или даже многотысячелетние процессы и тенденции. Это позволяет им расширить взгляд на мировое развитие. Они помещают нынешнюю череду потрясений и бедствий в раздвинутую перспективу, чтобы точнее охарактеризовать смысл и роль конкретных событий и явлений. Это касается, например, оценки отдельных политических решений и акций, действий политиков или протестующих масс.

Заключительная часть книги посвящена анализу общих изменений на Ближнем Востоке (в частности, уменьшению роли Израиля), трансформации политики США в данном регионе и тем последствиям, которые возникли в результате противоречивой и крайне эгоистической политики последних. Авторы делают вывод, что сегодня налицо ситуация, которая объективно заставляет более ответственно относиться к результатам внешней политики и геополитических акций, в то время как западные страны действуют, как будто на дворе XIX, а не XXI в. Однако в эпоху глобализации реакция на такие действия будет достаточно быстрой и может оказаться неожиданной, что мы и видим на примере кризиса с беженцами в Европе.

Одним из наиболее колоритных моментов книги является приложение с письмами молодой революционерки Самихи Разек, показывающими трансформации протестного потенциала «изнутри». Как мы можем видеть, Самиха принимала участие в антиправительственных демонстрациях с 2011 г. Письма, хронологически относящиеся, например, к периоду правления М. Мурси, отражают революционное воодушевление, энтузиазм и готовность идти до конца, чтобы устранить вызывающие недовольство элементы действующего режима (вероятно, такие же настроения царили в протестной среде и в период демонстраций против Х. Мубарака, хотя они в тексте книги не содержатся, что несколько снижает красочность материала). Однако последующие письма все отчетливее передают волнение и переживания молодых людей в лице Самихи от осознания того, что они были преданы в своем стремлении к установлению благополучного общества, некоррупцированного и основанного на уважении прав человека. Последние же письма и вовсе проникнуты атмосферой отчаяния и безысходности сложившейся ситуации. Самиха Разек в качестве субъекта изучения протестных настроений в данном случае представляется особенно удачным выбором, так как именно женское восприятие политической обстановки в условиях кризиса и женское видение революционной активности помогают лучше понять трансформации протестных настроений и степень фрустрации, присущей постреволюционному периоду после свержения прежнего режима.

Рецензируемая книга не только позволяет расширить кругозор читателя, понять масштабы нахлынувших бедствий и потрясений. Она позволяет уяснить, что мир отнюдь не обречен на катастрофическое нарастание нестабильности и потрясений. Ответственные политики и граждане способны сгладить нахлынувшую на нас волну испытаний и перевести мировую динамику в новую, позитивную фазу развития – при условии, разумеется, осознания сложности и неоднозначности проблем, усвоения уроков, которые преподает три автора рецензируемой книги, их коллеги и ученики.

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Alexander N. Chumakov. Triosphere, Epometamorphosis and New Problems of Global Studies (pp. 3–15).

Elena N. Knyazeva. Big History: Evolutionary Thinking in Global Perspective (pp. 16–31).

Marat A. Cheshkov. *On Ability of Scientific Knowledge to Understand the Structure and Transformations of the 21st Century* (pp. 32–47).

Processes of globalization

Viktor A. Los'. Socio-Natural Dimension of Globalization (pp. 48–56).

Dmitriy M. Makhnovsky. Globalization and Development of World Cities Network (pp. 57–70).

Irina Yu. Khovavko. The Concept of Sustainable Development in the Context of Globalization (pp. 71–84).

Global issues

Nikolay P. Ryabchenko. Wars: Unresolved Problem of Mankind (pp. 85–96).

Igor L. Andreev, Lionella N. Nazarova. Does Mental Apocalypse Threaten Mankind? (pp. 97–109).

Nature, society, and humans

Vardan G. Torosyan. Cultural Capitulation as Symptom/Reason/Consequence of the Decline of Europe (pp. 110–120).

Yuriy V. Oleynikov, Tatiana V. Borzova. Philosophical Understanding of the Global Problem of Interaction of Society and Nature (pp. 121–132).

Marianna D. Napso. Nationalist Ideology in the Context of Globalization (pp. 133–139).

Reviews

Mikhail V. Ilyin. The Arab Spring in the World-System Context (pp. 140–142).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. 2003. Мировоззственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономика. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузицина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 3(19), 2016. – 144 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 15.08.2016. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,61.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диaposитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10